

М.И. Ростовцев
Избранные публицистические статьи

М.И. Ростовцев

М.И. Ростовцев

Избранные
публицистические
статьи

1906–1923

Российская академия наук
Санкт-Петербургский архив РАН

М.И. Ростовцев

Избранные
публицистические статьи
1906 – 1923

подготовка текста,
предисловие, комментарии
и биографический словарь
И.В.Тункиной

Москва
РОССПЭН
2002

ББК 63.3(2)6-8
Р 78

Работа проведена при финансовой поддержке
исследовательской программы
Центрально-Европейского университета в Праге
Фонд Сороса, проект №: 307/1995
(This work was supported by the research Support
Scheme of the Higher Education Support Programme,
Soros Foundation, grant №: 307/1995).

Издание осуществлено при финансовой поддержке Рос-
сийского фонда фундаментальных исследований
Проект № 00-06-87100

Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского архива РАН

Рецензенты:

В.Ю. Зуев, И.Л. Тихонов

Ростовцев М.И.

Р 78

Избранные публицистические статьи. 1906–1923 годы /
Подгот. текста, предисл., коммент. и биогр. словарь
И.В. Тункиной. – М.: «Российская политическая эн-
циклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 192 с.

Книга включает избранные публицистические статьи выдающегося русского ученого-эмигранта, академика РАН М.И. Ростовцева (1870–1952) за период 1906–1923 гг. Публицистика Ростовцева, представляющая его общественно-политическую позицию, почти неизвестна и столь полно публикуется впервые (частично в переводах с английского и французского языков). Несмотря на прошедшие десятилетия, многие выводы и призывы ученого, обращенные к власти предрежающим, не устарели до сих пор. Статьи Ростовцева подробно откомментированы составителем.

Книга рассчитана на историков-специалистов и широкий круг читателей.

*В оформлении использован портрет М.И. Ростовцева
работы К.А. Сомова (1931; коллекция Е. Гиллиам, США)*

© И.В. Тункина, подготовка
текста, предисловие, ком-
ментарии, биографический
словарь, 2002.

© «Российская политическая
энциклопедия», 2002.

ISBN 5 – 8243 – 0338 – X

М.И. Ростовцев как политический публицист

Историк античности и археолог, академик Российской Академии наук Михаил Иванович Ростовцев (1870—1952) — один из немногих русских ученых-гуманитариев, при жизни получивших мировое признание как выдающийся исследователь греко-римской древности. Еще в период первой русской революции в 1905 г. М.И. Ростовцев вступил в Конституционно-демократическую партию* и постепенно приобрел авторитет видного общественного деятеля. В марте 1917 г. он вошел в состав литературной комиссии, ведавшей партийной типографией¹. Менее чем через год после Октябрьского переворота 1917 г., в июне 1918 г. М.И. Ростовцев, спасаясь от преследований, которым подвергались кадеты, под предлогом заграничной командировки бежал из России. В эмиграции он продолжил активную деятельность в заграничных группах «Партии народной свободы» и был избран членом ее Центрального комитета². В момент отъезда из страны в 1918 г. Ростовцев являлся академиком Российской АН (с 1917), а также профессором Петроградского университета (с 1903) и Высших женских (Бестужевских) курсов. Пробыв некоторое время в Швеции и Норвегии, Ростовцев с сентября 1918 г. обосновался в Оксфорде. В 1920 г. он переехал в США (в 1929 г. получил гражданство), был профессором древней истории сначала Висконсинского (1920—1925), затем Йельского (1925—1939) университетов, руководителем археологических исследований в Дура-Европос (Сирия) и хранителем собрания предметов древнего искусства в Йельском университете (1939—1944). В Англии и США вышли его фундаментальные труды, сделавшие Ростовцева классиком мирового антиковедения, которые до сих пор не переведены на русский язык.

* Именовалась также кадетской партией и «Партией народной свободы».

Открыто критикуя большевиков в многочисленных публичных заявлениях, журнальных и газетных публикациях (1918–1923), М.И. Ростовцев сознательно лишил себя возвращения на Родину. В Октябрьской революции ученый видел проявление бунта низов, грозящего стране полным уничтожением культуры. В послереволюционной России его имя десятки лет носило клеймо ярого врага советской власти и оставалось фактически под запретом — в лучшем случае замалчивалось, а чаще охаивалось представителями власти и официальной науки из-за его активной антисоветской деятельности в эмиграции (в 1928 г. он был исключен из АН СССР, посмертно восстановлен в звании академика лишь в 1990 г.)³. И только в последнее десятилетие обозначился поворот к более взвешенной оценке творчества ученого, появилась серия работ, освещающих этапы его биографии⁴. Итогом стало издание на родине Ростовцева коллективного труда «Скифский роман»⁵. Интерес к личности корифея мирового антиковедения как в западной, так и в отечественной историографии не угасает до сих пор⁶.

Общественно-политические взгляды Ростовцева, нашедшие отражение не только в его эпистолярном наследии, но и в публицистике, фактически остаются неизученными. Его статьи отразили бурный процесс духовных исканий и реакцию интеллигенции на глобальные социальные сдвиги, характерные для истории России первой трети XX вв. Интерес к публицистике того времени сегодня не случаен, т. к. обстановка той эпохи в чем-то созвучна обстоятельствам, переживаемым Россией в последнее десятилетие. Совсем недавно изданы сборники неизвестных ранее публицистических статей старшего коллеги Ростовцева по конституционно-демократической партии и Академии наук — В.И. Вернадского⁷, а также близкого друга ученого, лауреата Нобелевской премии, писателя И.А. Бунина⁸.

Ряд статей М.И. Ростовцева в эмигрантских изданиях 1919–1923 гг., носивших антисоветский характер, семь десятилетий был закрыт в спецхранах биб-

лиотек⁹, значительная часть периодических изданий того времени вообще отсутствует в России.

В 2000 г. по приглашению профессора Хайнца Хайнена я ознакомилась с частью архива и библиотеки М.И. Ростовцева, хранящейся в университете г. Трир (ФРГ). В марте 1990 г. этот немецкий университет приобрел в США часть архива и библиотеки М.И. Ростовцева, которые ранее принадлежали его ближайшему ученику по Йельскому университету профессору Дж. Ф. Гиллиаму (J.F. Gilliam, 1915–1989), крупному историку-антиковеду, папирологу, в течение ряда лет работавшему в Институте высших исследований в Принстоне. На протяжении 30 лет он собирал библиографию работ Ростовцева¹⁰ и планировал работу над книгой об учителе, но приступить к ней не успел. Часть архива и библиотеки Ростовцева была приобретена Трирским университетом уже после смерти Гиллиама у его вдовы всего за 8 тыс. американских долларов при спонсорской поддержке известного производителя пива компании «Bitburger» (земля Рейнланд-Пфальц, город Битбург в 30 км от Трира).

Трирская часть архива и библиотеки М.И. Ростовцева, сравнительно небольшая по объему, до последнего времени не была описана, поэтому на протяжении десятилетия оказалась недоступной и неизвестной исследователям. Мною осуществлено описание на английском языке всех книг, конволютов и отдельных оттисков статей, большая часть которых имеет экслибрисы, свидетельствующие о принадлежности к Йельской библиотеке ученого (1097 ед. хр.). Наиболее ценно то, что многие книги имеют дарственные надписи авторов, а также маргиналии, подчеркивания и целые страницы рукописных вставок самого Ростовцева; в ряд изданий вложены подлинные письма к нему других ученых, касающиеся опубликованных им книг. Описано 58 томов книг (включая 11 конволютов 180 статей) самого Ростовцева, около 200 книг других авторов, периодических изданий, сборников статей и пр. с трудами его коллег (417 ед. хр., в том числе 6 конволютов из оттисков статей) на английском, не-

мецком, французском, итальянском, русском, шведском, болгарском, сербском и др. языках. Среди конволутов обнаружены напечатанные в 1918 г. в Петрограде и считавшиеся ранее утраченными пять таблиц к неизданному корпусу монет Боспорского царства, составлявшемуся Ростовцевым.

Значительную ценность в трирском собрании представляют первые издания трудов Ростовцева — *The Social and Economic History of the Roman Empire* (Oxford: At the Clarendon Press, 1926) и *The Social and Economic History of the Hellenistic World* (Oxford: At the Clarendon Press, 1941. Vol. 1–3) с большим числом авторских добавлений и исправлений, не учтенных в многочисленных переизданиях и переводах на другие языки. В эти же книги вложены письма Гавриила Кацарова (1929), Дэвида М. Робинсона (1942) и др. Очевидно, что ни одно из последующих переизданий или переводов фундаментальных англоязычных работ Ростовцева не может быть осуществлено без учета его авторских добавлений и исправлений.

Ксерокопии и оттиски большинства статей Ростовцева, собранные Дж. Ф. Гиллиамом, объединены в шесть архивных коробок (316 ед. хр.), причем их нумерация сохранена, т. к. она соответствует опубликованной Гиллиамом библиографии трудов учителя. Собрание седьмой и восьмой архивных коробок — собственно документов и их копий — незначительно (126 ед. хр.). Это главным образом копия биографические материалы о Ростовцеве. Среди документов: письма М.И. Ростовцева Хр. Хюльзену, Э. Петерсену и Р. Дельбрюку (1894–1927, на нем. яз., из архива Римского отделения Германского археологического института, ксерокопии), автобиография М.И. Ростовцева (1940, на англ. яз.), фотопортрет Ростовцева (1940), рукописные и машинописные заметки Гиллиама о Ростовцеве и его времени (подготовительные материалы к книге о нем), библиографические заметки Гиллиама о труде Ростовцева «*The Social and Eco-*

«*Comic History of the Roman Empire*» (коллекция текстов первого 1926 г. и второго 1957 г. английских и итальянского 1933 г. изданий, вероятно, для планировавшегося им дополненного переиздания), дополнения к библиографии Ростовцева за 1971–1975 гг., подлинная переписка Гиллиама о Ростовцеве с другими учеными за 1973–1975 гг., копии писем и заметок Альфельди и Э. Бикермана о Ростовцеве (1974–1981), суммарные инвентарные списки коллекции документов Гиллиама, связанных с Ростовцевым (1989–1990), составленные по случаю ее продажи в Трир. Здесь же представлены отписки статей, газетные вырезки, ксерокопии статей о Ростовцеве. Несмотря на копийный характер большинства материалов собрание Гиллиама представляет значительный интерес для реконструкции научной биографии Ростовцева.

В ходе изучения материалов Ростовцева в Трире мною выявлен целый ряд работ самого ученого и статей о нем, отсутствующих во всех опубликованных библиографиях Ростовцева. Так, здесь оказались сотни его работ, включая публицистические, изданные в годы эмиграции, причем свыше двадцати не учтены ни в одной из его библиографий. Очевидно, что издание полного корпуса общественно-политических работ ученого и переписки Ростовцева с видными деятелями кадетской партии — дело будущего.

В большинстве своем публицистика М.И. Ростовцева, представляющая его общественно-политическую позицию, практически неизвестна и в столь полном составе в этой книге публикуется впервые. Я сознательно ограничилась изданием работ периода 1906–1923 гг., сохранившихся в авторских рукописях в двух архивных фондах Ростовцева, — в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и в библиотеке Йельского университета в Нью-Хейвене¹¹. Ксерокопии работ Ростовцева из библиотеки Йельского университета с правом публикации я получила еще в 1991 г. (подтверждено в 1999 г.) благодаря любезному содействию американского историка науки Дэниэла Тодеса (Daniel P. Todes). Некоторые из хранящихся в

Петербурге и Нью-Хейвене статей М.И. Ростовцева никогда не издавались и впервые вводятся в научный оборот. Они публикуются на языке оригинала (русском) или в моих переводах на русский с английского и французского языков. Исключение из принципа подбора текстов по рукописям сделано лишь для программной статьи «Наука и революция» из журнала «Русская мысль» (1917), без которой невозможно правильно оценить позицию Ростовцева в вопросе о перспективах культурного развития России.

Публицистика совершенно по иному раскрывает личность М.И. Ростовцева как общественного деятеля и политика, отстаивающего свои убеждения. Статьи пронизаны искренней любовью к России, озабоченностью проблемами общества и судьбами своей страны, а в послереволюционный период — резкой антибольшевистской направленностью, бескомпромиссно-негативным отношением к коммунистической идеологии, разрушительной стихии революции и гражданской войны, категорическим отрицанием всякого насилия над свободной личностью человека, преданностью идеям демократии, гуманизма и главному смыслу жизни — науке.

Тематика публицистических работ М.И. Ростовцева различна. Настроение либеральной интеллигенции в период рождения первых легальных политических партий в России отражает самая ранняя из публикуемых статей «Профессора и Государственная Дума» (1906). Она затрагивает актуальную в новейшей истории России проблему взаимоотношений интеллигенции и власти. Очень злободневно звучат слова о нелегких судьбах представителей академической и университетской науки, тяжелой доле ученого, справедлива резкая критика чиновничества и правительственной бюрократии. Ту же тему развивает статья «Наука и революция» (1917), содержащая краткую, но емкую программу культурного развития России после Февральской революции 1917 г., воплотить в жизнь которую, по убеждению Ростовцева, возможно только с помощью целенаправленной государственной полити-

ки. Доказывая необходимость развития фундаментальной науки в России, Ростовцев старался убедить широкие массы интеллигенции в своей правоте и ратовал за повсеместное развитие книжного дела, создание сети крупных научных библиотек, музеев, научно-исследовательских центров по всем отраслям знаний, увеличение числа вузов, прежде всего университетов, для подготовки научных кадров по всей стране. «Нам нужна не грамотная Россия, а Россия культурная», — пишет Ростовцев. Парадоксально, но именно советская власть, с которой Ростовцев боролся в эмиграции, сумела претворять в жизнь многие идеи ученого уже в ходе культурной революции¹².

В первые годы эмиграции со свойственной ему энергией М.И. Ростовцев активно включился в политическую жизнь русской диаспоры, пытался организовать поддержку Белому движению, выступал с публичными лекциями, публиковал политические и публицистические статьи, осуждавшие большевистский режим в России. Он помогал русским организациям в Оксфорде¹³, Париже, Праге, Белграде¹⁴. С его помощью были созданы Русский институт и Русская гимназия в Париже (1920), Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей и Американский комитет для образования русской молодежи в изгнании (1922), Семинарий (1925; с 1931 Археологический институт) им. Н.П. Кондакова в Праге, членом Международного совета которого он являлся, и многие другие эмигрантские фонды и организации¹⁵.

Целая серия статей М.И. Ростовцева относится к периоду его активной работы в Комитете освобождения России (1919—1923) в должности председателя его центральной группы и в его филиале — Русском информационном бюро в Нью-Йорке (с 1920). В январе — феврале 1919 г. по инициативе Ростовцева и при материальной поддержке русского финансиста Н.Х. Денисова в Лондоне был создан Russian Liberation Committee — Русский освободительный комитет, или Комитет освобождения России (КОР)¹⁶ с целью

информирования мировой общественности о положении дел в большевистской стране. Членами комитета в разное время состояли А.В. Тыркова-Вильямс (секретарь), П.Н. Милюков, М.И. Ростовцев, П.Б. Струве, Г.В. Вильямс, А.А. Борман, В.Д. Набоков, К.Д. Набоков, И.В. Шкловский (товарищ председателя), С.В. Денисова. Комитет выпускал пропагандистские бюллетени о положении дел в России, которые рассылались членам английского парламента и политическим деятелям, а также брошюры и еженедельный журнал на английском языке «The New Russia» (1919—1920), первоначально редактировавшийся всеми членами комитета, затем П.Н. Милюковым. Комитет установил контакты с правительствами А.В. Колчака и А.И. Деникина, получал крупные ассигнования на антибольшевистскую пропаганду. Ростовцев вплоть до 1940-х гг. поддерживал переписку со своим близким другом и единомышленницей, секретарем КОР, видной журналисткой А.В. Тырковой-Вильямс. Он смотрел далеко и прозорливо в будущее своей родины, с одной стороны, крайне пессимистично размышляя о ее судьбах, с другой — все же веря в неизбежный крах большевизма в России. Для понимания личности М.И. Ростовцева эти документы имеют особую ценность и заслуживают полной публикации¹⁷.

К осени 1918 г. относятся статьи Ростовцева «Практика и цели большевизма», «Интервенция или “laissez-aller”», «Мировой большевизм», к весне — лету 1919 г. — «Кошмар», обличающие внутреннюю и внешнюю политику советской власти и призывающие к военной интервенции стран Антанты. Значительное число статей Ростовцева тех лет содержат резко негативную оценку общей ситуации в стране и, в частности, тяжелейшего положения науки, высшей и средней школы. Несмотря на прошедшие десятилетия, многие выводы и призывы ученого, обращенные к власти предрержащим, не устарели до сих пор. В них поражает совершенно ясное понимание сути проблемы, четкое объяснение причин невозможности своего возвращения на родину. Являясь патриотом культур-

ной России, Ростовцев не мог примириться с насилием, которому подверглась страна при большевиках. К весне — лету 1919 г. относятся статьи «Организация будущих научных отношений между странами-союзницами», к декабрю 1920 г. — «Еще раз Веллз — Горький и Россия», к 1921 г. — «Большевицкая Россия и культурное человечество», «Наука в большевицкой России», «Университеты и большевики».

Чувством горечи и боли за страдания коллег, обиды на собственное бессилие от невозможности помочь пронизаны следующие строки Ростовцева из статьи «Поминки»: «Получаю время от времени письма от сбежавших из большевицкого рая, где так цветут науки и искусства, учителей моих, коллег и учеников. И каждое письмо содержит прежде всего «синодик» — сухие списки погибших с однообразными приписками: умер от голода, расстрелян, покончил самоубийством. Десятки имен — одно крупнее другого, десятки образов самоотверженных работников на ниве культуры и просвещения, профессоров-идеалистов, в полунущете геройски несших свой крест апостолов знания. Нелегка была их жизнь и глубоко трагична их смерть. Париями они были при старом режиме, худшими париями остались в большевицком рае. Так несовместимы были их идеалы свободы и искания истины, нестесненной шорами теории проповеди научного знания, с печальной действительностью русских реакций — черной и еще в большей степени — красной. Но нужно отдать справедливость старому режиму: он не был другом профессоров..., но он не доходил никогда до тех геркулесовых столбов произвола и угнетения, до которых так легко дошли большевицкие комиссары... Никогда не ломали школу так нагло, невежественно и варварски, как в эпоху просвещенного диктаторства Луначарского. Никогда не издевались так цинично и над свободой научного изыскания и научного преподавания, как в эпоху новых большевицких Медичи... Немудрено, что все, кто может, бегут, бегут неудержимым потоком при первой возможности, зная заранее, что там, куда они бегут, они встретят нищету, полупрезрение или в лучшем случае

холодное равнодушие... Лучшие умы и лучшие силы, полные патриотизма и любви к своему делу, готовые работать при каких угодно условиях для своей страны, не могут выдержать наглого издевательства над своими идеалами и своей свободой и... бегут. А им вслед большевики шлют торжествующее радио: никогда наука не процветала в России так, как теперь, никогда ученым не жилось лучше, мир не видел правительства, так усердно радеющего о науке и искусстве. А те, о которых радеют, умирают и бегут, не видят этого рая, и видят тот ад, которым в действительности, а не в радио, является большевистская Россия. [...] Кто придет им на смену, когда русская школа и русская наука запустели? Разве возвращение к варварству есть тот идеал, которого так настойчиво добиваются разрушители России? Хотелось бы сказать над этой общей могилой крупных русских людей: вы погибли, но Россия и ее наука не погибли, они живут и будут жить. Хотелось бы верить самому в это и знать, что веруют в это другие, изгнанники, как я, или очередные жертвы большевистского рабства и принижения в России»¹⁸.

Глубокую тревогу и неприятие вызывала у Ростовцева готовность к сотрудничеству с советской властью, выказанная административным руководством Российской АН, в частности неперменным секретарем С.Ф. Ольденбургом, из патриотических творческих побуждений¹⁹. Об отрицательном отношении эмигранта к такой тактике академического руководства известно и из его эмоциональной публицистики, и из опубликованных писем тех лет²⁰. 5 апреля 1921 г. Ростовцевым написана статья, опубликованная «Times» под названием «Science in Bolshevik Russia», — ответ на статью С.Ф. Ольденбурга «Наука в России (Работа Академии наук)» в русской газете «Новый путь», издававшейся в Риге (Латвия). Ольденбург пытался опровергнуть получившие распространение на Западе утверждения о послереволюционном развале Российской АН, о гибели музеев и библиотек и давал краткую характеристику научной деятельности Академии во всех областях знаний при большевистском режиме. М.И. Ростовцев резко возражал коллеге, говоря о не-

возможности в РСФСР свободно работать в области гуманитарного знания из-за провозглашенной властями партийности науки. По его убеждению, наука — это прежде всего множественность точек зрения и их выражения²¹. В те годы Ростовцев не понимал и не принимал никаких компромиссов с советской властью. Тема массовой эмиграции ученых затронута им в другой статье — «Russian Science in Exile», написанной в Мадисоне в 1921 г.²² В ней М.И. Ростовцев открыто осуждает деятельность тех, кто «готов работать рука об руку с любыми властями столько, сколько им гарантируются некоторые материальные блага и власть... Они подчинились рабству без слова протеста и терпят его без ропота. Но их единицы, в то время как в лагере оппозиции тысячи».

Надежды многих эмигрантов на быстрый крах советской власти не оправдались. К 1923 г., уже находясь в США и столкнувшись с прагматизмом и фальшью либерально-демократической действительности, Ростовцев испытал разочарование в политике и прекратил издание антисоветской публицистики. В последующие годы ученый напряженно следил за ситуацией на родине со стороны. После начала Великой Отечественной войны, в письме к А.В. Тырковой-Вильямс от 13 июля 1941 г., он констатирует: «Мы полуслепые щенки. Предвидеть не научились. Да и научиться этому нельзя»²³. В Америке ученый практически полностью посвятил себя научной и преподавательской деятельности, хотя продолжал поддерживать связи с Русским информационным бюро («Russian Information Bureau»), фактически являвшемся филиалом Русского освободительного комитета в Нью-Йорке, с многочисленными эмигрантскими научными организациями. Именно в США, отгородившись от политики, он создал основополагающие труды в области антиковедения, сознательно погружившись «в свою искусственную атмосферу безвоздушного пространства науки»²⁴.

Публикуемый сборник статей Ростовцева — лишь небольшая часть его политических статей. Все тексты, за исключением, как уже упоминалось, статьи «Наука

и революция», издаются по архивным оригиналам в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, но с сохранением стилистических особенностей оригинала. Сокращенные слова дополнялись без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования, неп прочитанные публикатором слова помечены отточиями в квадратных скобках. Подчеркивания М.И. Ростовцева выделены курсивом. Сведения об упомянутых Ростовцевым лицах приведены в биографическом словаре.

Составитель выражает глубокую признательность В.А. и М.В. Лавровым, А.Ю. Соловьеву, М.Д. Лаптевой за помощь в переводах с французского и английского языков и их редактировании, профессору Хайнцу Хайнену (ФРГ) за предоставленную возможность знакомства с материалами Ростовцева в университете г. Трир, а также академику Г.М. Бонгард-Левину, рецензентам В.Ю. Зуеву и И.Л. Тихонову за ценные консультации и замечания при подготовке рукописи к изданию.

И.В. Тункина

Избранные
публицистические статьи

Профессора и Государственная Дума

Университеты — все или почти все — накануне того дня, когда им приходится расставаться со многими членами своих коллегий, провожая их в Государственную Думу напутствиями, пожеланиями и... отставкой. Действительно, другого выхода для профессоров, членов Думы, нет: они получают постоянное содержание, ergo* они чиновники, ergo или университет, или Дума. Что-то фальшивое и злое звучит в этой дилемме, фальшивое и недоговоренное. Я понимаю, что чиновнику, при существующем взгляде на чиновничьи отношения, трудно быть и в Думе, и на службе, последнее хотя бы *in suspensio***; повторяю, однако, понимаю в существующих условиях. Но причем тут профессора?

Когда министерство пыталось им внушить, что они чиновники, обязанные проникаться видами начальства, то Совет Петербургского университета твердо сказал ему, не входя в обсуждение основного тезиса, несомненно ложного, что при всяких условиях профессора не были, не будут и не должны быть чиновниками. Не говоря уже о полной нелепости «проникновения видами» для человека, поставившего *истину* целью своей жизни, самая сущность чиновничества — иерархия и подчинение — для служителя *свободной* науки кричащее противоречие. Итак, аргумент «профессора — чиновники ergo» устраняется как нелепый. Для чего он был нужен? Для того ли, чтобы лишить университеты твердых мыслью и волей прогрессивных сил? Для того ли, чтобы по возможности не пустить эти силы в Думу, надеясь на то, что семейный и абсолютно необеспеченный человек, каковы большинство профессоров, не пойдет в Думу, рискуя голодом семьи? Думаю, и то, и другое соображение было в

* следовательно, итак (*лат.*).

** во взвешенном состоянии (*лат.*).

головах у того, кто создал глубокую статью о «лицах, получающих содержание из казны». Добился ли составитель цели? Просмотрев список членов Думы можно сказать: и да, и нет. Профессоров в Думе мало, очень мало, но все-таки больше, чем можно было ожидать¹. Подъем настроения в России сказался и здесь, и профессора на риск и страх в Думу пошли и в Думе находятся.

Мне скажут: устраняя соображение о чиновниках, остается резонное на первый взгляд опасение, что совместить и университет, и Думу нельзя. Резонность этого заключения, однако, сомнительна. Прежде всего, кто может учесть силы того или другого деятеля? Был членом палаты, правда недолго, Моммзен, был, и долго, Вирхов. Пострадали от этого интересы университета, науки и государства? Скажут — то Моммзен, то Вирхов! Но немцы не опекали своих профессоров и не ошиблись, мы будем опекать и... ошибемся. А *rigor** работоспособность профессора больше, чем работоспособность других граждан Российского государства, и именно работоспособность в сфере логического обсуждения. Кто прошел тяжелую школу достижения профессуры, тот это знает. Много ли есть людей, рабочий день которых, и притом напряженной умственной работы, не менее 10—11 часов? Для добросовестного ученого и профессора это минимум, главным образом, на первых порах. Чем дальше, тем человек, если по российскому обычаю не разленится, все более и более привыкает распределять свое время, экономить его, сгущать работу. Свободное работоспособное время у профессора, умеющего работать, есть и будет, и часто без ущерба для университета и науки.

Но пусть будет ущерб. Опять говорю, не опекайте. Добросовестный человек не потерпит этого, а недобросовестный... у него и так, и без Думы ущерб, и от опеки ничего не выиграешь.

Иду дальше. Первая Дума требует всего человека. Правда, закон писан не для первой Думы, но пусть... все равно, он первой Думы не переживет². Да, всего

* Из предыдущего; на основании ранее известного (*лат.*).

человека, но... на время, на горячее время первых лет напряжения. Пострадают интересы науки. Не менее чем кто-либо другой, ценит интересы науки пишущий эти строки. Но тот, кто ушел в жизнь всей страны душой и интересом, тот все равно на время от науки ушел. И он данная сила для Думы: свой вышколенный синтез и анализ он понесет народу, и польза от этого будет. Потом он к науке вернется, может быть, более сильным, не надо закрывать ему дверей.

Я отнюдь не склонен переоценивать профессоров как политиков. Наоборот, я скажу: профессора политики плохие. Я не склонен переоценивать русских профессоров, наоборот, я знаю, нас мало и качества мы не Бог весть какого. Но много ли вообще *людей* в России и каков их удельный вес? И далее: есть моменты общей мобилизации, и в эти моменты, кто в силах и кто носит имя «сливок интеллигенции» пусть идет и помогает. Профессора всегда служили свободе и истине, и то, что нам нужно теперь, это не более как свобода и правда.

Но каков же выход из создавшегося положения? Действительно, на первых порах трудно будет профессору нести всю кафедру на своих плечах и быть в Думе, трудно вести весь комплекс деятельности профессора: и лекции, и занятия, и диссертации, и собрания факультета и Совета. От многого от этого можно и должно профессора — члена Думы — освободить, помогут и охотно помогут ему коллеги, выступит приват-доцентура. Факультеты не потерпят, чтобы преподавание страдало, и лакуна будет заполнена, тем более, что совсем прекращать связи с университетом профессор не должен: сессия длится не целый год.

Все это, правда, применимо, главным образом, к Петербургу; петербургский профессор может ни на минуту не прерывать своей деятельности. Провинциальным труднее, но и здесь выход есть. Один семестр всегда будет в распоряжении профессора; можно и должно устроить чередование. Словом, не надо ни в коем случае заставлять профессоров — членов Думы уходить. Они должны остаться в университете, остаться профессорами. Как лицам, исполняющим важное

народное дело, им будут сделаны все льготы, факультеты обязаны найти средства, чтобы их временное отсутствие не было заметно. Если нет материальных средств для занятий лакуны, пусть профессора не получают жалованья или получают его в умеренном размере. Но связи между профессором и университетом прерывать нельзя и не следует. Пользы от этого никому не будет. Кто совсем уйдет в политику и бросит науку, тот и сам в университете не останется.

Статья без даты, написана не ранее марта 1906 г. В брошюре В.В. Брусянина «Указатель книг и статей о Государственной думе» (М., 1913) какие-либо публикации М.И. Ростовцева на эту тему отсутствуют.

ПФА РАН. Ф. 1054. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–5. Автограф М.И. Ростовцева.

Наука и революция

Когда три года тому назад народы Европы столкнулись в кровавой и затяжной борьбе³, перед всеми деятелями науки, под знаком которой протек XIX в., встал тревожный вопрос: какая судьба ждет великую интернациональную *respublica litterarum*^{*}, где, несмотря на упорное стремление Германии к гегемонии и несмотря на здоровое чувство отдельных даже мелких национальностей, толкавшее их на путь создания национальной науки, все же чем дальше, тем более крепло сознание единства мировой научной работы, не связанности в основе науки как таковой с той или другой национальностью, с тем или другим государством.

Упорное и постоянное искание путей к тому, чтобы парализовать многоязычие науки, является, может быть, наиболее ярким показателем сознания единства и цельности мирового научного творчества. Пути эти были многообразны, попытки энергичны и продуманны, но не все средства одинаково хороши и целесообразны. Панацеи найдено не было.

* Буквально: государство науки; образно: корпорация людей науки (*лат.*).

Одним из могучих средств международного научного общения были международные конгрессы⁴, захватывавшие одни области за другими. Сделали они немало, главным образом, в смысле личного объединения деятелей науки, знакомства ближайших специалистов одних с другими, личной взаимной оценки и смотра научным силам отдельных стран. Сильнейшим препятствием к созданию того, что официально всегда стояло на знамени конгрессов, т. е. к организации общей научной работы, была, с одной стороны, многолюдность конгрессов, куда съезжались все — призванные и непризванные, а еще больше многоязычность их. Все меры к сокращению числа допущенных на конгрессах языков не приводили к цели. Напротив, все больше и больше раздавалось вполне законных требований расширить число языков, признанных языками конгресса⁵, а это делало конгрессы все менее и менее действительным средством к организации международной научной работы. Не достигалась и вторая официальная цель конгрессов — восстановление единства научных дисциплин, обезвреживание дробления и специализации. Тяга к специализации была так велика, что конгрессы естественно распадались на отдельные группы специалистов, не растворявшиеся даже в организациях отдельных секций.

При всех этих недочетах конгрессы все-таки способствовали и достижению официальных целей. Все более укреплялась тяга к созданию общей, координированной работы, единство науки, несмотря на ее специализацию, создавалось все сильнее.

Рождалась идея необходимости новых организаций — конгрессов небольшого числа специалистов. Создалась мощная организация союзов академий⁶, давшая ряд благотворных результатов. Все настоятельнее ощущалась необходимость взаимного осведомления. Многие крупные журналы приобретали все более и более международный характер. Росла тяга к изучению среди групп специалистов тех языков, которые в данной области были носителями большой научной работы.

Все это движение властно приостановлено было войной. Война вскрыла с неопровержимой ясностью, плохо прикрытой мантией международной, стремление Германии к научной гегемонии, не основанное на действительном превосходстве. Ясно стало, что Германия желала прежде всего использовать все международные силы для разрешения близких и нужных ей задач и провести везде и повсюду плодотворную, с одной стороны, но губительную — с другой, тенденцию к механизации научной работы, к массовому фабричному производству в области научного творчества.

Союзные страны с огромной силой ощутили необходимость тесного взаимного общения, объединения своих сил и средств для того, чтобы после войны идти рядом с Германией в области научной работы, без подчинения и без руководства с чьей бы то ни было стороны. Необходимость поддержания идеи единой науки ни один момент не была подвергнута сомнению, но надо было найти более здоровую почву для этого объединения, на основе свободного развития науки в недрах каждой нации с наиболее рельефным выявлением всех национальных особенностей научного творчества.

Все эти попытки остались, однако, в рамках благих пожеланий и теоретических рассуждений. Первое, что требовалось и что было предпосылкой для дальнейшего здорового развития, — это было внутреннее научное самоопределение каждой страны, подсчет своих сил и здоровая организация научной работы.

Нужно это и полезно было и для стран со старой культурой и срочной организацией научной работы — для Англии и Франции, еще нужнее для тех стран, которые находились под исключительным и давящим влиянием германской науки, и которые до войны тщетно пытались от этого влияния освободиться. Я имею в виду, главным образом, Италию и Россию, которые обе уже давно сознали себя и сильными, и творческими, но не сумели дать надлежащей организации своим научным силам и надлежащей материальной базы для своего научного творчества.

Особенно тяжело было и остается положение России. Нигде так ясно не сказалось основное горе России, ее первородный грех, ее органическая беда, усиленная губительной политикой русского самодержавия. Пропать, которая образовалась между русской интеллигенцией и массами населения, лишила и лишает русскую науку той базы, на которой она, по состоянию своих интеллектуальных, творческих сил, могла и должна была бы стоять.

Надо открыто сознаться в том, что в России наука казалась каким-то оранжерейным цветком, расцветавшим в теплицах университетов и академий, не связанная органическими нитями даже с интеллигенцией, не говоря уже о массах населения.

В России наука, настоящая чистая наука, база интеллектуального развития, жила исключительно государством, могла существовать только постольку, поскольку ее поддерживало и питало государство.

Возьму область науки мне близкую и знакомую — науки гуманитарные. В Германии, во Франции, в Англии всякая научная работа, всякий научный труд, конгениальный национальному духу, находит всегда сравнительно широкий круг людей, который его воспринимает и перерабатывает в своем сознании, делает базой для дальнейшей научной работы. Создается школа со своими традициями и методами, создается среда, из которой вырастают дальнейшие научные работники. Налицо круг лиц, покупающих и читающих научную книгу, находящую себе сбыт и поэтому находящую и издателей. Мощная книжная торговля, естественно вовлекавшая в свою орбиту и заграничных клиентов, является показателем интереса к науке и базой для дальнейшего научного развития.

Носителями непрерывности научного творчества были и остаются сплошные серии научных трудов, объединенные одной идеей, научные журналы, существующие десятками лет. Все эти серии и журналы только частью живут при помощи субсидий государства, в большинстве случаев — это создания частной инициативы, поддержанные сбытом.

Наряду с научными предприятиями в стране и вне ее — напомним хотя бы об археологических экспедициях и раскопках — которые ведутся на счет государства, целая серия таковых живет самостоятельно, без помощи государства и на средства обществ и частных лиц.

Почти ничего подобного мы не находим в России. У нас нет ни одного издательства, которое уделяло бы внимание научным книгам. Те, которые этим занимались, смотрели на свою деятельность, как на род просветительной благотворительности. Рассчитывать на сбыт, да и только в самое последнее время, могли лишь книги популярные, по большей части переводные. Вся чистая научная работа держалась исключительно государством. Правда, в этом отношении за последние десятилетия наблюдался решительный поворот. Интеллигенция все более и более подымалась до научной, национальной книги, научные исследования начали находить себе сбыт. Но деловая Россия плохо усвоила себе этот поворот, и наши издательства как раньше, так и теперь, чуждаются и боятся научных книг, не идя дальше издательства учебников и так называемых, по большей части переводных, научных книг.

То же и в области журналов. Наши большие журналы пытались отражать научное движение, но делалось это без системы и без разбору. Все, что легко читалось, независимо от того, чужое это или свое, пережевывание ли это старого, или попытка сказать что-либо новое, находило себе приют на страницах толстых журналов. Всё же эти журналы сыграли свою роль и воспитали в читателях некоторый интерес к науке.

Наука, однако, отставала от требований к ней. Для потребностей в популярно-научной литературе у нее не хватало национальных сил. Приходилось прибегать к переводам и пересказам, наводнять рынок научной макулатурой иностранного происхождения, плохо понятой самими переводчиками и еще хуже ими пересказанной.

Не лучше обстояло дело с научными предприятиями и исследованиями. Все, что делалось государством, делалось ощупью и без системы. Поддержки себе вне государства издательская работа не находила нигде. Достаточно сказать, что до сих пор в России нет почти ни одного, думаю даже, буквально ни одного научного журнала, который существовал бы без поддержки государства, да и эти последние возникли только в самое последнее время, и кто знает, долго ли они еще будут существовать.

Каковы же причины этого двойственного, неопределенного и тревожного состояния русской науки?

Коренной и основной причиной я считаю то, что наука всегда была чужда официальной России, что в составе русского государства она была только терпима, что никто не стремился и не способствовал установлению связи между наукой и населением, не хотел и боялся этой связи.

Я не говорю уже о стеснениях свободы научного творчества и научного обучения, державших в постоянных тисках русскую мысль как раз там, где проявлялась наибольшая сила ее творчества: в вопросах религии, в области философии, в сфере политических и экономических наук. Печальные плоды этого мы познаем теперь в том бесконечном невежестве, которое проявляют все в России, когда судьба столкнула Россию с важнейшими вопросами своего будущего строительства.

Еще показательнее отношение всей официальной, а через ее посредство и всей остальной России к науке, как таковой, независимо от цензурности или нецензурности проводимых ею идей.

Казалось, как я говорил раньше, что наука в России держится и живет только государством. Это, несомненно, так. Но какова была эта поддержка? Науку официальная Россия поддерживала только как *descriptum*^{*}, а не как жизненный орган, обеспечивавший ее существование; жалкое положение университетов, ко-

* внешнее приличие, видимость (*лат.*).

торые должны были поставлять чиновников, врачей и учителей, и, кроме того, людей науки только в той мере, чтобы заполнить кафедры; не менее жалкое положение технических высших учебных заведений, поставлявших техников второго сорта; бесконечно униженное и пришибленное состояние духовных академий; все это — ясный показатель последовательного проведенного стремления поддерживать видимость науки, но не давать ей возможности укрепиться и пустить глубокие корни в народе.

Не так действует государство, которое действительно верит в науку, сознает ее пользу и необходимость, видит в ней не *decorum*, а постоянную потребность. До сих пор, можно сказать, поддержка науки в России государством была плохо прикрытой фикцией. Государство стремилось этим путем держать науку в своих руках, пользоваться ею, как послушным инструментом. От времени до времени, под напором государственной необходимости, делались шаги вперед, но боязливо и робко, с оглядкой, как бы не перейти меры, не дать действительно науке слиться с народным сознанием.

С этим всегда и последовательно боролась интеллигенция, инстинктом чувствовавшая необходимость и важность широкого распространения научного мирозерцания. Но не в ее силах было поддержать науку. Бессильная в борьбе с государством в области политики, не имевшая возможности путем распространения настоящей культуры создавать здоровое будущее, она принуждена была и в области науки довольствоваться сама суррогатами и питать суррогатами суррогатов массы. Над пропастью между массами населения и собою, над пропастью между всем населением и наукой, которой ни в одном здоровом обществе не могло и не должно было быть, перебрасывались зыбкие и легкие мостики, которые упорно разрушались государством.

Но наука, раз появившаяся и нашедшая себе центры развития, не могла пребывать в этом состоянии полужизни. Сильная творческая натура русского гения

пробилась и здесь, как она пробилась в литературе, и в пластических искусствах, и в музыке. Здесь слабее, чем там, но не надо забывать, что для науки индивидуальное творчество — это только одна предпосылка: требуется организация и материальные средства, требуется научная среда соратников.

Несмотря на уродливые условия своего существования, научное творчество создало ряд гениев и ряд достижений, сумело создать и новые дисциплины, которые, однако, до сих пор, за отсутствием надлежащей среды и подходящих материальных условий развития, не удалось успешно вырывать из рук ее германские соседи: к счастью византиноведение и изучение Востока в области близких мне наук.

Но создать нужную для России армию научных работников русская наука не могла. Слишком неприглядна была научная карьера, слишком тяжело и материальное, и моральное положение русского ученого, чтобы к науке шли все те, кто чувствовал к ней влечение.

Чувство моральной приниженности играет здесь, конечно, главную роль. Материальная необеспеченность окупается, говорят, высоким званием профессора и ученого, почетным положением. Этот «почет» — фикция. Он еле-еле зарождается среди интеллигенции, и он абсолютно отсутствует в массах, которые не знают, ни что такое наука, ни что такое ученый, для которых это только разновидность барина или, как теперь говорят, буржуа; его не было и нет и в официальной России. Старая Россия боялась ученых, не верила им, ставила их в унижительное и тяжелое положение. Не велик был «почет» служить буфером между государством, которому ученая Россия не верила и с которым она боролась вместе со всей интеллигенцией, и которое, в свою очередь, не верило ученым, и студенчеством, которое склонно было видеть в защите членами науки защиту ими правительства, так как борьба студенчества с государством направилась по недомыслию против науки.

Тяжелое материальное положение выросло и от сознания несоответствия затраченного таланта и труда результатам, от сознания отчужденности от массы своих соотечественников, с одной стороны, и от всего остального ученого мира, с другой. Упреки, бросае-мые ученым в том, что они не шли и не идут к мас-се, — бессмысленны и невежественны. Для того чтобы дать массе плоды научного творчества — а только те из них ценны, которые выращены самостоятельно, а не сорваны с чужих деревьев, — нужно положить де-сятки лет работы, и не всякий может сам передать массам то, что он создал. Для этого нужны посредни-ки с особым талантом и особыми навыками. Отчуж-дение науки от масс — ни в коем случае не вина уче-ных, а вина уродливого развития культурной жизни России вообще.

Не их вина в том, что нет около них среды, из ко-торой они могли бы черпать живые силы и сознание своей нужности и необходимости, необходимую осно-ву морального спокойствия. Этой среды не может дать университет, в котором бушуют политические страсти и в котором многие хорошие силы поглощались поли-тической борьбой. Этой среды не давала интеллиген-ция, либо опускавшаяся до маразма, либо пребывав-шая в состоянии политической лихорадки. Этой сре-ды, наконец, не давала наука, где в небольшой семье научных работников имелись сотни ученых только по званию, опустивших руки в борьбе с непониманием и отчужденностью. Не вина ученых и в том, что состав-ляет их крест, — в том, что их мало знают в научной среде вне России. Страна, где нет мощной научной организации, не в праве рассчитывать, чтобы ее язык знали и изучали ученые других стран, и единичные научные творцы должны либо писать на чужом языке, что не совместимо с национальным самосознанием многих, либо спокойно смотреть на то, как открытые ими истины игнорируются или открываются вторич-но. Несмотря на эти поистине тягостные условия, наука в России не только не заглохла и не захирела, но живет и с каждым десятилетием крепнет. Весь этот процесс свидетельствует о силе русского научного ге-

ния, и больно только при мысли, каков мог бы быть научный расцвет России при нормальных условиях.

Кое-что сделано в последнее время и в области связи науки и массы населения. Часть интеллигенции поняла значение науки, научные книги начали находить покупателей, интеллектуальный уровень как будто повысился.

Все эти печальные условия существования русской науки особенно ярко осознаны были в эти годы великой войны, когда в сознании всех на первый план выдвинулись вопросы о России как таковой, о ее праве на существование как великой державы, о ее чести и достоинстве, о законности ее борьбы против попыток ее культурного и материального порабощения.

Русские ученые, в годину великих бедствий предоставленные самим себе, проявили глубокое сознание своего долга перед родиной и сумели показать свою действительную любовь к родине.

Настали грозные дни революции. Перед учеными и наукой встал ряд новых тревожных вопросов. Что несет революция русской науке? Освобождение от тисков старой государственности, надлежащую оценку ее важности со стороны государства, широкую поддержку и признание общества и государства, новое светлое и радостное будущее?

Таковы были перспективы первых моментов. Но пришли дни великой печали. Во всем строе общества и государства вскрылась и обозначилась с потрясающей реальностью пропасть, разделяющая мыслящую интеллигенцию от народных масс, в которых материальные инстинкты и животные интересы заглушили и чувство любви к родине, и сознание великого культурного единства всей России. Неожиданный стихийный успех нашла себе проповедь узких и слепых теоретиков, выбросивших за борт все культурное прошлое России, весь пройденный ею путь, и пытающихся на развалинах интеллигентной России, которую не сумело задушить самодержавие одного, построить самодержавие наименее культурных слоев — крестьян, батраков и рабочих.

Вместе со всей культурой России для достижения невозможного социального и культурного равенства выбрасывается за борт и наука, и все, что ею сделано для России и человечества. Грозит сугубое возвращение старого нашего культурного рабства, которое будет горше прежнего.

По этой колее может пойти и правительство, ослепленное выразившейся якобы волей большинства населения.

Надо ли говорить, какой гибельный путь намечается для России? Спасение России не в диктатуре масс, в этом ее гибель. Спасение только в углублении и подъеме культуры России, немыслимой без сильного, богатого и единого государства. Надо искать и найти пути к объединению русской интеллигенции и масс, к уничтожению пропасти между ними, к созданию единого культурного народа. А это будет по плечу только народу, который осознает не внешнее, материальное неравенство — прямое последствие неравенства культурного, а необходимость прежде всего культурного подъема, за которым медленно придет и уравнение социальное и экономическое.

Таков должен был бы быть лозунг момента. Социальный и экономический мир, развитие всех производительных сил страны — моральных, интеллектуальных и материальных. Все это возможно было бы только для народа, победоносно закончившего навязанную ему войну, войну, цели которой так просты и ясны. Не Константинополь и проливы⁷, не свобода Сербии, Польши и Бельгии⁸, русскому народу — как ни высоки эти цели — прежде всего нужно укрепить свое государство, создать такое положение, когда никто не мог бы им командовать — ни Германия, ни Франция, ни Англия, ни Америка, ни Япония. Побежденная или даже не сумевшая победить Россия никогда не будет самостоятельной и сильной; при ее культурной слабости она, утратив свою моральную помощь и свой международный материальный и моральный престиж, будет материалом для культурного и экономического подъема остальной Европы. Победа Германии, равно

как и победа союзников без России, одинаково грозят России унижением и слабостью на многие десятки лет. А эти десятки лет затем не вернуть!..

В деле возрождения России наука должна была бы сыграть решающую и определяющую роль. Нет основания повторять трюизмов, которых не хотят понимать только самые крайние проповедники возвращения людей к первобытному состоянию. Достаточно очевидно, что настоящий технический и материальный и не в меньшей мере здоровый моральный и культурный подъем прямо пропорциональны научно-творчеству страны, силе и размаху ее научных достижений. В великой Греции и на всем протяжении мировой истории научное развитие шло рука об руку с развитием культуры вообще и, во всяком случае, обуславливало подъем материальной культуры и техники.

Но нормальное развитие науки, в современных условиях, возможно только в рамках сильной и свободной государственности. Науке ставятся везде и повсюду такие задачи, которые без затраты огромных материальных средств, без сплоченной армии работников и без постоянного содействия государства вне и внутри его пределов недостижимы.

Я не говорю уже о сфере так называемых точных наук, обо всем исследовании природы, о технических и так называемых прикладных науках, включая медицину. Об их потребностях в институтах, лабораториях, опытных станциях, клиниках и т. п. даже широкая публика достаточно осведомлена. О их необходимости для общества, кстати сказать, не возникает сомнения даже в среде представителей крайних социалистических течений, включая, может быть, и ленинцев.

Иное дело вся сумма гуманитарных наук. Считаются ли и они нужными указанными партиями, не знаю. Но, может быть, и для более посвященных не вполне ясно, в какой мере и здесь необходима огромная затрата материальных средств и широкое содействие государства, в какой степени необходима и в этой сфере не только индивидуальная работа обобщения, но и

коллективная — добычания, классификации и опубликования материалов.

Общей с так называемыми точными науками потребностью гуманитарных наук является необходимость существования не в одном каком-либо центре, а во всех больших культурных городах настоящих больших научных библиотек по всем отраслям знания. Обычно таковыми являются, кроме центральной публичной библиотеки, библиотеки университетов, открытые, конечно, для пользования не только для студентов и профессоров. Подсобными к ним должны были бы быть библиотеки специальных высших учебных заведений и отдельных научных институтов.

В России до революции библиотечное дело было поставлено из рук вон плохо и, если главная научная работа, сделанная до сих пор, была проделана в значительной мере в столицах и, главным образом, в Петербурге, то причиной этого является существовавшие почти в одном только Петербурге настоящим образом оборудованных научных библиотек: Публичной, Академической, Университетской⁹.

Вне Петербурга научные библиотеки находятся, по большей части, в жалком состоянии. Провинциальные ученые стонут от отсутствия книг, их руки опускаются в борьбе за получение самых нужных, часто элементарных книжных пособий.

Не лучше, однако, обстоит дело и со столичными библиотеками. За последнее время при неизменности их кредитов и расширенном книжном производстве ни одна из них не могла и думать о полноте, хотя бы относительной. Для новой России здесь предстоит огромное, в высокой степени ответственное дело, без которого развитие науки в России будет двигаться черепашьими шагами.

С библиотечным делом и, конечно, с развитием научной жизни в России вообще в теснейшей связи стоит рациональная постановка в России библиографии. Надо знать, что есть, чтобы иметь возможность использовать наличный материал. Настоящая библиографическая работа, по отдельным специально-

стям, могла бы быть поставлена только в рамках международных. Специалисты отдельных стран должны были бы объединиться, чтобы создать настоящую взаимную осведомленность¹⁰. Общие обзоры состояния науки в той или другой стране с периодическими дополнениями могли бы быть наиболее рациональными формами осведомления¹¹. Но работа рациональной библиографии предполагает прежде всего наличие большой армии научных работников, существование ряда специальных научных журналов и общей организации, которая немыслима без содействия и помощи государства, как материальной, так и морально-правовой.

Развитие книги как таковой, научной книги, как porta voce* науки, главного средства науки для фиксации добытых результатов не может быть обеспечено, особенно в таких странах, как Россия, без деятельной помощи всего народа, для которого это настоящая потребность, а не роскошь, т.е. без помощи государства. В России нет ни настоящей книжной торговли, ни сколько-нибудь солидных научных книгоиздательств, как вообще нет надлежащим образом поставленной промышленности и торговли. Нет и такого класса, который мог бы помочь государству в этом деле; нет обеспеченной буржуазии, которая, работая для науки, не останавливалась бы над затратой своих личных капиталов для этой цели. Нет, наконец, и такой среды в составе интеллигенции, которая обеспечила бы верный, хотя бы и ограниченный, сбыт научной книге. Незнакомство с русским языком вне России, которое объясняется слабостью русской культуры и русской науки, недостаточной авторитетностью России как культурного и научного центра, не дает русской научной книге широкого распространения за границей, т.е. закрывает для русской книги богатый заграничный рынок, наличие которого обеспечило книгоиздательствам Германии и Франции их мировое значение.

* врата призыва (лат.).

Я верю в творческий гений русского народа и потому не сомневаюсь, что при деятельной поддержке государства, при свободе научного творчества и обеспечении начинающих ученых необходимыми для работы материалами, русская наука сумеет завоевать себе национальное признание и вместе с русской литературой отвоюет для русского языка такое же положение, которое уже имеют языки французский, немецкий и английский. Я верю и в то, что при здоровой и напряженной культурной работе быстро вырастет и в России класс людей, интересующихся наукой, и русская научная книга, даже специальная, найдет себе широкий сбыт на русском книжном рынке. В этом меня убеждает то, что и теперь, несмотря на самые тяжелые условия, научные книги расходятся в сотнях, а многие и в тысячах экземплярах.

Но на первое время необходима широкая поддержка государства, государственный книгоиздательский фонд, откуда могли бы даваться пособия и на издание научных журналов, и на публикацию отдельных научных трудов и серий таковых по отдельным специальностям.

Все это, однако, только одна сторона дела. Основная задача — это создать армию научных работников, которым были бы поставлены определенные научные задания. Эта армия не создастся до тех пор, пока не вырастет сеть научных организаций с определенными целями.

До сих пор центрами научной организованной работы были, наряду с Академией наук, почти исключительно университеты. Около них да около небольшого числа специальных высших учебных заведений, группировалось то ничтожное количество исследовательских институтов, которые имеются в России.

Между тем, только в развитии этих исследовательских институтов лежит будущее науки в России. Никакая творческая индивидуальная научная работа в России не будет возможна, пока мы будем принуждены опираться в этой работе исключительно на учреждения, существующие вне России.

Командировки русских ученых за границу — основная форма создания новых кадров ученых в России и обеспечения возможности работать для уже сформировавшихся ученых, — как таковая, нерациональна и нежелательна. Международное научное общение необходимо, помощь одних стран другим в деле формирования специалистов нужна и желательна, но основа научной жизни каждой культурной нации должна быть национальной. Только тогда возможно будет настоящее научное сотрудничество и настоящее научное общение, когда мы не будем только учениками, только подмастерьями, а во многом — и, главным образом, в том, что ближе всего нашей стране и особенностям нашего научного гения, будем мастерами и учителями других.

Это будет возможно только тогда, когда русская наука в состоянии будет опереться на сеть научных исследовательских институтов, где будут формироваться на работе, на практическом деле кадры русских ученых.

Во главу угла должно быть, конечно, поставлено изучение России, которой мы совсем не знаем, но нельзя ставить и это единственной целью. В целом ряде научных дисциплин такая постановка вопроса была бы нерациональна и вредна.

Тем не менее, изучение России есть очередной и существенный вопрос, и ему мы должны уделить серьезное и глубокое внимание. Изучение России во всех областях и во всех аспектах ее многообразной и сложной жизни.

Отвлекаясь, как я уже сказал, от сферы естественно-исторических наук, где много всяких слов сказано уже авторитетными учеными, напомним, как мало сделано для изучения России в экономическом отношении, как мало мы знаем правовую ее эволюцию, как ничтожно то, что мы знаем в области религиозной жизни России, как много предстоит еще сделать для действительного познания нашего языка и нашей литературы. Как ничтожны, наконец, наши сведения о России, как таковой, о ее племенном и этнографиче-

ском составе, о ее быте и особенностях культурного уклада отдельных ее народностей¹².

Все это без специальных исследовательских центров останется в пределах распыленной, не координированной случайной работы. Как обширно и ответственно то, что предстоит сделать, я позволю себе выяснить на одном близком мне примере. Познание исторического прошлого России должно было бы быть тем, чем могла и должна была бы гордиться Россия. Много ли в этом отношении сделано? Выяснен ли хотя бы в основных чертах запас наличных исторических материалов? Приведена ли в известность наличность того, что хранят в своих недрах наши архивы и другие хранилища документов? Боюсь, что здесь, где работы сделано больше всего, все-таки мы не вышли за пределы случайных попыток и отдельных начинаний. В каком жалком положении находятся наши архивные комиссии! Много ли у нас подготовленных архивных работников? Где те учебные заведения, которые могли бы их давать? Наши археологические институты¹³ — не научные учреждения, а сбор каких-то случайных курсов, по большей части общеобразовательного характера.

Как обстоит дело с обследованием материальных культурных остатков древней России? Дело раскопок у нас в зачаточном и кустарном состоянии, о планомерном расследовании России в этом отношении, даже одного только ее центра, не может быть и речи. Об окраинах же и говорить нечего. Археологические музеи, где должен был бы быть собран подлежащий изучению материал, у нас в зачаточном состоянии. Нет ни центрального, ни областных музеев, есть только отдельные коллекции то там, то здесь, только в ничтожном числе научно хранимые и научно организованные и пополняемые¹⁴.

Вспомним при этом, что на нас исторической эволюцией нашей родины возложена ответственная задача прийти на помощь тем национальностям, которые мы вобрали в себя, в деле изучения их прошлого. Вспомним, что судьба наша тесно связана с Востоком в его многообразных аспектах, с Византией и со сла-

вянством, в научной разработке истории которых мы не можем и не должны играть пассивной роли и где, несмотря на разрозненность усилий, мы уже так много сделали.

Новому русскому государству предстоит, таким образом, колоссальная задача по созданию всей указанной серии научных институтов¹⁵, в недрах которых должно подняться в действенном содружестве со старыми носителями культурной жизни России — академией, университетами и другими высшими учебными заведениями и разрозненными учеными учреждениями — русское научное творчество.

В тесной связи с развитием этой сети ученых институтов стоит и научное будущее наших университетов, задача которых не только давать России интеллигенцию, но и готовить и формировать кадры русских ученых. Для молодой научной рати, которая должна завоевать России почетное и равноправное место среди других великих культурных наций, емкость одних университетов недостаточна. Если у нас не хватает профессоров, то это не потому только, что положение их, как было указано, незavidно ни в моральном, ни в материальном отношении, а потому также, что молодая ученая энергия ищет широких рамок деятельности, возможности на научной организованной работе закалить свои силы в сознании, что она делает настоящее, нужное для России и для человечества дело. Исследовательские институты должны вобрать в себя стремящуюся к научной работе молодежь, выходящую из университетов, и вернуть университетам в качестве преподавателей и профессоров настоящих научных бойцов, знающих не только теорию, но и практику научной работы.

Наша система сажать вчерашних учеников на кафедры учителей почти без стажа научной творческой работы или со стажем ее, пройденным случайно и бессистемно за границей, где на русских смотрят, как это утверждали недавно германские ученые, как на «воров чужой культуры», гибельна и неустойчива. Тот, кто сам не прошел стажа организованной научной ра-

боты, не в состоянии создать серьезного научного работника, не в силах родить школу, он даст только себе подобных начетчиков, повторяющих с кафедры то, что они вычитали в чужих книгах. Не такие учителя нужны для того, чтобы создать крепкую научную молодую Россию.

Перед новой Россией стоит таким образом колоссальная задача. Нельзя смотреть на разрешение этой задачи, как на дело второго порядка, как на роскошь. Слышится повсюду мысль о том, что сначала нужно сделать Россию грамотной, разрешить социальные и экономические вопросы, сделать Россию свободной и богатой, а затем можно подумать и о такой «роскоши», как развитие научной жизни.

Это глубокое и коренное заблуждение. Нам нужна не грамотная Россия, а Россия культурная. Культура же это есть нечто неделимое. Германия стала грамотной и культурной одновременно с развитием широкого научного творчества. Научное и художественное творчество Эллады обусловило развитие и распространение эллинской образованности по всему миру.

Научное творчество вселяет народу уверенность и убежденность в пользе и нужности не грамотности, а умственного развития вообще. Только народ, имеющий настоящую науку, будет иметь и настоящую интеллигенцию — плоть от плоти научных творцов, а наука эта должна быть не чужая, а своя, только тогда она заразительна, только тогда она ощущается как нечто органически нужное. Как ни сильна идея международности науки, но все развитие Европы и внеевропейских стран показывает, что рождается и крепнет наука и культура пока что только в рамках национальности. Как целое же она затем по необходимости является общим достоянием и интернациональна.

И далее, только народ, имеющий настоящую интеллигенцию, будет действительно образован и культурен, т. е. вберет в себя органически и образованность, и культуру. Гибельная тенденция смешивать

понятия, диспаратные* по существу, понятия интеллигенции и буржуазии, грозит страшной опасностью всему будущему России. Интеллигенция — это сконцентрированная в одном фокусе творческая сила страны, разрушить или ослабить ее это значит разрушить или подорвать творческие силы народа.

Если победа над буржуазией есть предпосылка появления настоящего справедливого социального строя, — так ли это, это большой вопрос, — то победа масс над интеллигенцией, к чему зовут изуверы и фанатики революции, есть нанесение народом удара самому себе в сердце, не начало нового справедливого строя, а разрушение всякого строя и погружение в анархию и варварство. Возможно, однако, что судьбы интеллигенции и буржуазии в данный момент довольно тесно связаны и что насильственное разрушение ее, невозможное в реальности, но грезящееся утопистам и теоретикам, грозит гибелью и значительной части интеллигенции и, во всяком случае, прекращением или ослаблением ее творческой работы.

Как бы то ни было, превращение России в культурную, а *implicite*** и грамотную страну, немыслимо без параллельного и одновременного подъема ее научного творчества. Без этого настоящей культуры и образованности не будет и не может быть, поэтому ее до сих пор и нет. И если русский народ не способен к научному творчеству, — а что это не так, доказывает вся его история, — то он не способен и к культуре — базе всякого правильного и здорового социального строя.

Ясно, что и экономический подъем возможен только при наличии культурного, т. е. научного, развития. Не прикладные знания и техника нам нужны, и не они дадут счастье и богатство России. Если они не вырастут на базе широкого и углубленного развития теоретического и чисто научного знания во всех его отраслях, а не только связанных непосредственно с

* От лат. *dispar* — неравный, различный.

** подразумеваемая (лат.).

техникой, то они будут мертвы и бесплодны, не дадут России ни настоящего богатства, ни настоящей культуры, всегда будут чуждым телом, которое не переработает органически и не вберет в себя весь народ.

Конечно, сразу всего сделать нельзя и работу культурного подъема России нужно вести постепенно и планомерно. Но работа должна вестись равномерно и исполняться должны все задачи в полном сознании насущной необходимости каждой.

И для того, чтобы добиться здесь каких-либо результатов, нужно, чтобы Россия была едина, едина и как государство, и как социальный организм. Работающие над обострением розни классов работают над разрушением культуры, не только в России, но и во всем мире, потому что при той стадии развития, которой достигла Россия, я не мыслю себе культурного мира без России. Надо спаять, а не распаять Россию, потому что осуществить гигантскую культурную работу может только гигантская страна. Никогда отдельные области России — Украина, Кавказ, Литва, Эстония и Латвия — не в состоянии будут дать тот колоссальный размах, при котором только и мыслимо настоящее их культурное будущее.

Только вся Россия при полном единении всех ее классов и национальностей способна сдвинуться с места и начать или, лучше, продолжать трудный, но необходимый путь культурного развития.

И только в этой России мыслима настоящая здоровая и творческая научная жизнь. Пример Германии, Франция, Англии, Италии и Америки показал, какова сила национального и государственного единения в развитии культурной работы; не дай Бог, чтобы Россия показала, к какой слабости и маразму ведет разединение и развал. Достаточно тех уроков, которые дала уже Европе расщепленная в момент мировой борьбы Россия. Такой роли учителя Европы Россия не заслужила. Все, кто ведут Россию по этому пути, — злейшие враги России и человечества.

Практика и цели большевизма

«At Buda-Pester street the carriage was stopped, and Liebknecht made a speech ending with the cry of "Long live the Internationale. Long live revolution. Down with Scheidemann"»¹⁶.

«Daily Chronicle»¹⁷. Oct. 25, 1918

В печати немало писалось о теоретических основах большевизма, о том, настоящий ли это социализм, или нет, каково его отношение к чистому марксизму и т.д. Позвольте мне этот вопрос, важный сам по себе, оставить в стороне. То, что сейчас особенно важно, это не теория, а практика большевизма, ясное представление о том, какими он средствами действует, на какие силы опирается, что он из себя представляет и к чему стремится.

Когда волны героических союзных войск начали смывать одна за другой германство с оккупированных областей Франции и Бельгии, мы стали узнавать с полной точностью, каково было поведение германцев по отношению к завоеванным областям. С ужасом следили мы, как на наших глазах разворачивается картина систематического, утонченного насилия, обессечения населения, натравливания одних групп на другие и т.д. Ostende, Briges, Roulers, Qurcoing, Courtrai, Douai и особенно многострадальный Lille — везде мы видим одну и ту же систему, одну и ту же практику.

Каковы реальные способы осуществления этой военной тирании, этого организованного и продуманного насилия? Их много и потому назову только главные. *Финансовое истощение* колоссальными штрафами и контрибуциями, уничтожением промышленности и индустрии; *истощение физическое* принудительными работами, конфискацией съестных припасов, продажей немногого, что осталось по колоссальным изъяснам; наконец, и самое главное, *моральное истощение*, унижение людей до пределов возможного, стремление

довести их до потери чувства, собственного достоинства, братской солидарности и в конце концов до предательства. Для этого пущены были в ход все средства: натравливания одной национальности на другую; унижительный военный постой — вселение в квартиры грубых, грязных, требовательных и вороватых людей; привлечение людей — изголодавшихся и обедневших — к предательству своей родины всеми доступными средствами и т. д.

Обо всем этом мы читаем с чувством ужаса и отвращения. Но представляете ли вы себе, что буквально то же самое проделывается, вот уже год, над Россией и притом еще более жестоко, еще более систематически и еще более безнравственно? Я лично видел это в течение восьми месяцев, испытывал это на себе, на своих друзьях и знакомых.

Все это делается в тишине, за дымной завесой прекращения почтовых и иных сношений с Европой: при вынужденном молчании всей печати, преступники всегда работают в темноте. Но кое-какие факты прорываются через эту завесу и доказывают, что и сейчас все обстоит так же, как и при мне с тою только разницей, что система все изощряется и результаты становятся все более ужасными.

В деле *экономического истощения* всех, кто имел хотя бы что-нибудь, хотя бы жил безбедно личным тяжелым интеллектуальным трудом, правительство «рабочих и беднейших крестьян» не знает себе равного — ученики германцев теперь могут быть их учителями. Захватив банки, конфисковав процентные бумаги, отняв деньги и ценности, лежавшие в сейфах¹⁸, отобрав земли и дома¹⁹, большевики не стесняются требовать у тех, кого они обворовали, ежедневно увеличивающихся взносов под названием контрибуций. Не платящих сажают в тюрьмы, угрожают им смертью, казнят, подвергают ужасающей нравственной пытке, беря их жен и детей заложниками. И это везде, во всех русских городах и деревнях. Один за другим местные Советы назначают штрафы — в миллионах и миллионах — на отдельные города. Невозможность уплатить

толкуется как контрреволюция, и за этим следует наказание.

Это система Ленина — система «бескровного» террора. Вся интеллигенция, не служащая большевикам, лишена возможности что бы ни было заработать. Нет торговли, нет промышленности, нет печати, нет обучения. Интеллигенция должна или идти по пути предательства, или — умирать с голода. Экономическое разорение страны влечет за собою страшное повышение цен. Интеллигенция, чтобы избежать голодной смерти, принуждена продавать свое имущество: одежду, мебель, книги, все, что нужно для жизни и для работы.

Общество разделено на две части: сытые, богатеющие предатели и голодные, умирающие честные люди. Все, кто не с правительством, со дня на день теряют физические силы, истощаются, обречены на вымирание.

Моральное истощение идет рука об руку с физическим. Голодная, гибнущая интеллигенция подвергается неопишваемым моральным пыткам. Все, что можно сделать, для того чтобы ее унижить и оскорбить, делается. Военный постой (вселение без всякой нужды в частные квартиры красногвардейцев — самых развращенных и грязных элементов общества) — одно из любимых средств, принуждение наименее приспособленных элементов к самым тяжелым и грязным работам без всякой необходимости — другое, не менее любимое средство. Я могу назвать профессоров-медиков, которых заставляли чистить навоз в казармах, художников, которых гнали ночью за город копать могилы для лагерных²⁰. Аресты, конфискация роялей и частных библиотек, постоянные обыски без всякого повода, с ограблениями и бесконечными издевательствами, а затем заключение в тюрьму и требование признания советской власти с угрозой немедленным расстрелом в случае неуказания своих сообщников, часто адресуемое к лицам, не принимавшим никакого участия в политической жизни, все это сделалось необходимым аксессуаром жизни каждого интеллигента, и мало найдется людей, кого бы пощадили эти социально-

политические эксперименты большевиков. Если угрозы, направленные по адресу неугодного правительству лица, не действуют, хватают и расстреливают его детей. Я знаю одного старого политического деятеля, детей которого расстреляли, желая воздействовать на отца.

Та же система применяется теперь не только к интеллигенции, но и ко всем, кто не идет рука об руку с правительством большевиков: с мелкими служащими, с более или менее обеспеченными рабочими, особенно с рабочими-специалистами, с ремесленниками и с теми крестьянами, которые любят свое хозяйство, умеют работать и заботятся о своем благосостоянии и о благосостоянии своей семьи.

В России нет теперь ни одного человека, который бы мог быть уверен в завтрашнем дне, нет ни одной общественной группы, ни одной организации просветительной и экономической, которая, если она еще влачит жалкое существование, не ожидала бы со дня на день своего уничтожения.

Чего же хотят большевики от России, и от чего так упорно Россия в ее огромном большинстве отказывается?

Вряд ли кто-либо в России теперь думает о теоретических лозунгах большевизма. В теории большевики хотят того же, чего хотят и все социалисты. А между тем, нет злейших врагов у большевиков, как другие фракции социализма. Не в социалистических, значит, лозунгах дело, а в практике большевизма, от которой отмахнулись все, кто сколько-нибудь сохранил еще в себе человеческий облик.

Большевики прежде всего и главным образом хотят *власти*, власти во что бы то ни стало. Для захвата и для удержания ее они не остановились перед рядом тягчайших преступлений, которые ясны каждому и которых сами большевики не могут не признать.

Для захвата власти они разрушили армию, предали Россию, предали союзников, охотно брали деньги у германцев.

Для удержания ее они принуждены были установить режим настоящей тирании, основанной на тех

лозунгах, которые одни только могли привлечь на их сторону некоторое количество сторонников: на лозунгах грабежа, убийства, разрушения. В результате около большевиков действительно сплотились все те, которым нечего было терять, для которых преступления большевиков против родины были пустяками в сравнении с перспективой власти и наживы, стоявшей перед ними.

Никто другой, кроме этих элементов, за ними не пошел и не мог пойти. Слишком ужасно было то, что принуждены были сделать большевики для захвата власти. Я говорю, конечно, о тех, кто надолго и прочно сделался сторонниками большевиков.

Временно, но только временно, они находили себе сторонников среди широких масс, которых они одурманивали радужной перспективой ближайшего будущего: солдат они привлекли обещанием немедленного мира, рабочих — мечтой захвата фабрик и немедленного использования выгод этого захвата, крестьян разрешением немедленного захвата земли и грабежа имущества помещиков. Все это оказалось ложью, и на практике превратилось в войну всех против всех внутри страны — в ряд военных фронтов вместо одного, в гибель промышленности и потерю рабочими заработка, во внутреннюю войну крестьян между собой из-за дележа земли, в карательные экспедиции большевиков в деревню за хлебом²¹. Но ложь эта выясняется медленно и не выяснилась еще для всех. А пока что большевики имели время укрепить свою власть, организованно разрушив все то, что могло им сопротивляться.

Такова судьба всякой власти, основанной на захвате ее обманом и преступлением кучкой ли людей, партией, или одним человеком. Такова судьба всякой *тирании*. Обманными лозунгами она привлекает на свою сторону массы и поддерживает свою власть насилием над теми же массами и беспощадным истреблением всех сознательных и лучших элементов страны.

Мне часто задавали, казалось бы, очень простой вопрос: почему же власть большевиков держится, по-

чему новая революция не свергнет режима насилия? Ответ на этот вопрос не так прост, как это казалось бы на первый взгляд. Я уже говорил, что у большевиков есть сторонники, они связаны с ними общими преступлениями. Все беспринципное, развращенное, жадное к наживе и грабежу прочно объединилось около правительства. Они цепко держатся за власть, они знают, что ни один режим не найдет для них другого места, кроме виселицы и тюрьмы; они вооружены, они сыты, в их руках государственная машина и государственные деньги, и, наконец, престиж людей, захвативших и удержавших власть. Против них нет организованной силы и борьба с внутренними врагами для них не страшна и не опасна. Почему же нет этой организованной силы? Главная причина — идейная. Лучшие люди в России пережили страшное, небывалое крушение идеалов. Всю жизнь они работали для того, чтобы дать народу свободу и культуру, чтобы укрепить и облагородить Россию. Когда, казалось, наступил момент для дружной общей работы на пользу России, все те, кто работал для народа, очутились лицом к лицу с озверевшим врагом, у которого по отношению к ним оказалось одно чувство, — чувство ненависти, желание унижить и оскорбить всех, кто морально и интеллектуально был выше, ограбить тех, кто имел больше. Эти люди потеряли веру и потеряли силу, а они одни могли создать организованное сознательное сопротивление. Наиболее энергичных из них большевики постарались уничтожить, наиболее слабых купить или голодом принудить слушать себе.

Осталась небольшая кучка героических людей, они не потеряли веры в Россию, они стараются организовать сопротивление. Имена их — у всех на устах. Но их мало, процессы оздоровления масс совершаются медленно, и массы всегда легче подчиняются, чем борются.

Трудно поэтому ждать, чтобы большевики были свергнуты изнутри. В данный момент они сильнее

своих противников внутри страны, будучи по существу необычайно слабыми.

Для чего же большевики так судорожно хватаются за власть? Не большевики — орудие, а большевики — вожаки. Для чего они громоздят преступление на преступление? Для того же, для чего это делали и делают германцы. И они оправдываются военной необходимостью, и у них есть нечто «über alles»*. Надо помнить, что большевики не считают и не называют себя русскими. В большинстве они и не русские по национальности, но даже и немногие русские по рождению ничем не связаны с Россией, отрицают ее. Они интернационалисты, и их ждет не революция в России, для социалистического строя Россия так мало подготовлена, даже с точки зрения марксизма, что они сами сознают, их задача безнадежна. Их ждет социальная революция в Европе, в странах, где ее может быть будут делать не так варварски, но по тем же методам и с надеждой на лучший успех.

Это всюду и везде заявляет Ленин, и его главные усилия направлены на то, чтобы побольше иметь средств и возможность вести агитацию и готовить социальную революцию в Европе. Как при начале войны Европа наводнена была немецкими агентами, так теперь она полна агентами большевиков, не русскими — русских агентов для Европы у большевиков мало, те, которые есть, настолько невежественны и бездарны, что не их послушают европейские массы.

Агенты большевиков в каждой данной стране свои люди. Большевики дают им средства, с одной стороны (нейтральные страны наводнены русскими деньгами), пример, с другой. Пример того, что власть, рожденная кровью и насилием, власть преступная и живущая преступлениями, власть с крайней социалистической программой может существовать длительно и может заставить повиноваться себе целый народ.

Сторонники большевиков в западной Европе не боятся кровавого призрака террора и тирании. Они

* превыше всего (нем.).

пользуются тем аргументом, что и лорд Нортклиф в своей речи, обращенной к американским офицерам, они говорят, что это специфически русская форма, невозможна в Европе. Но они забывают или скрывают, что люди везде люди, и что зверь в человеке сильнее, чем мы думали. То, что происходит в России, может, а может быть должно повториться всюду. Революция — это синоним разрушения. Война приучила людей к крови и жестокости, научила владеть оружием.

Прав ли Ленин²², и есть ли у него шансы на успех? События как будто говорят за то, что он более прав, чем мы думали. Болгария²³ уже идет по этой дороге, в Австрии²⁴ национальный вопрос только временно прикрыл социальный, Германия²⁵ разбита и озлоблена — почва для революции в ней готова.

Европа должна помнить: каждый день власти большевиков в России — козырь в руках сторонников не социализма, а кровавой социальной революции. Уничтожить большевиков Россия одна не в силах. Всякой *организованной* силе это ничего не стоит. Сила большевиков — ничто в борьбе с крепким государством. Если этого не сделать сейчас, через месяц, может быть, это будет уже поздно. Русский большевизм в союзе с германским, боюсь, окажется победителем. Временно, конечно, но достаточно для того, чтобы нанести смертельный удар мировой культуре.

Статья не датирована; написана не ранее 25 октября 1918 г.

Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia. Автограф С.М. Ростовцевой, подпись-автограф и правка М.И. Ростовцева.

Интервенция или «laissez-aller»*

«If the League of Nations is Utopia, then our spiritual strength is exhausted and civilization will go down in a welter of barbarous anarchy».

Dr. Harold Williams, «Daily Chronicle»²⁶

Война кончилась²⁷, но на мировом горизонте ежедневно встают все новые, все более грозные вопросы. Гроза только что пронеслась, а на небосклоне со всех сторон надвигаются новые грозовые тучи. Национальный вопрос в Австрии приобретает необычайно острый характер, осложняясь голодом и быстрым ростом большевизма. В Германии правительство Эберта тщетно старается удержать видимость порядка и организованной единой государственности. Польшу, Литву, Ливонию и Эстляндию грозит затопить русский воинствующий империалистический большевизм, достойный преемник в смысле идей и методов войны Вильгельма²⁸ и руководимых им гуннов.

Чем дальше, тем яснее становится, что ключ современного положения находится в России. Везде во все вопросы внутренней и внешней политики врывается, как острый клин, большевизм и заражает все вокруг себя.

Местные слабые ростки большевизма в Западной Европе усердно поддерживаются из России. Из России идут деньги, литература, отчасти и опытные агитаторы, хорошо усвоившие себе теорию, а, главное, практику большевизма. Надо помнить, что поддержка идет не от партии или частной организации, а от Государства, именем которого большевики выпускают неограниченное количество бумажных рублей, охотно скупаемых в Западной Европе дружественными большевикам банками (есть и такие) и частными спекулянтами. Надо помнить, что теперь, после года своего

* laissez aller (франц.) употр. в значении: невмешательство.

хозяйничанья в России, большевики имеют и армию, готовую оказать вооруженную поддержку своим братьям в других государствах, помочь им грабить и уничтожать государство и буржуазию.

Это значение России в мировой политике настоящего времени теперь общепризнанно. Мы, русские, давно уже старались убедить в этом наших союзников. Что не удалось нам, удалось Троцкому и его армии, захватывающим одну ранее оккупированную германцами область за другой и вносящим повсюду смерть, грабеж и разрушения в таких размерах, о которых не смели и мечтать прежние владыки — германцы. Вопли избиваемой русской интеллигенции не были услышаны на Западе, большее впечатление производят страдания Эстонии, Ливонии и Литвы.

Молчавшие раньше газеты заговорили. Каждый день мы читаем статьи и заметки о России, рекомендуемые союзникам ту или другую норму поведения по отношению к большевистской России.

Уже раньше наметившиеся три течения окончательно выяснились. Одни стоят за мир с большевиками и за их признание, может быть, и за поддержку их в деле насаждения мирового большевизма. Их аргументы: большевики создали упорядоченное государство, рассказы об их жестокости преувеличены, они самое демократическое правительство в мире, и поэтому бороться с ними преступно. На этой точке зрения стоят филиальные отделения группы Спартака²⁹ в Британии и Франции. Менее решительны части либералов и умеренные круги Labour*. Они говорят об усталости армии, об ее законном желании отдыха и возвращения домой и... умывают руки, как Понтий Пилат. Мы не знаем точно, говорят они, что делается в России, мы не знаем, кто прав — большевики или их противники, поэтому представьте русским самим устраивать свои дела. Пусть окончательно будет вырезана буржуазия, пусть погибнет высокая русская культура и государственность: мы будем наблюдать, будем соби-

* Имеется в виду лейбористская партия Великобритании.

рать данные и ждать, кто победит. *Laissez faire!** Затем, очевидно, признаем *fait accompli*** . Есть, однако, и третьи. Они сторонники интервенции, сторонники тех, кто всегда борется с большевизмом и германцами, кто не продавал союзников, кто сам, истекая кровью, не изменял раз данному слову, хотя измена эта принесла бы им и значительные, может быть, выгоды. Сторонников интервенции среди союзников не мало, но и они нерешительны и они колеблются, боясь внутренних осложнений и трений, боясь крикливых и решительных сторонников мирового большевизма.

О первой точке зрения, нам, русским, трудно говорить. Надо устранить, однако, одно недоразумение и одну ложную предпосылку. Когда большевики говорят о демократии, они мыслят нечто такое, что совершенно не подходит под общепризнанное понятие демократии. Для всего мира господство одного класса никогда не было демократией: мы привыкли называть это либо тиранией, либо охлократией. Под понятием демократии мы обычно мыслим строй, где царствует равенство, свобода слова и политических убеждений, неприкосновенность личности и жилища.

Для большевиков все это устарело: их демократия есть господство одного класса, господство догмы, насилия надо всеми, кто не с ними, их рабство и их истребление в случае сопротивления. Если союзники думают, что надо насаждать такую демократию, пусть поддерживают большевиков.

Надо устранить и второе недоразумение. Пусть не думают демократические государства Европы, что с большевистской Россией возможен длительный и прочный мир. Большевики и европейская демократия говорят на разных языках. Для большевиков мир — это возможность установить господство своей идеи; это не мир и даже не перемирие, а предоставление им свободы готовить новую мировую войну внутри

* Позволяйте делать (кто что хочет) (*франц.*); употр. в значении: невмешательство, попустительство.

** свершившийся факт (*франц.*).

каждого государства при вооруженной поддержке государств, где большевики уже у власти. Для них нет и не может быть Англии, Франции, России, Германии, для них нет наций или Лиги наций³⁰, они не считаются с ними. Их идеал — всемирная большевистская коммуна, где царствует мировой пролетариат. Если это идеал демократической Европы — пусть она заключает мир с большевиками.

Наиболее недальновидна и преступна политика средних, политика сторонников «laissez aller». Это политика лицемерия, политика страуса, прячущего голову, политика людей, говорящих, по словам русской пословицы, «моя хата с краю, ничего не знаю». Это неправда. То, что делается в России, весьма известно, в этом вопросе нет разногласия между большевиками и их противниками. Большевики не говорят: мы не казним. Они говорят: мы имеем право казнить всех, кто против нас, и будем это делать всегда и везде, где власть будет в наших руках. Большевики не говорят: мы не разрушаем культуру. Но они говорят: мы разрушаем и будем разрушать старую культуру, потому что она никуда не годится, нам эта культура не нужна, пусть за нее цепляются другие. Что такое их новая культура, они пока нам не сказали; они хотят, чтобы мы им поверили на слово, что она у них есть. Большевики не говорят: мы за свободу мысли, слова и личности. Для них великая истина найдена, и кто в ней сомневается — еретики и преступники; их нужно жечь на кострах. Зачем свобода мысли и слова, когда все дело разума состоит лишь в том, чтобы эту истину внедрить во все головы. Понятие свободы личности устарело, и ему нет места в большевистской коммуне. Большевики утверждают, что они создали твердую власть в той части России, где они господствуют, и что в этой части России царит порядок. И в этом нет разногласия между ними и нами. Но мы знаем, и большевики знают, что это за порядок.

Когда ассирийские цари проходили мечом и огнем по Вавилонии, Сирии, Иудее и Египту, уничтожали всех взрослых мужчин и обращали в рабство женщин,

детей и стариков, в покоренных городах и деревнях царил полный порядок, и все беспрекословно слушались. Когда Брут в Ликии³¹ вырезал все мужское население ряда городов и затем управлял этой провинцией Рима, опираясь на свои легионы, в Ликии царил полный порядок. Когда пролетариат Аргоса³² вырезал всех, иначе мыслящих, и там установился порядок. Порядок установили и гунны в Европе, и татары в России, и турки в Армении. Но это был порядок смерти и рабства. Такой порядок большевики в России установили, и с этим никто не спорит. Страна обессилена казнями и унижена рабством. Кто мог — бежал, кто не мог бежать — подчиняется. Все это так, и все это горькая правда. Такой порядок большевики готовы завтра же создать и во всей остальной Европе. Но хотите ли вы такого порядка? Не думаю.

Большевики утверждают, что за ними большинство населения России. Правда это или неправда, мы не знаем и никогда не узнаем. Русские цари утверждали, что за ними миллионы русских. Когда поднялась волна революции, на их стороне не оказалось никого. Вильгельм был уверен в том же. Сторонников большевиков никто не считал, и большевики никогда не допустят такого подсчета. Поэтому говорить о том, сколько у большевиков сторонников — занятие праздное. Но у большевиков сторонники есть, и их много. Это все те, кого они купили, отдав им чужое имущество, все те, кого они кормят, когда другие умирают с голода, все те, кому они сказали — господствуй, говоря другим — пребывай рабом. Таких много и с каждым днем становится все больше, но я думаю, что много и других, и я уверен — больше, чем кажется. Одно я знаю наверное, что между теми и другими — непримиримая ненависть, и что правительство, стоящее и поддерживающее ненависть, уничтожающее одних и возвышающее других, не есть правительство права и справедливости, не демократия, а тирания.

При таких условиях отговариваться незнанием нельзя. Мы знаем, что делается в России, и можем либо примириться с этим и ждать появления того же

спокойно и здесь, либо бороться против этого. Политика «laissez faire» есть политика преступного попустительства, политика непротивления злу, политика лицемерия и ханжества.

Остается третье — политика борьбы изнутри и извне. Это политика интервенции, активной борьбы. Но и тут, как я говорил уже, всюду нерешительность и колебание. Надо столкнуться в главном. Если большевизм есть зло, если большевистское государство есть рассадник варварства, ненависти и кровопролития, то что нужно делать? Если мы боремся с ядовитой змеей, укус которой смертелен, мы стараемся ударить ее по голове, нанести ей один смертный и решительный удар. Если вместо этого мы начнем щипать ее за хвост, то пользы из этого не будет никакой. Змею мы раздражим, доведем до ярости, отдадим ей в жертву тех, кто к ней ближе, друзей, нам сочувствующих, придадим злему зверю новые силы и поставим себя в опасное и смешное положение. Не была ли политика интервенции до сих пор таким щипанием змеи за хвост? Не пора ли бросить это занятие? Не пора ли, собравшись с духом, нанести решительный смертный удар, или примириться с большевиками и ждать здесь последствий этого мира.

Конечно, Европа устала, и армии хотят домой. Но не рано ли? Придут ли солдаты домой, чтобы воспользоваться заслуженным отдыхом, или им придется завтра же вооружаться для новой еще более ужасной мировой войны.

Отдыхать рано, борьба за право и справедливость, борьба за свободу и демократию еще не кончена.

Статья без даты; датируется по содержанию, написана не ранее 11 ноября 1918 г.

Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff. Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia. Автограф С.М. Ростовцевой.

Мировой большевизм

Speaking of the revolution in Germany, Lenin is reported to have said: This is February, not October; Kerensky, not Lenin. «Westminster Gazette». November 21th, 1918³³

Великая война соединенными усилиями России, Англии, Франции и Италии в первый, более длинный период войны, Англии, Франции, Италии и Америки во второй, гораздо более короткий период, закончена блестящей и полной победой союзников³⁴. Мечта Германии о мировом германском государстве рассеялась, как дым. Вождь этого мирового государства ищет прибежища в той стране, которая первая должна была почувствовать гнет мировой германской монархии. Подневольная, рабская германская «лига» наций не состоялась, и мы мечтаем о другой, свободной, лиге народов и государств³⁵ под охраной нового настоящего международного права, не знающего все решающей клаузулы* — войны. Европа устала. Она жаждет мира, жаждет вернуться к условиям довоенной жизни, жаждет сменить военное серое хаки на пестрое разнообразие обычной гражданской жизни.

Но я боюсь, что кончилась одна война и начинается другая, еще более страшная, еще более жестокая, еще более беспощадная. Война, к которой Европа и Америка не готовы, но к которой давно уже готовы те, кто собирается ее начать.

Они не воевали и не хотели воевать, они не устали, и им мир не нужен. Большевики в России уже выкинули красное, кровавое знамя социальной революции, знамя разрушения и пожара, знамя непрекращающейся гражданской войны — войны всех против всех. Изъян этой войны — уничтожение буржуазии и тесно связанной с нею европейской культуры. Мы стоим перед перспективой нового, кровавого раздора в семье европейских народов, на пороге новой еще более жес-

* От лат. *clausula* — заключение, конец.

токой международной войны. Из сферы международной война должна быть перенесена внутрь каждого государства. Знамя большевизма призывает к уничтожению одного класса другим, оно стремится внести разлад в каждую семью, в каждую общественную группу. Брат должен восстать на брата. Человечество своими руками должно разрушить то, что оно создало многовековой совместной и дружной работой. На место христианского лозунга любви должен встать старый лозунг ненависти, на место созидательной силы творчества должны встать грозные силы разрушения, на место единства — распыление. Вместо того, чтобы лечить раны, нанесенные только что закончившейся войной, большевизм требует нанесения новых ран, желает до конца обескровить и обессилить человечество.

Все, что я говорю, не призраки и не фразы. Это жестокая действительность. Один только год вьется красное знамя большевизма над несчастной Россией, и нет предела страданиям великой страны. Гражданская свобода попорчена, личной свободы нет и в помине, царят произвол, тирания, бюрократия. Россия ничего не производит и еле живет остатками того, что накоплено было раньше, остатками своего материального и духовного капитала. В результате голод, холод и жестокая смерть, реющая над каждым и ждущая его на каждом перекрестке. Смерть физическая и смерть духовная: нет ничего ужаснее для свободного разума и свободного духа, как железные тиски догмы, признания которой требуют под угрозой смерти; в России казнят теперь уже даже не за действия, а за слова; скоро будут казнить за мысли, неугодные и неприятные большевизму.

Ту же участь готовят большевики и остальной Европе. Победа союзников для них и страшна, и выгодна. Страшна потому, что они предвидят возможность быстрой ликвидации их деятельности и грозного суда над собой. Выгодна потому, что они надеются обмануть победителей, сыграть на их чувствах гуманности, на их отвращении к насилию, и, прикрываясь их ли-

берализмом и демократизмом, внести смуту и разложение в их ряды. Выгодна потому, что в стане побежденных они нашли широкое поле для своей агитации, для пробуждения в массах темных и дурных инстинктов, для призыва их к грабежам и убийствам. Миражом сытости и богатства за счет других большевики разрушили Россию в момент усталости и отчаяния, то же они делают теперь в Австрии и Германии³⁶. То же постараются они сделать и в других странах, среди народов-победителей, пользуясь затруднениями реконструкции, хозяйственной жизни после войны, когда им удастся насадить и укрепить большевизм среди побежденных и когда в их руках будут гораздо более значительные материальные и духовные богатства уже всего славянского и германского мира.

Мы не имеем никаких оснований думать, что в Германии большевизм остановится на полпути. В первое время и в России большевиков было мало, и они не играли решающей роли, больше того, даже не добивались ее. Они готовили кадры агитаторов и разлагали массы, подготавливаясь к своему решительному нападению на свободу и культуру.

Правда, самое действительное средство агитации — обещание немедленного мира, которым они привлекли на свою сторону солдат в России, — у них в Германии отняли; наоборот, упрочение большевистского режима в Германии грозит как будто осложнениями, может быть продолжением войны, во всяком случае усилением голода. Сытости большевики пока Германии обещать не могут, как они это с успехом делали в России.

Поэтому сейчас в Германии солдаты временно пошли против значительной части рабочих, поддерживают в данный момент умеренных социалистов и борются с Либкнехтом и группой Спартака³⁷. Но насколько все это прочно, я не знаю. Среди союзных правительств нет ни одного, которое бы помогало и питало большевизм в Германии, как это делала Германия в России. Но я вижу во всех союзных государствах политические группы, поддерживающие боль-

шевизм и в Германии, и в России, и я не уверен, что они не будут иметь успеха и не заставят свои правительства примириться и вступить в сношения с русскими и германскими большевиками. Между тем мир и сытость — не единственные средства агитации большевиков. Самое сильное их средство не это. Это были первые шаги. Основной их лозунг другой — простой и необычайно заманчивый в своей простоте, доступный всем, всем и каждому, и понятный всякому, кого война, как германцев, приучила жить убийством и грабежом. Лозунг этот впервые большевики провозгласили в России, и он грозит сделаться мировым. «Грабьте награбленное» твердили большевики в России, массы необычайно быстро и легко это усвоили. А так как никто добровольно не отдаст своего по первому требованию, то дальнейший вывод из этого — «убивай сопротивляющихся», а для лучшей организации этого полезного дела надо захватить как можно скорее и как можно прочнее власть в свои руки.

Несомненно, как только мир будет обеспечен Германии, как только наладится продовольствие, эти лозунги будут широко провозглашены в Германии и Австрии, и я не знаю, найдутся ли достаточно организованные силы в этих странах, чтобы подавить агитацию и противопоставить этим лозунгам другие, доступные пониманию и ясные для полуголодных и озлобленных масс.

Тем временем большевики России, Германии и Австрии будут вести пропаганду в союзных странах, провозглашая там те же лозунги, играя темными для масс понятиями империализма и возбуждая злобные чувства против руководящих классов, самопожертвование и геройская выдержка которых скоро будут забыты, но не будет забыто в агитации то, что часть буржуазии не обеднела, а разбогатела во время войны.

Главным орудием в руках большевиков в союзных странах будет агитация против всяких попыток борьбы с большевизмом в России, Германии и Австрии. Агитация, которую они будут вести и уже ведут, злоупотребляя святым понятием свободы слова и не менее правильным, но ложно толкуемым понятием не-

вмешательства во внутреннюю жизнь других стран. Я вижу, что в этой борьбе помощь большевикам окажут и умеренные социалисты, и некоторые фракции либералов. Политика компромисса так проста и заманчива, и за ближайшими целями так туманны и так далеки конечные результаты.

Борьба эта сейчас уже в полном ходу, и ее лозунги — «невмешательство во внутренние дела России», то есть предоставление большевикам свободы продолжать свое дело ограбления, разбоя, избиения, и «признание большевиков как законного правительства России». Большевики ясно видят, что первое и решительное средство борьбы с мировым большевизмом — это уничтожение главного очага его: большевистского правительства в России. Для сохранения его они были готовы и сейчас готовы на все.

Как многие болезни могут быть излечены только решительной хирургической операцией, так и русский большевизм. Если не будет удален этот гнойник, он или разложит Россию, или настолько ее расслабит, что ей долго придется восстанавливать свои подорванные силы. Борьба против производства этой решительной операции на базе высоких принципов очень легко, но не надо забывать, что это единственное средство оздоровить организм не только России, но и всей Европы.

Я не стану говорить о том, что та часть России, которая никогда не переходила на сторону Германии, теперь вправе ждать помощи от союзников. Я не буду вспоминать о том, что без России, без ее подвигов в первые три года войны мир уже давно был бы во власти Германии. Все это так ясно и так свежо в памяти, что забывать об этом можно только намеренно. Выражая благодарность союзнику — султану Геджаса³⁸, нельзя обходить молчанием Россию. Я не буду напоминать, что из Лиги наций нельзя исключить многомиллионную Россию. Я скажу только одно. Большевизм начался в России. Россия его уже переживает больше года. В России наряду с процессом распространения болезни идет уже и процесс оздоровления.

Экономически Россия с ее многомиллионным крестьянством меньше всего способна длительно питать большевизм и постепенно перейдет к более здоровым формам экономического уклада. Не то в Западной Европе. Здесь процесс разрушения будет более длительным и еще более болезненным и тогда, когда Россия и, может быть, Германия уже будут близки к выздоровлению, остальная Европа будет переживать самую острую форму болезни.

Я не думаю, чтобы процесс оздоровления обошелся без сильнейшей реакции, реакции, которая надолго задержит развитие не столько социализма, сколько свободной и сильной демократии, которая нанесет тяжелый удар великой идее Лиги наций. И в процессе этой реакции, которая неизбежна, если не принять меры теперь же, я боюсь, что Россия будет помнить только то, что тогда, когда она нуждалась в помощи, и когда эта помощь ей могла быть оказана, ей не помогли, бросили ее на произвол судьбы и большевиков. Я боюсь, буду говорить прямо, что в этот ужасный час Россия будет искать союза не со своими теперешними союзниками.

А между тем, настоящий путь здоровой политики так ясен. Энергическая и резкая борьба с большевизмом внутри каждой страны и организация сил для этой борьбы. Поддержка национальных стремлений и помощь нациям, ищущим свободного развития, помощь им в борьбе с интернациональным большевизмом. Восстановление настоящей России и избавление ее от тирании большевиков. И одновременно, в широком содружестве наций, разумная и глубокая реформаторская деятельность. Работа по углублению культуры, поддержка науки и искусства, быстрое и решительное социальное строительство.

Я не фаталист. Я не верю, чтобы большевизм был неизбежным будущим мира. Я думаю, что воля и разум отдельных людей и отдельных наций могут повести людей по пути эволюции, прерванному великой трагедией мировой войны, по пути, ведущему к свободе и культуре, без разрушения, насилия и крови.

Свободная демократия может и должна победить мировой большевизм, как она сумела победить мировой империализм Германии.

Статья без даты; написана не ранее 21 ноября 1918 г.

Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia. Автограф С.М. Ростовцевой.

Кошмар

Только вообразите себе, что в одной из стран Европы после кровавого переворота власть перешла в руки крайних консерваторов или даже умеренных либералов. Вообразите, что ради обеспечения главенства их идей они приняли ряд мер, чтобы усилить свою власть и уничтожить оппозицию. Представьте, что эти меры следующие:

1. Лишение всех людей, не принадлежащих партии власти, их права голоса и права участия в общественной жизни государства.

2. Смертный приговор каждому, кто открыто выступает против партии власти и тюремное заключение для всех подозреваемых граждан.

3. Обеспечение продовольствием только тех лиц, которые поддерживают правительство или вынуждены находиться у него на службе. Для всех остальных — голодная смерть.

4. Установление бюрократического и военного режима со всеми его характерными чертами, такими как продажность, произвол и т. д., и т. д.

5. Отмена частной собственности для всех, кроме слуг нового режима, которым даруется право грабежа по их усмотрению

6. Уничтожение свободы и мысли крайним насилием. Запрещение всей независимой, неправительственной прессы, изоляция страны путем прекращения ее связей с внешним миром, уничтожение всех творческих литературных сил и т. д.

7. Насильное пресечение любого зримого проявления религиозных чувств. Преследование всех религий и уничтожение церквей, убийство и заточение в тюрьму духовенства, принуждение к единому образу мысли и единой вере.

8. Обязательное обучение детей в духе одного вероучения и превращение общеобразовательной школы в религиозную школу одной веры.

9. Разрушение всей экономической жизни для прославления одного экономического учения.

10. Разрушение всех условий, создающих стимулы для здорового и энергичного труда, и создание системы поощрения за праздность политическим сторонникам правительства.

Если бы все это насильственно насаждалось какой-либо партией в какой-то части цивилизованного мира, какой бы единодушный взрыв негодования поднялся бы везде, какие строгие меры были бы предприняты, чтобы покончить с этим произволом, насилием, жестокостью, грабежом.

Все это, однако, продолжается более года в великой и культурной стране и переходит к другим культурным странам, которые повторяют точно, шаг за шагом, все, что случилось в первой.

Все это продолжается, не встречая ни сплоченного сопротивления, ни противопоставляемой волны негодования, за исключением слабых попыток со стороны лишь некоторых людей разоблачить безотчетный ужас всего того, что происходит, не встречая препятствия негодующим воем со стороны сочувствующих людей, которые отрицают очевидные факты, но не могут противопоставить им ничего другого, кроме как выкрикивание определенных лозунгов, которые не имеют ничего общего с реальными событиями.

Среди сочувствующих вы найдете не только сторонников экстремистской доктрины, большевиков и крайних социалистов, но обнаружите тех людей, которые в течение всей своей жизни провозглашали другие принципы, которые всегда ненавидели произвол и насилие. Везде, кроме России, умеренные социалисты,

либералы и некоторые ведущие политики могут быть сторонниками большевиков.

Почему это так? Потому ли, что все это совершается во имя социалистической доктрины? Или потому, что все это прикрывается фальшивым предложением гуманности и братства? Почему доктрина «цель оправдывает средства», с негодованием отвергнутая всеми и везде, в этом особом случае не только терпима, но даже провозглашается величайшей, новооткрытой истиной?

Я считаю, что единственная причина — это страх, панический страх, панический ужас, созданный приближающимся чудовищем, доисторической гориллой, которая пытается вымести все результаты тысячелетий труда homo sapiens. Страх, прикрытый различными соображениями и формулировками, которые всегда могут быть найдены, когда необходимо сокрыть обнаженность элементарных чувств.

Мужество нападающих — на стороне большевиков, в то время как на стороне тех, против кого они воюют — паника сдающихся без борьбы. Это отвратительное и ужасное зрелище наводит на мысль о необходимости спросить себя, не наступил ли действительно конец европейской цивилизации? Возможно, ее адепты выродились так сильно, и они такие покорные, что у них нет ни энергии, ни сил, чтобы защитить свое собственное дитя?

И в то же время они совсем недавно разрушили вторгшиеся признаки империализма, милитаризма и материализма, приближавшиеся из Германии, и они совершенно вправе гордиться этой победой. Они только недавно возвысили на небывалую высоту чувства патриотизма и преданности культуре. Ради чего? Только ради того, чтобы сразу же сдать все позиции без борьбы?

Я не думаю, что ситуация столь ужасна. Я полагаю, что не массы культурного человечества заражены страхом, но только вожди, демагоги, выдвинувшиеся благодаря войне, которые сейчас боятся потерять приобретенную власть.

Я думаю, что они — причина всего того, что случилось. Они виноваты в предательстве, которое угрожает потерей европейской культуры, разрушаемой коварным чудовищем. Они не находят поддержки у тех, кто готов бороться за культуру, у тех, кто ведет войну против них. За ними следуют только те, кто запуган и устал подобно им самим, и те, кто надеются купить несколько лет спокойной жизни полумерами и безграничными уступками.

Мы обязаны им тем фактом, что сотни тысяч лучших россиян, которые доверяли их обещаниям, собранные в Одессе и в Крыму с намерением начать как можно скорее возрождение новой свободной России, сейчас переданы в руки наемных убийц³⁹, которые не простят им их дружбу с союзниками, их наивную веру в поддержку культурных демократий Европы и Америки. Там, на юге России, русские расплачиваются своими жизнями за свою веру и преданность цивилизации.

Мы обязаны малодушию за тот факт, что когда на Украине и в Крыму ширится волна расправ и убийств, пыток и грабежей, из Парижа протягивается братская рука к подстрекателям убийств⁴⁰, в то самое время, когда их положение в их собственных глазах становится все более и более безнадежным.

Им обязаны Европа и Америка тем, что в богатейшую Россию, которая кормила мир, будет послана продовольственная помощь, чтобы поддержать охрану Ленина и его престиж среди них, в то время как эти продукты не будут и не могут накормить умирающую от голода Россию. Давая милостыню нищим, вы не можете поддержать великую нацию. Дайте ей возможность самой начать восстановление своей жизни, спасите ее от рук грабителей и разбойников, создайте условия для поддержания духа нации и этим, только этим вы прокормите Россию.

Поддержкой Ленина вы завершаете убийство духа и веры нации. У Европы нет достаточных сил, чтобы прокормить население в 100 000 000, чьи руки опущены в

отчаянии, которое не имеет ничего и никого, ради чего работать.

Рассейте, наконец, кошмар хоть на секунду. Взгляните прямо в глаза опасности. Вы увидите, что враг не ужасает, что за ним нет силы ни моральной, ни материальной. Он очень шумный, он кричит и угрожает, и необходимо мужество, чтобы понять, что это шум, производимый дикарем, барабанящим и трубящим, чтобы отогнать приближающийся шторм, что это панический пронзительный крик людей, боящихся наказания и возмездия за совершенные преступления.

Попытайтесь, по крайней мере, перестать пощипывать хвост ядовитой змеи. Попытайтесь ударить ее по голове. Помогите русским занять Петроград и Москву. Вы увидите однажды, что кошмар исчезнет, и маленькая группа испуганных людей появится перед вами, умоляя о вашем прощении.

Европа будет спасена решительностью и мужеством, но не страхом.

Статья без даты; написана, вероятно, в апреле—июне 1919 г. Пер. с англ.

Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia. Машинопись на англ. яз.

Организация будущих научных отношений между странами-союзницами

Выступая перед вами, я чувствую себя «человеком без тени». Я не могу обращаться к вам ни от Академии наук, хотя являюсь ее членом, ни от имени Петроградского университета, где преподаю уже около 20 лет, ни от имени Археологического общества, в котором занимаю пост вице-президента. Я отделен от этих научных сообществ той областью, которой управляют большевики и которая именуется *Совдепией* или *страной большевиков*; и хотя я могу быть уверен, что мои коллеги из России не отреклись бы от меня,

если бы я позволил себе говорить от их имени, я не менее уверен в том, что официальные большевистские власти уже лишили меня всех званий, которые я мог носить прежде.

Таким образом, я принужден говорить с вами в качестве русского ученого — звание, которого даже большевики не могли бы лишить меня; я добавлю — русского ученого, который одним из первых в России утверждал настоятельную необходимость объединения межсоюзнических сил во время войны, чтобы после войны быть в состоянии противопоставить научной немецкой организации организацию не менее сильную и не менее прочную, чем та, что была создана немцами.

Мы знакомы с прочностью этой немецкой организации, которая, опираясь на основы суровой дисциплины, имела целью не только обеспечить Германии одно из первых мест в научном мире, но и полностью главенствовать в науке. Политическое немецкое господство потерпело крах, но их научная организация остается, и если немецкой угрозы на полях сражений более не существует, мы по-прежнему вынуждены считаться с тем же духом власти и господства в области науки и образованности.

Союзники смогли сокрушить немецкую армию и усмирить немецкое оружие. Сила была побеждена силой. Но у нас нет никакого права идти той же дорогой в области научной работы и организации. До войны мы иногда слишком преклонялись перед немецкой наукой. Ничего не изменилось, великие немецкие ученые остаются великими немецкими учеными; результаты, которых они достигли, в той мере, в которой они отвечают истине, продолжают существовать и остаются полностью достоянием человечества.

Мы были бы глубоко удручены, если бы вдруг великолепное здание, возведенное немцами, рухнуло, как рухнула их политическая мощь. Это было бы огромной потерей для всей мировой цивилизации.

Мы не можем и не должны допустить даже на краткое время гегемонию немцев в науке, которая уг-

рожала нам перед войной. Немецкой организации мы должны противопоставить организацию межсоюзническую. Недостатка в людях у нас нет, а материальные средства должны быть предоставлены странам-союзницам; нам остается лишь выработать разумные основания, на которые могло бы надежно опираться здание нашего научного межсоюзнического объединения.

Каковы основания этого объединения? Главным принципом будет не обольщаться идеей интернациональной науки. Я не хотел бы создавать научный Интернационал. Социалистическая идея коммунистической науки никак меня не устраивает. Я никоим образом не хотел бы пожертвовать ради этой организации идеей творческого усилия индивида и нации. Я стремлюсь к здоровому и разумному сочетанию обоих принципов, которое нетрудно найти. Затруднительно, может быть, создать Лигу наций, политическую и экономическую⁴¹. Но Лига наций в научной сфере вовсе не кажется мне утопичной или нереальной. Мы уже сделали первый шаг, создав до войны союз Академий⁴². Вернемся к этой идее, поставим своей задачей со всей серьезностью воплотить ее в жизнь в этих новых условиях, созданных войной.

Вот идеи, которые я много раз излагал в России во время войны. И я не один исповедовал их. Целая группа моих коллег, членов нашей Академии, профессоров русских университетов, действовали в том же направлении. Все наше научное сословие готовилось приступить к действию по данному сигналу. Задача наша была не из легких. Прежде всего нам самим необходимо было организовать и определить наши силы. Мы имели лишь достаточно туманное представление о наших научных учреждениях, об их численности и ресурсах. Нашей первейшей задачей стала публикация полного списка этих учреждений с краткой характеристикой каждого из них и историей⁴³, что-то вроде русской *Минервы*⁴⁴.

Тогда же, во время большевистской революции, мы начали обзорную публикацию о *Русской науке*, кото-

рая имела своей задачей дать краткое описание и характеристику всего того, что было сделано в сфере разных отраслей науки и литературы⁴⁵. Перед тем, как покинуть Россию, я передал непременно секретарю нашей Академии статью, которая была мне поручена⁴⁶, и я знаю, что большая часть рукописей была также передана в секретариат Академии и частично напечатана. Академия наук была уверена в сотрудничестве Французского института в Петрограде в связи с изданием нашей работы на французском языке⁴⁷. Кроме этого, мы планировали создать под эгидой нашей Академии ряд союзов различных научных сообществ, работающих в одной и той же области, и к тому же мы организовывали союз вообще всех научных сообществ⁴⁸. Наконец, мы готовили издание многих научных журналов, среди которых и два исторических⁴⁹.

Организуя таким образом силы русских, мы в то же время работали над упрочением научных связей, которые объединяли Россию со странами-союзницами, в особенности с Францией, Англией, Италией. В постоянном сотрудничестве с моим другом г-ном Жюлем Патуйе мы выработали проект реформы Французского института в Петрограде⁵⁰ и Москве и работали над проектом Русского института в Париже⁵¹. Чтобы начать осуществление этого последнего замысла, мы хотели отправить в Париж научную делегацию, состоящую из 6-ти представителей науки, литературы и искусства. Все было подготовлено для этой делегации, вопросы средств были улажены Временным правительством, когда произошла большевистская революция.

Эта революция стала крахом всех наших проектов. Вы знаете отношение большевиков к странам-союзницам. Вся большевистская идеология — немецкая, все их симпатии — только к немцам. Все просоюзническое или профранцузское подвергалось преследованию. Многих членов нашей комиссии постигла ужасная смерть: Лаппо-Данилевский, кавалер ордена Почетного Легиона, один из членов делегации, умер

от истощения в Петрограде; другой член той же делегации, наш знаменитый математик Ляпунов, покончил с собой от отчаяния, под грузом всего, что он увидел и вынес. Многие покинули России: Струве, Вальден, Виноградов, я сам. Мы не могли присутствовать при разрушении всего, что создавалось поколениями.

Но основная идея, которая воодушевляла нас, не мертва и не может умереть. Определенно, Россия, может быть, более, чем другие цивилизованные страны, оказывается под влиянием немецкой науки. Но это лишь феномен недавнего времени, терпеливо насаждаемый и развиваемый немцами. Научные и культурные связи России с Францией намного более давние, и этот альянс никогда не был исключительно политическим. Знание французского языка всегда оставалось признаком культурного человека, интеллигента; французская литература, музыка, искусство всегда поддерживались и ценились в России; французская наука часто противопоставлялась немецкой, и если многие молодые русские ученые отправлялись в Германию для завершения образования, другие устремлялись в Париж и находили там то, что искали. Вспомните, сколько наших ученых писали на французском и сколько из них пользовались доброй славой не только в России, но и во Франции: Мечников, Софья Ковалевская, Максим Ковалевский, Лучицкий, Кареев и многие другие в такой же степени принадлежат французской науке, как и русской. Тургенев и Герцен многие годы своей жизни провели во Франции.

Идея взаимного сближения Франции и России не может умереть; она слишком давняя и слишком сильная. Но нам следует поддерживать и распространять ее, иначе, боюсь, что наши соседи возобновят свои попытки подчинить Россию, сделать из нее одну из интеллектуальных немецких колоний. Вспомните, что им это почти удалось во многих славянских странах, как в Болгарии, например.

Каковы же практические средства противовеса немецкому влиянию в России? Единственное средство —

это научный союз, организация стран-союзниц. Позвольте мне обрисовать основные линии этого союза, как я его понимаю. Первое необходимое средство — это знать наших друзей. Боюсь, что вы слишком мало знаете Россию, а мы начинаем терять некогда столь глубокое знание Франции и стран-союзниц. Мы должны сделать все возможное, чтобы возобновить русские исследования в союзных странах, особенно в области языка, и поддерживать французские исследования в России. Единственное средство — это создание институтов. Институты, как я их понимаю, не есть и не должны быть школами. Создание школ — задача соответствующих наций. Но институты должны стать центрами сближения и пропаганды. Их долг — облегчать взаимные отношения стран во всех областях и быть в то же время центрами научных исследований и обмена идеями, каналами, по которым истекали бы во всех соответствующих странах живительные воды, которые есть в каждой стране. Они должны помочь созыву съездов специалистов, организовать обмен профессорами, докладчиками, студентами, распространять новые идеи, облегчить обмен книгами, журналами и т. д.

Другой основной вопрос — организовать между союзными странами библиографию по разным отраслям науки и литературы. Я представляю себе создание этой организации по следующим направлениям. Необходимо иметь межсоюзнический центр. Объединение межсоюзнических Академий⁵² должно было бы создать библиографический центральный институт. Этот институт должен был бы поддерживать постоянный контакт с институтами, о которых я только что говорил, и через них — посредство с другими научными центрами в каждой стране. Он ежегодно публиковал бы библиографический сборник по каждой отрасли с помощью ученых и учреждений каждой из стран. Одновременно он должен был бы ежегодно давать краткий обзор того, что было сделано в отдельных странах в каждой отрасли. Этот обзор не представлял бы собой простой библиографии, но был бы отчетом,

написанным авторитетными специалистами, которые могли бы отделить плохое от хорошего, важное от незначительного; каждый участник должен был бы принадлежать к соседнему государству. Эти отчеты по каждой стране, собранные и составленные в центре, могли бы быть опубликованы, но не в обзоре стран-союзниц, а в особо созданных органах, посвященных каждой отдельной отрасли науки и литературы. Например, отчет по средневековой истории, компилированный в разных странах, должен был бы быть окончательно изложен и опубликован на разных языках в исторических обзорах каждой страны. То же самое и для других областей. Одновременно каждая страна составляла бы общий отчет о том, что было сделано, по примеру Франции в книге «Французская наука»⁵³ и России в вышеупомянутом труде. Различные сведения могли бы быть дополнены и опубликованы в отдельных сборниках. Надеюсь избежать в моем плане основное препятствие — языковое. Я не сторонник универсального языка, будь то латынь, какой бы то ни было современный язык или искусственный, как волапюк или эсперанто⁵⁴. Я сам пишу на разных языках и знаю, что могу вполне выразить свои мысли только на своем родном языке. Наука межнациональна. Научная книга одновременно является и литературным произведением, или должна являться таковым. Лишить ученого его языка, это значит лишить его части души. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы сделать науку межнациональной. Я не верю в интернациональную науку или искусство. Это утопия, либо возврат к варварству; интернациональный язык не прогресс, но регресс. Итак, я стремлюсь в моем проекте сохранить языки и избежать национальной субъективности.

Учреждение национальных институтов и библиографического межсоюзнического центрального института — такова задача, на которую должны быть направлены в данный момент наши взаимные усилия.

Эта идея вовсе не исключает идеи межсоюзнического объединения Академий, научных сообществ и идеи межсоюзнических конгрессов. Думаю, что созда-

ние институтов, о которых я говорю, одинаково облегчило бы как дело научного объединения, так и объединения съездов. Боюсь, что без таких институтов, союзы и съезды останутся лишь мертвой буквой, как это и было до войны.

Задача создания институтов очень значительна. Она не может быть частной инициативой: это дело наций-союзниц и Лиги наций. Но индивидуальная инициатива должна действовать со всей силой, необходимой, чтобы воплотить замысел, иначе мы снова попадем в довоенные условия.

И последнее. Мы не можем пригласить Германию принять участие в нашей деятельности: чувства и взаимная вражда еще слишком живы, отношение немецких коллег слишком провокационно. Наши организации не должны стать полем битвы и наши съезды — местом выяснения отношений. Подождем, пока Лига наций укрепится — тогда увидим. А пока будем работать с друзьями.

Я русский ученый. Россия унижена и подавлена небывалой тиранией. Но не забывайте, что она существует и что она — настоящая Россия — один из ваших союзников. Русские ученые работают в ужасающих условиях: одни умирают от истощения и тревоги за свою родину, другие — эмигранты, старающиеся обеспечить себе существование и работать. Но они работают и существуют: под таким именем они заслуживают моральной поддержки и памяти со стороны их коллег из союзнических стран.

Статья без даты; написана, вероятно, в июне — июле 1919 г. Пер. с франц.

Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia. Машинопись на франц. яз.

Еще раз Веллз — Горький и Россия

Веллз* закончил, наконец, серию своих спутанных и сумбурных статей о России. Иногда его художественное чутье заставляет его говорить правду, но он сейчас же пугается ее и возвращается к своей старой погудке — Россия развалилась сама собой, и большевики в «патриотической» работе (воображаю, как смеются сами большевики над этим эпитетом) стараются спасти то, что от нее осталось. Я принадлежу к категории тех «презренных» эмигрантов, имя же им легион, которых Веллз клеймит на каждом шагу. Но все же, принадлежа к этой презренной категории, я позволю себе поставить не Веллзу (его не переубедишь), а в пространство несколько вопросов.

1. Почему эмигрантов легион и почему огромное большинство тех, которые еще в России, сейчас бы присоединились к ним, если бы у них была возможность уехать из России и надежда найти хоть что-нибудь кроме презрения за границей? Почему проф. Павлов, о котором так тепло говорит Веллз, просил большевиков дать ему возможность уехать из России?⁵⁵ Почему большевики с пеной у рта продолжают говорить о саботаже интеллигенции? Неужели все они слепы и один Веллз зряч?

2. Почему жизнь сейчас же прекращается там, куда придут большевики, и сейчас же вновь начинает оживать, когда большевики хоть на короткое время оттуда уйдут? Почему 100 000 обитателей Крыма предпочли уйти** с «презренным» «разбойником» Врангелем, пойти на верные голод и смерть, а не остались под властью Ленина в Крыму? Очевидно, они знали, что приход Ленина и Горького равносителен смерти во всех отношениях.

3. Почему большевиков так мало и партийные их кадры не увеличиваются? Почему у них нет новых адептов, т. е. адептов, уверовавших в спасительность для

* т. е. английский писатель Герберт Уэллс (Welles).

** По другим оценкам, Крым покинули ок. 150 тыс. человек.

России их существования? Почему, как говорят сами большевики, их кадры пополняются исключительно людьми, желающими нажиться на большевизме?

4. Почему «патриоты» большевики не могли победить русскую армию Врангеля русской же большевистской армией, а принуждены были двинуть на него китайцев и корейцев*, в большевизм и «патриотизм» которых вряд ли верит сам Веллз.

5. Почему, как мне пишут абсолютно беспристрастные люди и хорошие наблюдатели, чувство ненависти к большевикам растет именно в простонародье, и вся Россия полна проклятий по их адресу? Или вся Россия слепа, а одни Веллз и Горький зрячи?

Нет, думаю я, зряча Россия, а слепы Веллз и Горький. Россия видит, что большевики не спасли ее, а погубили и что при их системе управления и при их теоретическом фанатизме Россия не может возродиться, а может только разлагаться, морально и материально, как разлагается она вот уже три года. Не могут люди честно работать с властью, которая строит свое существование на рабовладельческом начале. И я ясно вижу, что процесс разложения не остановится, пока в России будут большевики. Более того, я вижу, что этот процесс разложения заразил уже и самих большевиков; что ближайшей стадией будет их гниение вместе со всей Россией. Немалую роль в этом сыграет сплошь развращенная большевиками школа.

Не большевики возродят Россию. Если России суждено возродиться, а не продолжать жить под палкой и кнутом, как жила она при царях и как живет теперь, то она возродится путем изменения ее психологии, путем рождения воли к возрождению. И первым симптомом возрождения, если оно будет, — чего я не знаю, — будет свержение и уничтожение Россией большевизма. Может быть, результатом этого свержения будет анархия, может быть, за анархией пойдет реакция, но только этим путем Россия может возро-

* В боях за Крым на стороне Красной Армии принимали участие корейские и китайские интернационалисты.

даться. Народ, если в нем есть силы, а в это многие еще верят, сам создаст себе правительство, и только в такое правительство он будет верить, а не в то, которое вколачивает ему в головы идеи коммунизма, как когда-то вколачивали ему в головы идею святости царской власти.

Веллз пожелал пожать лавры и в области истории. Если он чему-нибудь научился, думая над судьбами человечества, то он должен знать, что путь истории сложен и извилист, что живут настоящей жизнью только творческие нации и что творчество, как в Греции, соединимо с политической анархией, но несоединимо с догмой и фанатизмом. Россия была творческой страной, ее творчество большевики хотят забить палкой. Если в России остались еще творческие силы, то она рано или поздно сбросит с себя и палку, и большевиков. Если же эти творческие силы иссякли, то большевики только способны ускорить агонию умирающей, когда-то великой страны.

Статья без даты; написана, вероятно, не ранее декабря 1920 г.

Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia. Автограф М.И. Ростовцева.

Большевицкая Россия и культурное человечество

С величайшим изумлением приходится постоянно и читать, и слышать утверждения, что мы не осведомлены о положении России, что известия об этом противоречивы, что по одним данным Россия есть настоящий ад, по другим, нарождающийся рай. Не могу понять, каким образом такое впечатление может создаться у людей, *следящих* за развитием дел в России, а не читающих от времени отдельные сенсационные сообщения явно пропагандистского характера. Если бы я не был русским, прожившим в России под управле-

нием большевиков почти целый год, а был бы просто историком, привыкшим обращаться с историческим материалом, выделяя достоверное и важное от массы недостоверного и второстепенного, я бы не имел ни малейших сомнений о том, что в действительности делается сейчас в России. Факты, которые сообщаются, и действительность которых несомненна, в антибольшевистских и пробольшевистских источниках почти буквально совпадают. Разница только в их осуждении и объяснении.

И большевики, и антибольшевики согласно указывают на три категории несомненных явлений, принявших в России характер хронического недуга, а именно:

1. Полное расстройство экономической жизни, несоответствие производства потреблению, умирание транспорта и, как результат, полная необеспеченность населения России продуктами потребления, доходящая в городах и в некоторых частях деревенской России до состояния хронического голода, поведшая к полной потере всякой ценности денег, к тому, что население раздето, не обуто, что помещения, в которых живут люди, не отапливаются, что люди возвращаются к первобытному образу жизни.

2. Гипертрофия государственного аппарата, бюрократический и милитаристский полицейский характер существующего режима, невероятный, небывалый произвол во всех областях жизни большевистской России; в России теперь имеются только два слоя населения: армия, полиция и огромная сеть бюрократических учреждений, с одной стороны, и масса населения, лишенная какого бы то ни было участия в управлении, не имеющая ни политических, ни человеческих прав, не имеющая даже возможности осведомиться об истинном положении дел при посредстве независимой прессы, с другой.

3. Порабощение всего населения, прикрепление людей, как в эпоху восточных монархий поздней Римской империи и средних веков к их делу, к их профессии под эгидой армии чиновников, массы явной и

тайной полиции и системы террора, поддерживаемой невиданной в мире организацией шпионажа. Последний пункт, явнее освещенный в прессе, особенно важен, так как он ведет к глубокой деморализации населения и к полному падению не только физической, но и особенно моральной работоспособности. Для характеристики этого состояния всего общества приведу несколько выдержек из статьи одного русского писателя, только что бежавшего из России (из России теперь *уехать* нельзя, можно только *бежать*)⁵⁶.

Среди безбрежных бедствий и лишений нашей родины особенно резко выделяется ужас новой системы рабства, придуманной московскими сатрапами. В свое время один из предшественников большевизма Лассаль сказал: коллектив всегда мыслит правильно, индивид никогда. Приняв это положение за аксиому, большевики все время боролись и борются с проявлением всякой индивидуальности и направляют свои усилия на подавление личности. Ленин идет в этом направлении еще дальше своего предшественника, заявляя, что диктатура пролетариата не допускает никакой свободы; свобода — буржуазный предрассудок, и подлежит поэтому полному искоренению... В настоящее время Ленину удалось превратить все многочисленное население страны в буквальных рабов, в буквальном смысле этого жуткого слова. Надо заметить, что порабощение народа происходило постепенно. Оно шло параллельно с проведением в жизнь основного тезиса советской власти — уничтожения частной собственности.

Декреты, сыпавшиеся, как из решета, чередовались и дифференцировались. С каждым днем круг жизни суживался. Приблизительно год тому назад был издан декрет, запрещающий населению распоряжаться своей домашней утварью и бельем. К этому же времени относится приказ Троцкого о *милитаризации* труда и прикреплении всех рабочих и служащих к месту их постоянных занятий, без права перехода и оставления службы или работы⁵⁷. По законам, изданным несколько ранее, все население, достигшее семнадцати-

летнего возраста, обязано было служить или работать⁵⁸. Минувшим летом у всего населения были отобраны паспорта и заменены трудовыми книжками, владельцы которых были занумерованы⁵⁹. На не имевших такие книжки осенью происходили беспрерывно облавы во всех концах города, днем и ночью, их арестовывали и отправляли в концентрационные лагеря как саботажников советской власти. Бесчисленные совдепы занимаются учетом и распределением белых рабов, половина которых предназначена для осуществления *военных планов* Троцкого, другая же для чудовищных социальных опытов Ленина.

Рабство населения все усиливается. Так, например, во всех учреждениях введен контрольный аппарат, отмечающий опоздание служащих на занятия. Опоздание на *10 минут* карается неделями общественных работ, на *20 минут* — 3 неделями и т. д. Никакие обстоятельства не принимаются во внимание. Провинившихся таким образом отправляют на пилку дров или разборку баржей.

Мне довольно часто приходилось видеть ученых и докторов, занятых чисткой выгребных ям, и интеллигентных женщин, мывших полы заплесанных, загаженных казарм... Брошенные в эти каторжные тюрьмы (т. е. в концентрационные лагеря) несчастные невольники ежеминутно подвергаются диким издевательствам надсмотрщиков-коммунистов, жестоко голодают, получая в день полфунта черствого хлеба и тарелку селедочной воды. Всякий обыватель, даже самый лояльный, но не понравившийся какому-нибудь большевику, рискует быть отправленным в это советское чистилище.

В Советской России, где произвол, злоба, хаос, насилие и разрушение достигли потрясающих размеров, удовлетворение самых элементарных потребностей человеческой жизни стало для обыкновенных людей невозможным. Для получения лекарства, пользования электричеством, поездки за город и т. д. надо особое разрешение. Не имеющим революционных заслуг обыкновенно отказывают. Я знал людей, героически

переносивших холод и голод, но погибших от сознания своей поработанности. Один убивший себя инженер оставил записку следующего содержания: «Так жить больше нельзя, жизнь стала бессмысленной, рабской, неправдоподобной и пошлой».

Всех этих фактов большевики не отрицают. Они их немного смягчают, но больше для целей пропаганды, чтобы не смущать иностранцев. Но в своей прессе они ничего не смягчают и никогда не оправдываются. С их точки зрения все это необходимо и законно, и иначе быть не может. Гибель продуктивности они объясняют саботажем контрреволюционеров и блокадой, хотя блокада за время войны и в первые месяцы революции производительности страны почти не понизила. Бюрократизм, милитаризация и полицейский строй, включая террор, они объясняют как единственное средство справиться с врагами и перейти к диктатуре пролетариата. Общее рабство они называют общей трудовой повинностью коммунистической общины⁶⁰.

Как, однако, ни объяснять факты, они остаются фактами, и с ними надо считаться. Бюрократизм, милитаризм и рабство являются одновременно и сильными, и слабыми пунктами большевистского режима. Как постоянное явление, они язвы, которые постепенно съедают все государство и подтачивают большевистский режим. Как явление, обеспечивающее власть большевиков в данный момент, — они огромный плюс для большевиков. Надо же помнить, что большевизм не национален, а интернационален, и что большевизм есть синоним Третьего Интернационала⁶¹. Для Третьего Интернационала рабство, милитаризм, бюрократизм в России являются залогом временной прочности большевистского режима в России, т. е. сохранения на некоторое время сильного центра международной революции, который способен, путем дипломатии, международной пропаганды и вооруженной поддержки, укрепить и развить зародыш социальной революции в государствах Европы, Азии и Америки. С этой и только с этой точки зрения может

быть понятна внешняя и военная политика большевистской России.

Обратимся к ней. После победы над вооруженными силами противников большевизма в России, большевикам развязаны руки для широкой международной деятельности. В этой деятельности большевики добиваются двух целей: ослабить все остальные страны мира, еще живущие капиталистическим режимом, и, пока зреет социальная революция в этих странах, увеличить силы и средства большевистской России. Для последней цели — все средства хороши. Главная сила большевиков в их международной политике — это их армия. Армию можно содержать, кормить, обеспечить ей привилегированное положение в России и держать ее в постоянном напряжении, закалить ее силы, обогащая ее вместе с тем грабежом. Это тактика, которой следовали все вожди сильных армий в гражданской войне. А современное состояние Европы все более и более сближает ее положение с положением *одного* государства, находящегося в состоянии гражданской войны. Содержать же русскую армию в образцовом состоянии, на высоте современной техники Россия при современном положении ее промышленности может только при условии снабжения ее материалами, изготовленными промышленностью Западной Европы и Америки. Поэтому большевикам нужны во что бы то ни стало торговые сношения с Западной Европой и Америкой, т. е. свобода делать закупки у промышленников Запада⁶². Параллельно — для целей пропаганды — ей нужно и признание, т. е. обеспечение себе регулярного представительства на Западе. С этой целью и ведется пропаганда во всех странах Запада группами, сочувствующими большевизму. Положение мира необычайно благоприятно для большевиков⁶³. Европа страдает от недостатка сырых продуктов и продуктов питания, Америка — от их перепроизводства. Валютные условия мешают установлению естественного обмена. Поэтому и Европа, и Америка смотрят на Россию — крупного поставщика сырья и крупного покупателя мануфактуры — с воз-

делением. Постепенно становится ясно, что падение производства в России не дает больших надежд на установление правильного, естественного обмена. Но кое-что вывезти можно, а, главное, у всего мира разгораются глаза на золотой запас России, на те 400 миллионов долларов золотом, которые имеются в руках у большевиков. Европа видит в нем средство улучшить свою падающую денежную валюту, Америка — хотя бы временно, впредь до отменения, поддерживать свою промышленность. Манит и фантастическая перспектива концессий, типа концессии Вандерлипа, манит именно своею фантастичностью и беспредельностью. Большевики на этом играют и науськивают промышленников на свои правительства. Стеснений для естественного обмена с Россией в большинстве государств — и специально в Америке — уже нет. Но промышленники и спекулянты хотят не этого. В делах России им нужна гарантия. Им нужно, чтобы государство гарантировало им безопасность получения золота от большевиков, т. е. прием его государством, что закроет всякую возможность претендовать на него со стороны старых кредиторов России. Им нужна и государственная гарантия концессий, как отправной пункт для спекуляции на этих концессиях. Этим путем торговый и промышленный мир Запада, прикрываясь гуманитарными соображениями, стал союзником и помощником большевиков в их борьбе с капитализмом. Положение дела настолько обострилось, что я предвижу в ближайшем будущем и гарантии правительств торговле с Россией, и признание концессий. Соединенными усилиями капитала и агентов социальной революции подготавливается во всех странах могучее течение в буржуазном общественном мнении в пользу признания большевиков и гарантии торговых отношений с ними. И я думаю, почти бесполезно указывать на то, как глубоко общественное мнение обмануто. 400 миллионов долларов золотом, сделав Россию нищей, не поддержат ни Европы, ни Америки, и даже не отсрочат кризиса. Только оздоровление экономической жизни мира и, в частности, России могло бы привести к этому результа-

ту. А при существовании большевизма в России такое оздоровление невозможно. Большевики хорошо знают, что миллионы России только усилят болезнь и, вместе с концессиями, внесут еще много новых элементов раздора в семью западных наций. Обмануто общественное мнение Запада и в том, что оно надеется на улучшение материального положения населения России в результате установления вышеупомянутого типа торговых сношений. Рабство, бюрократизм и милитаризм большевистской России этой операцией будут только усилены, а все товары Запада пойдут не на нужды населения, а на нужды армии и нужды правящей группы коммунистов.

Для большевиков же это будет большой победой, победой не для России, а для целей Третьего Интернационала. Сильная, сытая, обутая, одетая армия, снабженная всеми нужными военными запасами, — безгранично сильное оружие в руках у большевиков. Армия голодная и недовольная — самый страшный их враг, грозящий им гибелью в каждый данный момент. Поэтому большевики так и стараются, чтобы Европа и Америка их армию вооружили и содержали. Свои 400 миллионов долларов они потом вернут сторицею. В ближайшей связи со всем изложенным стоит и внешняя политика большевиков. Одной рукой они выковывают крепкую армию, давая подачки Западу, другой они сеют смуту и рознь в семье западных наций. *Divide et impera!** — всегда было принципом реальных политиков, опиравшихся на вооруженную силу.

Следя за внешней политикой большевиков, мы видим в ней три основных тенденции. Одна имеет в виду ближайших соседей России, в том числе государства, которые до большевистской революции составляли часть России. Я имею в виду Польшу, Финляндию, Литву, Латвию и Эстонию на западе, Армению, Грузию и Азербайджан на юге. Недальновидная политика союзников России (за исключением Америки), отделившая эти государства от России, не считаясь с Рос-

* Разделяй и властвуй! (*лат.*).

сией, и создавшая из всех этих бывших частей России слабые государства-буферы была бы разумна, если бы державы Согласия хотели и могли эффективно поддерживать эти новые образования, сделать их действительно сильными и объединенными в их борьбе против большевиков. Ничего этого нет. Сами по себе слабые, новые образования еще слабеют от взаимных распрей, от экономической анемии (они отрезаны от России — их питающей базы), и от великодержавных замашек некоторых из них (Польша). Произошло то же, что случилось в Австрии. Вместо упорядоченного и экономически сильного одного государства получилась серия слабых, больных, вечно ссорящихся государственных младенцев, внутри которых совершаются те же процессы, которые когда-то разлагали Австрию. Ясно, что все новые государства — бывшие русские провинции — обречены на то, чтобы сделаться легкой добычей для сильной большевистской власти и армии. И в этой тенденции большевиков воссоединить их с Россией большевики нашли новый способ укрепить свою армию. Самая слабая часть этой армии — русское офицерство, часть русской интеллигенции. Русских офицеров большевики принудили служить себе силой, но в офицерстве все-таки неудержимо росло сознание, что они делают дурное, губительное для России дело. Теперь большевики нашли для них удобную формулу оправдания для своих действий: офицеры стараются уверить себя, что они борются за единство России, и это делает из них почти верных слуг большевизма. Охотно будут сражаться и те беглецы из бывших провинций России, которые составляют лучшую часть большевистской армии: латыши, эстонцы, финляндцы. В борьбе против своей родины они видят единственную для себя надежду вернуться домой, и вернуться в качестве победителей. Наконец, и для большинства русских солдат захват всех этих маленьких государств обещает богатый грабеж и хорошую добычу, прикрытую чувством довольно примитивного национализма. Для большевиков же захват пограничных государств — необходимый шаг к мировой революции. Свободный доступ к Балтике и непосред-

венная связь с коммунистами Центральной Европы — первый и необходимый шаг для их продвижения на Запад. На юге же это им облегчает возможность осуществить свою вторую цель, о которой я буду говорить ниже, поселить раздор в семье европейских держав и запугать самого сильного из европейских противников — Англию. Ту же политику большевики преследуют и в Сибири. Для сочувствующих большевикам, но не сочувствующих империализму и милитаризму кругов в Западной Европе и Америке у большевиков есть удобная формула прикрыть свои агрессивные тенденции. Они говорят не о завоеваниях, а о помощи пролетариату в соседних государствах. Этим путем они, например, захватили Армению⁶⁴. Тот же комплекс мотивов делает их положение необычайно выигрышным и в их отношениях к Румынии. Ничем не оправдываемый захват румынами Бессарабии⁶⁵ дает им чудесный предлог для вмешательства в румынские дела.

Второй основной момент во внешней политике большевиков — это их успешная попытка поддержать все элементы брожения не только социального, но и политического в том безнадежно запутанном клубке, который теперь называется Европой, организованной на началах самоопределения народов. Они усердно и успешно занялись благородной задачей расшатать и разбить условия Версальского договора⁶⁶. В Турции они поддерживают националистов, в Греции — монархистов, в Америке они возлагают свои надежды на республиканцев, надеясь, думаю, без всякого основания, что республиканцев легче вооружить против Японии, чем демократов. В той же плоскости надо рассматривать и их запутанные отношения с Германией. Я не удивлюсь, если они войдут в ближайшие отношения с реакционными партиями в Германии — через головы спартакистов — для того, чтобы этим способом подготовить новую европейскую войну. И я не удивлюсь также, если реакционеры Германии решатся, в безумии отчаяния, повторить в Германии опыт, который они столь успешно проделали в России, — под флагом большевизма вновь разжечь войну

в Европе. Не надо забывать, что во всем мире все недовольные, все обиженные готовы видеть в большевиках спасителей и покровителей: немцы и словаки в Чехии, кроаты* и итальянцы в Сербии и т. д. Вполне представляю себе, что дальнейшим шагом д'Аннунцио будет соглашение с большевиками. У него есть добрый пример в лице Энвера-паши.

Наконец, главная надежда и главная сила международной политики большевиков — это их пропаганда социальной революции везде, где для этого есть малейшая возможность. Под каким флагом пойдет эта революция в разных местах — для них безразлично и не важно. В Ирландии они поддерживают националистов — шин-фейнов, в Египте — арабских полуинтеллигентов-националистов, в Индии они одинаково влияют и на массы населения, и на вожakov национального движения, ничего общего с вожделениями народных масс не имеющих, в Америке они готовы поставить свою ставку и на негров, и на пролетариат больших городов. Словом, характеры и социальные признаки недовольных для них безразличны. Смута и недовольство, чем бы они ни вызывались, — это всегда вода на их мельницу. Пропаганда их ведется настолько умело, средства на это затрачиваются так широко, и сопротивления эта пропаганда встречает настолько мало, что успех ее отнюдь не удивителен. Всякий, кто пытался бороться с ней, знает, как это трудно и как мало сочувствия встречает эта борьба со стороны тех, в интересах которых она ведется. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что ближайшими этапами в развитии деятельности большевиков будет попытка под флагом социальной революции укрепиться на берегу Балтийского моря и стать твердой ногой на Кавказе, уничтожить там последний слабый оплот сравнительного порядка — Грузию⁶⁷. Затем пробьет час Польши и Румынии. Союзники будут на это смотреть сложа руки и удивляться силе и умению большевиков, которым они так успешно помогали. Одновременно, они будут утешать себя тем, что часть большевистских

* Имеются в виду хорваты.

миллионов наполнит карманы нескольких спекулянтов и что полученные ими концессии, острова капитализма в море коммунизма, оздоровят это море и сыграют роль разрушителя большевизма в России. Но и эта надежда, пожалуй, прозрачна, потому что среди самих большевиков постепенно торжествует сознание, что, пожалуй, концессии незачем и давать, что и без этого западный капитализм их верный слуга. Чем дальше, тем откровеннее становится их политика. Они чувствуют слабость своих противников и играют на ней. Им незачем больше прятать своих карт и, пожалуй, не стоит просить о признании и о возобновлении торговых сношений. В ближайшем будущем, опираясь на тех, кто им сочувствует, они *потребу*т и того, и другого. И весьма возможно, что их требование будет исполнено, когда в их руках будет и побережье Балтики, и Польша, и прямой доступ в Индию, и в Месопотамию через Кавказ, Туркестан и Персию. Как я ни не склонен находить для всего простую формулу — жизнь так сложна — в данном вопросе истина так ясна и так проста. С огнем играть нельзя, большевизм — это грозный пожар; подбрасывая в него дрова, его не потушить.

Статья написана 15 января 1921 г. в Мадисоне, США. Ср.: Bolshevik Russia and Civilized Mankind // Journal of International Relations. 1921. Vol. 21. P. 517–528.

Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia. Машинопись на рус. яз.

Наука в большевистской России

Время от времени американские газеты публикуют статьи, которые изображают Россию как благословленную землю прогресса, как Эльдорадо*

* Мифическая страна, богатая золотом, которую искали испанские завоеватели в Латинской Америке. В переносном смысле — страна богатств, сказочных чудес.

художников, писателей, ученых. Недавно Хейвуд прислал из своего московского убежища радиограмму, описывающую блага большевистского режима для русской культуры. В том же смысле некоторые из сочувствующих большевизму попытались объяснить статью, написанную Ольденбургом, непременно секретарем Российской академии наук, и опубликованную в российском еженедельнике «Новый путь» (Рига, Латвия)⁶⁸. Я лично читал статью Ольденбурга с глубоким сожалением. Для меня это картина отчаянной борьбы маленькой группы людей, которые пытаются спасти то, что еще осталось от величественного здания российской науки и просвещения.

Российская академия наук, конечно, еще живет и работает и приносит некоторый ценный вклад в науку и образование. Но эта работа, по Ольденбургу, главным образом, является подведением итогов уже сделанного, «резюмирования достижений прошлого, чтобы сделать ясными существующие рабочие гипотезы и границы наших научных достижений». Это само по себе уже плохой знак. Намного хуже условия, в которых эта работа проводится. Ольденбург не мог быть очень откровенным по этому вопросу. Он решил остаться в России, и ему не нравится перспектива возобновления атаки на Академию большевистским правительством и возможность его нового тюремного заключения (он был в заключении уже дважды)⁶⁹. Но даже он не мог обойти молчанием такие факты, как «почти абсолютную невозможность публикации научных работ» (типографские машины заняты печатью большевистской пропаганды и бумажных денег из бумаги, которая получена отправлением на бумажные фабрики ценного содержимого российских архивов и библиотек, см. удивительный протест против этого даже в большевистской «Петроградской Правде» от 16 декабря 1920 г.⁷⁰). Он говорит о «неимении новых западных книг», о «большом желании материалов для научной работы», о «холоде» и «голоде». Но хуже, чем все это — моральные условия, в которых российские ученые живут и работают и о которых никто в России

не смеет произнести ни слова. Позвольте мне описать эти условия на основе достоверных материалов, и позвольте мне показать состояние умов большинства ученых, которые еще живут в России или недавно бежали отсюда и нашли прибежище в других странах. Мне хотелось бы, чтобы их коллеги в этой стране узнали об этих условиях и еще более оценили работу, сделанную ими, несмотря на такую ужасную обстановку.

Первый вопрос: относятся ли большевики дружески или хотя бы нейтрально к ученым и научным институтам? Таково впечатление, которое можно составить по некоторым газетным статьям и по статье Ольденбурга — это впечатление, я должен сказать, крайне ошибочное. Большевики как таковые — лишь за некоторым исключением — не нейтральны и не дружественны к существующим научным институтам, а откровенно и решительно враждебны к ним. Они презирают нашу науку и боятся ее потому, что, по их мнению, наша наука является буржуазной наукой, а следовательно, враждебной пролетариату и разрушительной для него. Это отношение тысячи и тысячи раз было выражено в большевистской прессе и хорошо известно. Позвольте мне процитировать один из последних официальных документов по этому поводу, опубликованный интеллектуальными лидерами большевизма и подписанный Бухариным, Рязановым, Покровским, Радеком и другими⁷¹. Это призыв к ученым России объединиться с большевиками и сотрудничать с ними. Они откровенно выражают свою точку зрения, и принятие этой точки зрения является для них первым условием сотрудничества. Позвольте мне процитировать их собственные слова.

«В борьбе классов, которая является основой истории человеческого общества, духовное оружие играло, без сомнения, важнейшую роль. Наука не была и не могла быть нейтральной более, чем классы, которые принимали участие в борьбе. Для каждого из них, сознательно или неосознанно, наука была оружием и средством распространения той всеобщей концепции,

которая казалась выгодной им, и они придали науке объем и содержание, рассчитанные на обслуживание их потребностей. Если класс, борющийся за власть, провозглашал против правящего класса *лозунг свободы и нейтральности науки*, то это было только оружием в их руках для завоевания свободы и распространения их собственной мировой концепции, не более беспристрастной, чем внедренная их оппонентами. *Так как нет и не может быть такой вещи, как свободная и нейтральная наука, в то время как общество состоит из классов».*

Такова большевистская точка зрения. Этот принцип предполагает, что только такие ученые, которые разделяют эту точку зрения, полезны и нужны для большевиков, остальные опасны и должны быть доведены до полной зависимости от большевиков всеми возможными средствами. Сейчас преобладающее большинство российских ученых как за границей, так и в России не могут принять эту точку зрения. Они крайне противятся ей, т. к. для них *свобода и нейтральность науки* не лозунг, а сама суть научных исследований. Именно из-за этого большинство российских ученых враждебно большевистскому режиму, и большевики знают это очень хорошо.

Именно поэтому большевики пытаются сформировать новое поколение российских ученых — верных приверженцев марксистской теории и верных слуг большевистского режима. Вот текст декрета Ленина по учреждению Института красной профессуры⁷².

«1. Создать в Москве и Петрограде институты по подготовке красных профессоров для преподавания в высших школах республики теоретической экономики, исторического материализма, развития социальных форм современной истории и советской системы.

2. Установить число студентов в институтах красной профессуры: 300 для Москвы и 100 для Петрограда».

(Подписано Лениным, Москва, Кремль, 11 февраля 1921 г., перепечатано здесь из «Известий», 16 февраля 1921 г.).

Вот некоторые комментарии относительно этого декрета. В тех же «Известиях» 20 февраля 1921 г. некий Дж. Бергман пишет следующее: «Будет подготовлен ряд преподавателей: 1) социальных наук в *свете марксизма*, 2) теории марксизма как метода анализа социально-исторического процесса (исторический, или более точно, экономический материализм), и 3) практики революционного марксизма — организация Советской России, т. е. первая попытка в мире (после Парижской Коммуны) в доведении до воплощения теории кровавой классовой борьбы (“кровавой” в смысле перевода классовой борьбы в категорию войны и диктатуры)». «Этот декрет, — заключает автор, — имеет огромное значение. Если мы в состоянии подготовить таких “красных профессоров” для высшей школы, а с их помощью красных учителей для средних и начальных школ, тогда мы можем быть уверены, что более молодое поколение войдет в жизнь с ясным рассудком, очищенным марксистской “дезинфекцией” от всякого рода идеалистической чепухи...» Поэтому нет никаких сомнений в реальном отношении большевиков к науке и образованию. Нет свободы исследований, нет свободы слова; истина найдена, и наша задача состоит только в развитии марксистской точки зрения и в удушении всего, что противостоит ей. Такова главная идея Луначарского, министра народного просвещения в большевистской России, который в одном из памфлетов ясно заявил: «Обрел в марксизме (пролетариат) все, что существенно».

Но пока у большевиков нет ничего своего, чтобы заменить старое образование и науку, они *терпят* то, что есть. Они терпят Академию, университеты, некоторые из средних школ. Временно они нуждаются в них для своей повседневной работы, так же как и рабочий пользуется плохим инструментом, пока не появится лучший. Но терпение не предполагает помощь и защиту.

Именно поэтому большевики не делают ничего, чтобы улучшить условия жизни ученых в различных

частях России. Почему ученые вынуждены умолять западный мир прислать им новые книги и периодику? Не было бы проще для большевиков использовать часть их ворованного золота на приобретение книг и научных материалов? Почему ученые умирают от голода? Я не представляю здесь длинный список имен тех ученых, которые умерли от голода за последние 3 года. Их множество. Почему большевики не защищают ученых от убийств и арестов со стороны Чрезвычайной комиссии по всей России? Сколько талантливых русских ученых погибло ужасной смертью в Ростове, Киеве, Крыму, Москве! Почему многие из них покончили жизнь самоубийством? После математика Ляпунова, философа Викторова, юриста Хвостова теперь хорошо известный ученый Одессы проф. Блауберг, который покончил с жизнью вместе с одним из своих ассистентов в своей лаборатории. В письме, оставленном Блаубергом, он объясняет причину суицида: это невозможность успешного выполнения научной работы в ужасных моральных условиях большевистской Одессы. Почему сотни русских ученых, молодых и старых, убегают из России и живут жизнью просителей в Западной Европе, Японии, Китае и Америке? По моей статистике не менее трети ученых покинули Россию и нашли прибежище где-либо в Европе, Азии, Америке. Почему новые университеты Сербии должны пополняться русскими учеными, в то время как Россия интеллектуально голодает? Я прочел недавно манифест, подписанный русскими профессорами в Сербии; он содержит 90 подписей⁷³.

Причиной всего происходящего стало то, что жизнь в России для ученых стала невыносимой. Терпимость большевиков хуже, чем открытое преследование, потому что она поработывает ученых, делает из них орудие в руках большевиков, орудие, которое предназначено для разрушения того, что они терпеливо строили веками непрерывной работы.

Позвольте мне закончить эту статью некоторыми цитатами, взятыми из писем, которые я получаю время от времени от моих друзей в России, которые хорошо рисуют их душевное состояние.

Это выдержка из письма, написанного молодым историком сразу же после его побега из России весной 1920 года.

«Причины моего отъезда, — пишет он, — носят не столько материальный, сколько духовный характер. Условия духовной жизни в России стали абсолютно невыносимыми. В дополнение ко всем ужасам рабства и преследований со стороны гнусных элементов, составляющих большевистскую администрацию, мы наблюдаем полное крушение всех надежд части нашей интеллигенции. Интеллигенция находится в полном отчаянии и унынии из-за ужасной нужды и бесконечного страха».

Немного позднее я получил письмо от одного из русских профессоров, которому затем удалось покинуть Россию, но в то время (июнь 1920 г.) он был еще в Петрограде. Он пишет следующее.

«Я не буду писать обо всем, через что мы прошли, и что еще переносим. Это постоянный кошмар, это что-то неопишное. Мы живем в тюрьме, куда не проникает даже луч солнца. Вокруг нас не прекращается какой-то “Танец смерти”. Все то небольшое чистое и светлое, что было — разрушено. Университет почти что умер. Студентов почти не осталось, почти полностью прекратились лекции. Преподавательский состав разрушен кучкой невежд, которыми он был разбавлен. Как следствие этого университет потерял свой ученый характер. *Последние огни науки гаснут*, и скоро темнота невежества поглотит все вокруг. Печально видеть все это и еще более печально жить в таких условиях. *Почти каждый хочет сбежать*, но нет никакой возможности для этого — нас держат как пленников внутри стального кольца».

Мой третий корреспондент — один из моих учеников — сбежал еще позднее, в конце 1920 г. Он пишет мне следующее о причинах, которые заставили его покинуть Россию, несмотря на большую опасность.

«Я говорю Вам, не холод и голод вытолкнули нас из нашего дома, но сознание нашего рабства и наша духовная гибель с одной стороны, и моральная невоз-

возможность дальнейшего поддержания нашего “благоклонного нейтралитета” по отношению к нашим большевистским рабовладельцам, с другой. Сверх того научная работа, которая прежде спасала нас морально, этот последний год — я имею в виду 1919—1920 — стала совершенно невозможной. Во-первых, внешние условия: голод, холод, темнота, отсутствие воды, необходимость колоть и пилить дрова, доставать паек и неопределенным образом зарабатывать деньги. Во-вторых, внутренние интеллектуальные условия: наш мозг больше не работает, наша память становится слабее, мы не можем позволить себе выполнять какую-то синтетическую, не чисто механическую работу. У нас нет ни одного момента четкого жизнеосознания. Мы чувствовали себя, как если бы мы находились под тяжелым прессом, нашим основным чувством было бесконечное угнетение. Вокруг вас вы не увидите никого, кроме людей в постоянном страхе, страхе от всего, но особенно велик страх лишиться пайка, замерзнуть и т. д. Вообще страх замерзнуть от холода и голода — основа жизни. В сравнении с ним, такие вещи, как существование университета или Академии, кажутся пустяком».

И еще два слова из последнего письма, которое я получил от одного из ведущих ученых России: «Наконец-то мне удалось убежать от советской тюрьмы».

Таковы чувства большинства русских ученых. Каждый, кто посещает Россию, легко может это узнать. Вот цитата из письма, написанного мне иностранным ученым, который посетил Петроград в прошлом году.

«Холод последней зимы, голод и большевистская инквизиция оставили свою метку на лицах моих друзей (русских ученых Петрограда), но что еще хуже — это моральный голод, от которого несомненно не уйти в ближайшем будущем... Это правда, что сейчас пришло лето, все они немного оживились и пытаются сдерживать себя от впадения в состояние варварства возобновлением их научной работы. Но это не старая жизнь, не приводящая в восторг работа, которую они

обычно делали в предыдущие годы, но лишь работа, с помощью которой они пытаются поддержать себя в здравом уме. Это их последнее прибежище, короче, это средневековая монастырская жизнь снова и везде. Тяжело видеть все это и знать, что никто не может ничем помочь».

И в заключении одна цитата из книги Арт. Холлитшера «Сторонник большевизма»⁷⁴, недавно опубликованной в Берлине. Автор провел несколько дней в Петрограде и посетил известный Дом ученых, который Г.Уэллс описал в розовых красках. Холлитшер прошел через большие, холодные, вонючие и грязные комнаты. Среди других известных ученых Холлитшера посетил один старый ученый, известный географ. Этот ученый приветствовал гостей цитатой из Данте: «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate»*. Таково действительное настроение русских ученых. Велики их страдания, и я думаю, я действую в их духе, сообщая западным коллегам, что они на краю последней стадии выносливости, и что их работа не является работой смелых и гордых людей, сознающих свою духовную свободу, но их последнее прибежище от их страданий.

Статья написана в Мадисоне 5 апреля 1921 г., опубликована на англ. яз. в «Times» («Science in bolshevist Russia»). В другом деле Йельского архива Ростовцева (Folder 140. Some materials on science in South Russia) сохранился фрагмент первой редакции статьи под названием «Science in Russia» (машинопись на англ. яз.). Пер. с англ.

Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia. Автограф М.И. Ростовцева и машинопись на англ. яз. с правкой автора.

* «Оставь надежду всяк сюда входящий» (Прим. М.И. Ростовцева).

Цитата из поэмы итальянского поэта Данте Алигьери «Божественная комедия» (Ад, III, 9).

Университеты и большевики

Один из последних «беженцев» из Советской России, профессор С.И. Гессен, бывший деканом историко-филологического факультета в Томске, а затем назначенный профессором Петроградского университета, недавно появился в Берлине. В тамошней Академической группе он прочел в высшей степени содержательный доклад о большевистской реформе университетов⁷⁵. Доклад этот был напечатан в трех номерах берлинского «Руля»⁷⁶ и заслуживает быть прочтенным полностью. Большевистская реформа университетов проведена теперь ими в полной чистоте и последовательности. Разрушив старый университет, они попытались построить новый, свой. Это первый акт положительной политики в «просветительной» деятельности большевиков. Интересно поэтому приглядеться к нему внимательно и оценить его *sine ira et studio* («без гнева и лести»^{*}).

Идеалы русских университетов вынашивались университетами в постоянной борьбе, внутренних и внешних конфликтах десятками лет. Много мученичества потребовало постепенное проведение в жизнь этих идеалов. Несмотря на постоянные шаги назад, мы все-таки последовательно приближались к их осуществлению. Каковы они, эти идеалы? Всем русским профессорам и студентам они известны. Но стоит их напомнить, так как они далеко не те, которые господствуют теперь в Америке. Университет был всегда для русской интеллигенции не только учреждением для образования юношества. Он всегда довлел сам по себе. Эта была лаборатория мысли, научного творчества во всех областях. Это был фокус, где сходились искания и стремления лучшей части русской интеллигенции. «Искать и находить» — было лозунгом университетов, и в эту работу мы старались включить и студенчество. На студентов мы смотрели, может быть ошибочно, как на наших младших коллег, которые знают,

^{*} Латинская цитата из произведения Тацита «Анналы» (I, 1).

к чему мы стремимся и готовы идти с нами по пути, нам ясному и близкому. Русский университет никогда не был фабрикой, налагающей штамп образованного человека на молодых людей; никогда не был он и механическим соединением нескольких профессиональных школ. Мы твердо держались того убеждения, что университет есть именно «Universitas», т. е. нечто единое, группа искателей истины разных специальностей, владеющая сама достижениями теоретического научного знания и дающая доступ к этому знанию и к пониманию научного метода, которым это знание достигается, молодым людям, этого знания и этого метода ищущим. Поэтому так строго проведено было разделение высшей школы на университеты и на технические школы разных типов. Поэтому университет всегда резко протестовал против превращения его в профессиональную школу. Подготовка учителей не было целью историко-филологического факультета, подготовка адвокатов и судей не было задачей юридического, не заводы и фабрики имели в виду химические и физические отделения естественного факультета. Мы готовили образованных людей и думали, что эти люди, приобщившись к научному знанию, легко и просто приспособятся к любой деятельности. Самое деление на факультеты существовало только для того, чтобы дать возможность молодым людям выработать свое научное мировоззрение на базе той или другой широкой группы наук.

Отсюда естественно вытекал и строй университета. Как группа искателей истины и наставников молодежи в этом искании, университет не мог быть подчинен кому-либо, стоящему вне университета. Университетам, по нашему пониманию, могла управлять только вся группа людей, длительно связанных с судьбами учреждения, т. е. группа учителей, а не учеников, профессоров данного университета. Но профессора с их выборными представителями, ректором и деканами, не были начальниками студентов и не стремились ими быть. Они организовали жизнь университета и требовали от студентов, добровольно поступивших в университет, добровольного подчинения

этим правилам. Студентам они ничего не навязывали. Принцип академической свободы был одним из главных наших лозунгов. Профессора давали советы студентам, рекомендовали им тот или другой учебный план, указывали, на каких условиях они готовы признать студентов людьми, закончившими свое высшее образование, и это было все. Вне этого студенты, которых мы считали взрослыми людьми, были свободны распоряжаться собою, своим временем и занятиями, как хотят. Мы всегда настаивали и на том, что вся частная и политическая жизнь студентов — не наше дело. Если мы воспитывали студентов, то не путем наблюдения за их моралью, а путем внедрения в них научного метода мышления и мирозерцания. И это мы считали лучшим способом воспитания.

Таковы были наши идеалы. Действительность никогда им не соответствовала. В 1905 г. двери к ним как будто приоткрылись⁷⁷, еще шире раскрылись они после второй революции..., чтобы насильственно быть захлопнутыми с величайшей жестокостью и полным презрением к выше набросанному идеалу. Сказать поэтому, в какой мере наш идеал был практичен и целесообразен, мы не можем. Полностью он никогда ни в России, ни вне России не был осуществлен. Что же противопоставили этому идеалу большевики? Как и во всем остальном, они резко порвали с традицией русского либерализма и стали на сторону русского самодержавия в худшие его моменты. Университет большевиков есть сколок с университета Магницкого и Николая I⁷⁸. Большевики хотят сделать из университета школу для служилого сословия советского государства, механический конгломерат профессиональных школ, подготовляющих чиновников-специалистов, рабов центральной администрации. Ясно, что такая школа не может быть свободна. Она будет сколком с блаженной памяти Историко-филологического института в Петербурге⁷⁹ эпохи Кедрова, с его железной дисциплиной, монастырскими общежитиями и авторитарным управлением.

Университеты должны вернуться к эпохе Николая I. Основная идея большевиков такова: авто-

кратическое управление через назначенных ректоров и деканов, исполняющих волю комиссара народного просвещения; превращение профессоров в группу учителей — и учителей, только нанятых для исполнения этой обязанности; строго профессиональный характер образования с строжайшей учебной и всякой иной дисциплиной; возможное сокращение числа студентов. Общеобязательно для всех студентов, как суррогат общего образования, только одно: новое «богословие» коммунистов, заучивание и внедрение в сознание принципов марксистского социализма и основных форм советского строя. Не видят слепцы, что то, что убило религию в русской интеллигенции, была именно мертвая догма казенного богословия, на которое ходили «по наряду». По наряду будут ходить на большевистские курсы «марксословия».

Таковы идеи большевиков. Они не новы. Они антипод нашим идеям и идеалам, но они, в конце концов, только карикатура того, к чему постепенно идут и американские университеты. Конечно карикатура, так как в большевистской реформе нет души американской системы: нет их искреннего демократизма, стремления дать образование или хотя бы штамп образованного человека всем. Но карикатура поучительная. Неужели мы действительно идем к тому, что было одним из симптомов падения и вырождения творчества в античном мире — к подмене научного воспитания профессиональной выучкой, для всех обязательной и для всех равной? Что победит — идея свободной научной *universitas* или идея механической технической выучки возможно большего числа людей? Если последняя, то, боюсь, мы дошли до климакса нашей культуры и быстрее пойдем вниз, под гору, через механизацию знания и образования.

Статья без даты, написана не ранее осени 1921 г.

Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia. Автограф М.И. Ростовцева.

Русская наука в изгнании

(Автор этой статьи, проф. М.И. Ростовцев, — выдающийся историк, проф. Петроградского университета, член Российской Академии наук, член-корреспондент Британской Академии наук, почетный доктор литературы Оксфордского университета. Профессор М.И. Ростовцев сейчас находится в Мадисоне, штат Висконсин, по приглашению Висконсинского университета для чтения курса лекций по древней истории и истории России в текущем учебном году).

Невыносимые жизненные условия, созданные большевиками в России, привели к совершенно уникальной ситуации в истории существования цивилизованного человечества. Тысячи образованных россиян — писателей, художников, актеров, адвокатов, врачей, учителей и т. д. — были вынуждены бежать из России и искать возможности для человеческого существования за ее пределами. Среди них сотни ученых, профессоров и академиков, сильнейшие научные силы, разбросанные сейчас по всему миру, тщетно пытающиеся продолжить свою научную работу и сохранить от уничтожения тот кладезь знаний, который они накопили в течение долгих лет работы в тесном сотрудничестве с остальной частью научного мира.

Я не знаю точно, сколько ученых находятся за пределами России сейчас. Однако я знаю, что только в Лондоне их более 25, в Париже — около 30, в Сербии — около 50, в Болгарии — не менее 25, в Скандинавских странах — не менее 30, в Германии — около 50 и в Чехословакии — около 10. Те, которые бежали из Сибири, сейчас проживают в Японии и Китае. Сколько их там, я не знаю. Постоянно появляются новые ученые в Финляндии и находят там временное убежище. Среди ученых-беженцев мы найдем таких известных специалистов, как академики Кондаков (история искусств), Вернадский (минералогия), Насо-

нов (зоология), Сироткин* (медицина), Королевский** (медицина) и профессора Д. Гримм (юриспруденция), Э. Гримм (история, бывший ректор Петроградского университета), А. Гуиров*** (экономика), Новгородцев (юриспруденция) и многих других.

Только некоторым из них удалось использовать свои научные познания, в то время как большинство живут, зарабатывая крохи на еду, в нищете и, может быть, в ближайшем будущем умрут голодной смертью. Причины, по которым им пришлось покинуть Россию, ясны и очевидны. Как я уже говорил, условия жизни в большевистской России как в духовном, так и в материальном смыслах невыносимы. Огромное число ученых, которые были не приспособлены для борьбы за выживание, для охоты за куском хлеба, для гонки за чем-нибудь съедобным, умерли от голода. Академия наук — высший ученый институт — теряет одного своего члена за другим. За два года большевистской власти погибло более 15 членов Академии наук (если учесть, что всего членов 40, то можно сказать, что погибло около 40%). Разрешите мне назвать имена некоторых из них: Я.И. Смирнов (историк-искусствовед), А.С. Лаппо-Данилевский (историк, доктор Кембриджского университета), А. Фаминцын (ботаник с мировым именем), В. Радлов (востоковед), [М.А.] Дьяконов (историк российского права), [А.М.] Ляпунов (математик) покончил жизнь самоубийством, а недавно еще и А. Шахматов (филолог и историк), один из величайших ученых не только России, но и всего мира⁸⁰.

Затем следует огромное число профессоров, некоторые из них, такие как профессора В. Хвостов (юриспруденция) и Викторов (философия) из Мос-

* В документе Sirotkin. Вероятно, имеется в виду В.Н. Сиротинин.

** В документе Korolevsky. Вероятно, имеется в виду В.Г. Коренчевский.

*** В документе Guirov. Вероятно, имеется в виду А.А. Чупров (Chuprov).

ковского университета, также наложили на себя руки. Потеря таких людей, как московский профессор Федоров (кристаллография), петроградский геолог А. Иностранцев, киевский славист А. Флоринский* и многих других явилась огромным ударом для мировой науки. Однако не страх голодной смерти гонит этих ученых из России. Я даже могу сказать, что не страх тюремного заключения, не страх казни без всякого суда (так, например, погиб А. Флоринский) гонит их из России. Причины отъезда другие, более глубокие. Эти ученые не могут равнодушно наблюдать, как культура и образование погибают в России, не могут смириться с полным уничтожением свободы и с установлением рабства. Они не могут и не будут оставаться спокойными и соглашаться, тогда как каждое действие большевиков вызывает у них негодование. Они не в состоянии видеть смысл в том, чтобы идти в опустевшие аудитории и создавать иллюзию высшего образования в России. Позвольте мне ради полноты картины процитировать отрывок из письма, написанного моим коллегой в июне. Я не осмеливаюсь упомянуть его имени из-за того, что большевики мстительны и злобны, и они не переносят правды. Вот, что он написал: «Я не буду писать обо всем, через что мы прошли, и что еще переносим. Это постоянный кошмар, это что-то неописуемое. Мы живем в тюрьме, куда не проникает даже луч солнца. Вокруг нас не прекращается какой-то “Танец смерти”. Все то немалое чистое и светлое, что было, — разрушено. Университет почти что умер. Практически нет ни студентов, ни лекций. Преподавательский состав разрушен кучкой невежд, которыми он был разбавлен. Как следствие этого университет потерял свой ученый характер. Последние огни науки гаснут, и скоро темнота невежества поглотит все вокруг. Печально видеть все это и еще более печально жить в таких условиях. Почти каждый хочет сбежать, но нет никакой возможно-

* В документе ошибочно А. Флоринский, имеется в виду Т.Д. Флоринский.

сти для этого — нас держат как пленников внутри стального кольца».

Еще один отрывок из другого письма, написанного мне молодым ученым, профессором истории Н.В. Пузино*, которому удалось бежать из России: «Причины моего отъезда носят не столько материальный, сколько духовный характер. Моих запасов дров и продовольствия хватило бы еще на несколько месяцев, но я бросил все и воспользовался первой же возможностью бежать в Финляндию. Условия духовной жизни в России стали абсолютно невыносимыми. В дополнение ко всем ужасам рабства и преследованиям со стороны гнусных элементов, составляющих большевистскую администрацию, мы наблюдаем полное крушение всех надежд нашей интеллигенции. Интеллигенция находится в полном отчаянии и унынии из-за ужасной нужды и бесконечного страха. При данных обстоятельствах совершенной невозможности жизни и работы в Советской России единственным моим спасением было бегство. И по милости небес это спасение мне удалось: я пересекал Финский залив в невероятных условиях, под ослепительными вспышками прожекторов, скрываясь от часовых под проводами с электрическим током, и так далее. Побег моей жены состоялся при таких же обстоятельствах».

Таковы причины бегства ученых из Советской России, и эти же причины побуждают тысячи других научных работников к сходным действиям. Продолжать жить в стране, где царит система рабства, где никто не осмеливается свободно говорить и писать, стране, из которой невозможно уехать, а можно только бежать, это выше сил тех людей, которые, наконец, глотнув настоящей свободы, вынуждены признать, увы, что после первого луча света темнота, поглотившая Россию, гораздо гуще и безнадежнее, чем та, под которой страдал народ во время темных лет правления Николая I.

* В документе N.V. Poozino. О ком идет речь, установить не удалось.

Эти отрывки из писем людей, глубоко любящих Россию и свободу, являются наилучшим возможным ответом на заявления большевиков, говорящих нам о том, как много они делают для просвещения России. Если бы в их утверждениях была хоть частица правды, если бы у них было реальное желание образовывать и просвещать русский народ, то люди, имевшие отношение к образованию в России, которые никогда не были сторонниками старого режима, не бежали бы толпами из России и не думали бы об этом спасении, как единственной оставшейся альтернативе, хорошо зная, что за границами Советской России их может ждать лишь отчуждение, жизнь странника, голод и нужда. Большевицкая Россия — это не Россия. Люди могут погибать в своей собственной стране и за ее благополучие, но продолжать жить там, где они вынуждены делать то, что они считают смертельным злом для своей страны и человечества, выше человеческих возможностей.

Я заявляю, что все похвальное в культурной жизни России за последние несколько лет, как первый шаг к прогрессу, было подготовлено задолго до прихода большевиков к власти и выполняется независимо от них. Однако, к сожалению, все это остается только на бумаге, планами на будущее, и сейчас нет возможности для настоящей работы в России. Таковы, например, некоторые реформы, которые, в частности, касаются школьной системы: идея обязательного образования и единой школьной системы. Это всегда было мечтой прогрессивной части учителей, и это было уже начато Временным правительством⁸¹. Таковы также реформы музеев, подготовленные с неиссякаемой энергией Временным правительством при моем непосредственном участии⁸². Все, что сделано большевиками, — это или искажение правильной, прогрессивной мысли, лежащей в основе, или безумное уничтожение всего, что существовало ранее без создания чего-либо нового взамен разрушенного. Все это я доказал в серии статей, опубликованных во Франции, Англии и Америке («Сражающаяся Россия»⁸³), поэтому я не буду повторяться.

Русские преподаватели, живущие в России, осознают это более живо, чем я, и более интенсивно, чем дольше они остаются в России и являются свидетелями бедственных результатов большевистской деятельности. Поэтому естественно, что, с очень небольшим исключением, мы видим, что они стремятся покинуть Россию, где ничего не делается для них и где с ними обращаются как с отверженными и рабами.

Редкие личности — очень немногие — готовы остаться в России и преждевременно погибнуть. Они верят, что их присутствие необходимо там для некоторых людей, и что им еще удастся спасти что-нибудь. Жизнь, однако, разрушает их иллюзии день за днем. Я не говорю о тех личностях, которые готовы работать рука об руку с кем угодно, пока им гарантируют некоторые материальные блага и власть. Они не заслуживают того, чтобы их упоминали: они подчинялись рабству без слова протеста, и они терпят это без ропота. Но их только единицы, в то время как в противоположном лагере их тысячи.

Таково настоящее положение дел. Теперь встает вопрос — что должно быть сделано? Позвольте мне обратиться к проблеме русских ученых. Все понимают, что наука интернациональна в своих результатах. Можно искать истину различными путями и пути эти национальны, они — отражение особого национального гения исследователя. Но результаты научных исканий не несут какую-либо национальную черту: эти результаты представляют часть Истины, а Истина необходима и ценна для всех нас. Таким образом часть мировой науки гибнет в лице русских ученых. Сотни людей, которые искали и находили истину, выброшены, подобно отверженным, из семьи науки. Мы не должны забывать, как много Россия вложила в мировую науку. Имена Менделеева в химии, Мечникова и Павлова в физиологии, Лебедева в физике, Федорова в кристаллографии, Лобачевского в математике и многих других не могут быть с корнем вырваны из истории науки. Я заявлял как-то до этого, что среди политических эмигрантов встречаются звезды первой величины, в то время как среди молодежи, возможно,

могут быть найдены будущие Павловы и Мечниковы. Имеет ли право мировая семья ученых спокойно смотреть на навязываемые им праздность и гибель? Они бежали из России, веря в существование солидарности среди ученых всего мира. Они ошибались? Оправдалась ли их вера в действительности? Существует ли эта интернациональная солидарность науки в самом деле?

Будем надеяться, что она есть и что все, что необходимо, — это чтобы деятели науки только поняли действительное состояние дел и увидели величину потери, угрожающей науке. Они сумели это понять в то время, когда множество бельгийских ученых бежали со своей родины. В то время они нашли пути и источники, чтобы поддержать тех ученых в их ссылке, давая им возможность жить и работать в ожидании того дня, когда им можно будет вернуться в Бельгию⁸⁴. Теперь наши русские ученые оказались в подобной ситуации, если не в худшей. Хоть они и не могут найти возможность бежать большими массами, а должны уезжать в одиночку, один за другим, их гораздо больше в изгнании, чем бельгийцев. Большевики за границей встречают их свистом и бранью. А они ждут того дня, когда им можно будет вернуться в Россию, в их лекционные аудитории, библиотеки и лаборатории. Но близок ли этот день? Кто знает?.. Тем временем они сталкиваются с праздностью и лишениями или с работой, которая не имеет ничего общего с их профессией. Я знаю некоторых историков, которые работают садовниками, математиков, которые работают мойщиками стекол, химиков, которые прилагают огромные усилия, чтобы заработать на жизнь с помощью пишущей машинки. Но разве подобное необходимо, и разве это экономично? Разве мы не можем позволить им вернуться к настоящей творческой работе, давая им возможность снова искать истину и вкладывать свою лепту в хранилище мировой науки?

Статья без даты; по содержанию датируется не ранее чем январем 1922 г. Пер. с англ.

Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia. Машинопись на англ. яз.

Рецензия на книги: Милоков П.Н. Россия сегодня и завтра (Нью-Йорк: Макмиллан компани, 1922); Барон Корф С.А., доктор гражданского права. Зарубежные связи России в течение последней половины века (Институт политических публикаций Вилльямс колледжа. Виллинойстаун. Нью-Йорк: Макмиллан компани, 1922)

П.Н. Милоков хорошо известен каждому в этой стране, кто интересуется внешней политикой. Он представляет счастливую комбинацию превосходного ученого и активного политика, как президент Чехословацкой республики Масарик. Милоков начал свою научную и политическую карьеру в Москве. Ученик известного историка России Ключевского, он проявил себя в 90-е годы прошлого века как один из лучших ученых в области экономического и культурного развития России. Его книга по истории русской цивилизации, впервые опубликованная в 1896 г.⁸⁵, до сих пор остается образцовой работой в этой области. Поколения русских интеллектуалов овладевали знанием об истории своей собственной страны с помощью этой ясной и блестящей книги.

С начала своей карьеры Милоков принял активное участие в русской политике как один из выдающихся либералов и «западников». В 1905 и 1906 гг., после первой русской революции, он вместе с некоторыми другими русскими политиками организовал партию конституционных демократов, первую политическую партию России, и начал издание либеральной радикальной газеты «Речь»⁸⁶. До и во время последней войны он был членом Четвертой и последней Думы и играл выдающуюся роль в так называемом «Прогрессивном блоке»⁸⁷, созданном во время войны. Целью

этого блока была организация и сплочение всех прогрессивных сил России и помощь ей в одержании победы в войне. Как один из лидеров этой организации Милюков после второй русской революции 1917 г. стал одним из членов Временного правительства в качестве министра иностранных дел России. В этом качестве он был главной мишенью раннего большевистского движения и пал жертвой своего успеха. После ухода в отставку в июле 1917 г. он посвятил себя борьбе с растущим большевизмом

Третья революция в октябре 1917 г. вынудила его бежать на Юг России, где он играл важную роль в южнорусском Белом движении. Гибель сил Деникина выбросила его из России в Лондон⁸⁸. В 1920 г. он переехал в Париж, стал там редактором русской газеты «Последние новости»⁸⁹ и сформулировал новые направления в политике кадетской партии, которые состояли в сплочении русских радикалов и социалистов в борьбе против попыток нового вооруженного сопротивления большевикам. Лозунг этого движения, который разрушил кадетскую партию, был «Россия будет спасена от большевиков изнутри, но не снаружи».

Книга Милюкова — это ряд лекций, которые он прочитал в 1921 г. в этой стране, — в Лоувэл институте (Бостон) и в других местах⁹⁰. Он рассматривает эту книгу — «Катастрофа» (написанную на русском) — как продолжение его книги «Россия и ее кризис» (1905, Chicago University Press)⁹¹. Книга Милюкова — одна из лучших о России, каковой она предстает сегодня. Лучше, чем кто-либо из русских, Милюков знает прошлое и настоящее России — как русский характер эволюционировал веками, русскую интеллектуальную и политическую эволюцию, в которой он принимал активное участие. В то же время он очень хорошо знаком с нынешними условиями Европы и Америки и имеет широкий взгляд на положение в мире, созданное Великой войной. Я не могу назвать никакую другую книгу, в которой был бы дан столь острый и беспристрастный анализ большевизма в России.

Главы I—V и VII—VIII книги представляют собой трезвый и непредвзятый взгляд на политику большевиков и ее результаты. С превосходной ясностью и точностью Милюков показывает, как большевики с самого начала преследовали две главные цели: установление их власти и введение коммунизма в экономическую жизнь России, как вторая часть программы потерпела полную неудачу и разрушила экономическую жизнь России, принеся нищету и голод; как ввиду этой неудачи, большевики сконцентрировали все свои усилия на первой цели, нетерпеливо ожидая и пытаясь ускорить общую коммунистическую революцию в Европе и Америке; как они создали, используя неуверенную политику иностранных правительств, сильную армию и добились успеха в подавлении Белого движения, которое никогда сильно не поддерживалось союзниками, как экономические трудности заставили их делать одну уступку за другой в их коммунистической программе и создать настоящий хаос в экономической жизни России, только чтобы спасти их политическое положение; и теперь, наконец, они потеряли поддержку всех классов населения, особенно крестьянства, и преобразовали так называемую диктатуру пролетариата в чистую тиранию маленькой группы, поддерживаемой сильной организацией этой группы, неслыханной системой слежки, неограниченным террором, хорошо оплаченной и хорошо вооруженной военной силой и эгоистичной политикой прежних союзников России с единственным исключением Соединенных Штатов.

Я рекомендую каждому, кто интересуется историей сегодняшнего дня, прочитать внимательно эти главы и сформировать свое собственное суждение о большевизме и его достижениях. Несколько слов еще о двух главах, которые не столь точны и не столь беспристрастны, как главы о большевизме. Я имею в виду главу VI «Антибольшевистская Россия» и главу IX «Россия завтра». Милюков, который сам все эти годы поддерживал Белое движение, сейчас нашел для него только слова брани и порицания. Его картина — все серое на сером или, лучше, черное на черном. Белые

силы, по Милюкову, за исключением короткого периода в самом начале, были проникнуты идеями реакции, поддерживающими лозунг «Назад к самодержавию». Каждый, кто знает Белое движение, как я и как Милюков, знает, что эта картина несправедлива. Белые лидеры и большая часть их сил совершили много ошибок, некоторые из их методов были в самом деле плохими; но большинство участников движения, главным образом, русские интеллектуалы, были вдохновлены настоящей любовью к России и желанием помочь России найти ее собственный путь спасения.

Милюков уверен в будущем. Большевизм, по его мнению, полностью ослаб, и политическое падение большевиков наступит очень скоро. Восстановление России будет доведено до конца на демократических принципах крестьянами, и возрожденная Россия будет демократией и федерацией, подобно Соединенным Штатам.

Очень много времени займет высказывание моей собственной точки зрения по этому вопросу. Я могу кратко утверждать, что факты, приведенные Милюковым, которые показывают растущее политическое и моральное возрождение России — скудны и переоценены.

Я не уверен, как Милюков, что конец большевиков близок. Все еще имеются элементы в психологии русского населения, которые мешают возвращению России ее свободы. Россия должна пройти через более ужасные потрясения прежде, чем достигнет безопасной гавани демократии и федерации.

Я не судья по вопросу, обсуждаемому бароном Корфом в его книге⁹². Мое впечатление, что его книга — очень общий обзор внешней политики России за последние 50 лет. Основные идеи книги Корфа, как им много раз утверждается в почти всех его 10-ти главах, следующие: глупость и неспособность секретной дипломатии и бедственный результат позиции Франции и Англии в переговорах с тогда переменной властью в России без вмешательства во внутренние дела страны. Я не друг секретной дипломатии, но я знаю,

что единственная попытка открытой дипломатии, как показано демократическим периодом в истории древнего мира, не имела успеха. Относительно второго момента: я не вижу, как Франция и Англия могли бы поддержать либеральное движение в России, не создав 10-ю годами ранее того хаоса, который господствует там сейчас, который, конечно, не был целью английских и французских дипломатов. Я не могу разделить полное осуждение Корфом российской политики по отношению к Японии в 1904 г. X глава в книге Миллюкова показывает, каковы есть и были цели японцев в отношении Сибири. Долг России был защищать жизненные интересы Сибири. Российская политика была слишком самоуверенной, слишком поспешной и слишком во многом зависела от внутренней ситуации в России; но главная тенденция ее не была неправильной. Наконец, американские читатели книги Корфа хотели бы видеть главу об отношениях между Россией и Соединенными Штатами. Я не знаю, насколько читатель книги Корфа может полагаться на факты, изложенные Корфом в его книге. Мой коллега и друг П. Кнаплунд из университета в Висконсине говорит мне, что имеются некоторые ошибки в главе, касающейся Швеции. Бьеркское соглашение было подписано 24 июля, а не 24 августа 1905 г. (с. 199)⁹³. Трактую политику Александра I, Корф забывает, что Александр был союзником Наполеона в 1804 г., который был в то же самое время в состоянии войны со Швецией, и что приготовления для нападения на Финляндию делались в течение этого периода. Кандидатурой Александра на трон Швеции был герцог Ольденбург⁹⁴, а не Бернадот (см.: *Бартон*. Бернадот и Наполеон. С. 251). Корф не обращает никакого внимания на договор между Швецией и западными державами в 1855 г.⁹⁵, который показывает уже отвлечение внимания Скандинавии от России*.

Статья без даты; не позднее 1922–1923 гг. Первая ее часть опубликована с изменениями и дополнениями: Ros-

* На этом рукопись обрывается.

tovtzeff M. A Russian Statesman: Russia Today and To-Morrow, by Paul N. Miliukov, Macmillan Co. // The Yale Review. New Series. 1923. Vol. 12. P. 425-428. Пер. с англ.

Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia. Черновой автограф М.И. Ростовцева на англ. яз.

Комментарии

М.И. Ростовцев как политический публицист

- 1 Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии, 1915–1920 гг. М., 1998. Т. 3. С. 365–366, 377.
- 2 Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. М., 1996. Т. 4: Май 1920 г. – июнь 1921 г. С. 222; М., 1997. Т. 5: Июнь – декабрь 1921 г. С. 378.
- 3 См. например: *Худяков М.Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933. С. 95–96; *Буржуазные историки Запада в СССР // Историк-марксист.* 1931. Т. 21. С. 52.
- 4 *Фролов Э.Д.* Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. 1990. № 3. С. 143–165; *Зуев В.Ю.* Творческий путь М.И. Ростовцева (К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства») // ВДИ. 1990. № 4. С. 148–153; 1991. № 1. С. 166–176; *Фролов Э.Д.* М.И. Ростовцев: Социально-экономическое направление в русском антиковедении (аналитический обзор) // История европейской цивилизации в русской науке: Античное наследие. М., 1991. С. 37–61; *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии: 1700–1917 гг. СПб., 1992. С. 383–394, 416–418; *Бонгард-Левин Г.М.* Академик Михаил Иванович Ростовцев (Неизвестные и малоизвестные архивные материалы из коллекций США. Краткий обзор) // ВДИ. 1993. № 3. С. 202–208; *его же.* Владимир Набоков и академик М.И. Ростовцев (Новые материалы из архивов США) // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 122–137; *его же.* Академик М.И. Ростовцев и русская эмиграция // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. М., 1994. Кн. 1. С. 130–136; *его же.* Отчет М.И. Ростовцева о зарубежной командировке // ВДИ. 1994. № 3. С. 230–238; *его же.* Автобиографические материалы М.И. Ростовцева // ВДИ. 1996. № 1. С. 170–179; *Бонгард-Левин Г.М., Вахтель М., Зуев В.Ю.* Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов (Новые материалы) // ВДИ. 1993. № 4. С. 210–221; *Бауэрсок Г.У., Бонгард-Левин Г.М.* Ростовцев и Гарвард // ВДИ. 1994. № 1. С. 204–214; *Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В.* М.И. Ростовцев и А.А. Васильев (Новые архивные мате-

риалы) // ВДИ. 1996. № 4. С. 189–209; *Аветисян К.А., Битюков К.О.* Рецензия на кн.: *Wes M.A.* Michael Rostovtseff. Historian in Exile: Russian Roots in an American Context. Stuttgart, 1990. (Historia Einzelschriften. Heft 65) // ВДИ. 1994. № 3. С. 246–249; *Аветисян К.А.* Ростовцев Михаил Иванович // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 546–548.

- 5 Скифский роман / Под общ. ред. акад. РАН Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.
- 6 *Вернадский Г.В.* М.И. Ростовцев (К' шестидесятилетию его) // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1931. Т. 4. С. 239–252; *Карпович М.М.* М.И. Ростовцев и А.А. Васильев // *Новый журнал*. 1953. № 34. С. 287–293; *Jones A.H.M.* Michail Ivanovich Rostovtzeff (1879–1952) // *The Proceedings of the British Academy*. 1953. Vol. 38. P. 347–361; *Mendell C.W.* Michael I. Rostovtzeff (1870–1952) // *Year Book of the American Philosophical Association* 1952. Philadelphia, 1953. P. 336–339; *Momigliano A.D.* In memoria di M. Rostovtzev // *Revista Storica Italiana*. 1953. Т. 65. P. 481–495; *Thiel J.H.* Herdenking von Michael Ivanovich Rostovtzeff (28 October 1870 – 20 October 1952) // *Jaarboek der Koninklijke Nederlandse Akademie von Wetenschappen*. 1952–1953. S. 1–12; *Welles G.B.* Michael Ivanovich Rostovtzeff (1870–1952) // *The Russian Review*. 1953. Vol. 12. P. 128–133; *Welles G.B.* M.I. Rostovtzeff // *Gnomon*. 1953. Bd 25. S. 142–144; *Zielinska-Kanokogi.* Ein Paar Erinnerungen an Michail Ivanowitch Rostowtzeff // *Paleologia*. 1953. Bd. 2. № 2. S. 115–116; *Momigliano A.D.* M.I. Rostovtzeff // *The Cambridge Journal*. 1954. Vol. 7. P. 334–346; *ego же.* M.I. Rostovtseff // *Studies in Historiography*. London, 1966. P. 91–104; *Wes M.A.* The Russian Background of the Young Michael Rostovtzeff // *Historia*. 1988. Bd. 37. S. 207–221; *ego же.* Michael Rostovtseff. Historian in Exile: Russian Roots in an American Context. Stuttgart, 1990. (Historia Einzelschriften. Heft 65); *Bowersock G.W.* The South Russia of Rostovtzeff: Between Leningrad and New Haven // *Historia Einzelschriften*. Stuttgart, 1993. Heft 83. S. 187–197; *Frolov E.D.* Schicksal eines Gelehrten: M.I. Rostovtseff und sein Platz in der russischen Altertumswissenschaft // *Ibid.* S. 198–222; *Beyer J.M.* Ein neuer Rostovtzeff. Verschollene Untersuchungen wieder aufgetaucht // *Antike Welt*. 1994. № 3. S. 273–276.

- 7 *Вернадский В.И.* Публицистические статьи / Отв. ред. и сост. В.П. Волков. М., 1995 (Библиотека трудов академика В.И. Вернадского).
- 8 *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под ред. О.Н. Михайлова. М., 1998.
- 9 Из новейших переизданий автору известно лишь несколько: *Ростовцев М.И.* Ответ профессору Бехтереву. Еще один ответ профессору Бехтереву. Уйти или погибнуть? / Публ. И. Хабарова // Совершенно секретно. 1992. № 7. С. 21–22; *его же.* Большевики и интеллигенция / Публ. и коммент. Л. Иезуитовой // Всемирное слово. 1993. № 4/5. С. 45–46.
- 10 Опубл.: *Gilliam J.F.* Addenda to the Bibliography of M.I. Rostovtzev // *Historia*. 1997. Bd. 36. S. 1–8.
- 11 Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia.
- 12 *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии: 1700–1917 гг. СПб., 1992. С. 416–418.
- 13 М.И. Ростовцев наряду с М. Винавером и В.Э. Нольде был инициатором создания и членом Русского университета в Оксфорде. См.: *Каплан В.* «Еврейская трибуна» о России и русском еврействе (Париж, 1920–1924) // Евреи в культуре русского зарубежья: Сб. статей, публикаций, мемуаров и эссе. Иерусалим, 1992. Вып. 2: 1919–1939. С. 170; *Капштайкин Э.* Максим Винавер // Там же. С. 519. Примеч. 16.
- 14 Подробнее см.: *Wes M.A.* Michael Rostovtzeff: Historian in Exile. Stuttgart, 1990. P. 25–28.
- 15 См.: *Бонгард-Левин Г.М.* Академик М.И. Ростовцев и русская эмиграция // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. М., 1994. Кн. 1. С. 130–136.
- 16 О деятельности комитета см.: *Борман А.А.* В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. С. 169–170; *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. С. 238–239; *Казнина О.А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 36–42.
- 17 Письма опубликованы лишь частично. См.: Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу /

- Публ. Г.М. Бонгард-Левина и И.В. Тункиной // Скифский роман. М., 1997. С. 461–500.
- 18 Ростовцев М.И. Поминки (Памяти загубленных друзей и коллег) // Современные записки. Париж, 1920. Т. 2. С. 235–236, 241.
 - 19 Подробнее см.: Каганович Б.С. Начало трагедии (Академия наук в 1920-е годы по материалам архива С.Ф. Ольденбурга) // Звезда. 1994. № 12. С. 124–144.⁷⁸
 - 20 См. письма Ростовцева к Н.П. Кондакову, А.А. Васильеву, Г.В. Вернадскому, А.В. Тырковой-Вильямс, А.М. Тальгрену в кн.: Скифский роман. М., 1997.
 - 21 Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia; Folder 140. Some materials on science in South Russia (в двух редакциях).
 - 22 Yale University Library. Manuscripts and Archives. Mikhail I. Rostovtzeff Papers: Manuscript group № 1113. Series 1. Box 14. Folder 139. Political articles about Russia.
 - 23 Письма М.И. Ростовцева А.В. Тырковой-Вильямс и Г. Вильямсу / Публ. Г.М. Бонгард-Левина и И.В. Тункиной // Скифский роман. С. 499.
 - 24 Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым / Публ. Г.М. Бонгард-Левина, В.Ю. Зуева, И.Л. Кызласовой, И.В. Тункиной // Скифский роман. С. 452.

Избранные публицистические статьи

- 1 На выборах в первую Государственную Думу (заседала 27 апреля — 8 июля 1906 г.), проходивших в феврале — марте 1906 г., наибольшего успеха достигла Конституционно-демократическая партия, членом которой состоял М.И. Ростовцев. Среди кадетов видную роль играли представители научной интеллигенции.
- 2 Речь идет об избирательном законе от 11 декабря 1905 г., опубликованном день спустя, введившем 4 категории избирателей: землевладельцы, городские избиратели, крестьяне и казаки, рабочие. Права голоса не имели женщины, военные, чины полиции и высшей губернской администрации, учащиеся, «бродячие инородцы», иностранные подданные, а также лица, осужденные судом или находившиеся под следствием. Территориальной единицей выборов была признана губерния, а также 26 крупных городов. Выборщики собирались на губернские (городские) избирательные собрания для избрания членов Государственной Думы. Новый избирательный закон был принят 3 июня 1907 года.
- 3 Имеется в виду Первая мировая война, начавшаяся 1 августа 1914 года.
- 4 До 1917 г. сам М.И. Ростовцев принимал участие в Международных археологических конгрессах — I в Афинах (1905) и III в Риме (1912), Международных исторических конгрессах — III в Берлине (1908) и IV в Лондоне (1913), XVI Международном конгрессе востоковедов в Афинах (1912).
- 5 Впервые вопрос о признании русского языка в качестве рабочего языка исторических конгрессов был поднят на III Международном историческом конгрессе в Берлине (1908). На IV Международном историческом конгрессе в Лондоне (1913) профессор Н.М. Бубнов вновь поставил вопрос о необходимости включения русского языка в число официальных языков форума. Профессор Юрьевского университета И.И. Квачала добился для себя права говорить по-русски в прениях. Организационный комитет следующего, V конгресса, который должен был состояться в Петрограде в 1918 г., был намерен решить этот вопрос окончательно (М.И. Ростовцев являлся членом оргкомитета). Но Первая мировая война и революция сделали невозможным проведение в России конгрес-

са историков. Подробнее см.: *Кравченко Е.А.* Участие русских и советских историков в первых международных конгрессах историков (МКИН) // *Россия в XX веке: Судьбы исторической науки.* М., 1996. С. 437–438.

- 6 В 1899 г. по инициативе Лондонского королевского общества был основан Международный союз (ассоциация) академий, куда вошли Парижская АН, Петербургская АН, Национальная академия наук США, Национальная академия деи Линчеи (Италия) и Лондонское королевское общество. Первая сессия этой организации состоялась в Париже в 1900 г. Перед началом Первой мировой войны в нее входило свыше 20 академий, в том числе Королевское общество Голландии, Королевская Прусская АН в Берлине, Баварская АН, академии в Геттингене, Лейпциге и академии наук Австро-Венгерской монархии. Союз проводил обмен учеными между различными странами, совместные работы в области сейсмологии, геологии, геодезии, геофизики, географии, астрономии, метеорологии, океанографии и др., содействовал обмену изданиями и архивными документами. В апреле – мае 1913 г. в Петербурге состоялась IV конференция МСА, наметившая создание международных комиссий времени, вулканологии и др. Тогда же по уставу Союза управляющая им Петербургская АН передала свои полномочия на следующее трехлетие Королевской Прусской АН в Берлине. Во время мировой войны последняя просила Голландскую АН в Амстердаме как нейтральную взять на себя управление делами Союза, однако, несмотря на согласие со стороны Британской и Петербургской АН, Французская АН ответила отказом, и Голландская АН не взяла на себя руководство Союзом. В годы Первой мировой войны ассоциация прекратила существование, перестали работать другие международные научные союзы. См.: *Лебедкина Е.Д.* Наука и международное сотрудничество. Деятельность ученых в международных организациях: Формы, тенденции, перспективы. М., 1983. С. 24–25; *Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг.* Л., 1986. С. 90–92; *Копелевич Ю.Х., Ожигова Е.П.* Научные академии стран Западной Европы и Северной Америки. Л., 1989. С. 45.
- 7 Одной из целей России в ходе Первой мировой войны провозглашалось завоевание у Османской империи проливов из Черного в Средиземное море и возвращение христианскому миру столицы Византии Константинополя, переименованного турками в Стамбул.

- 8 В период Первой мировой войны большая часть территории Бельгии была оккупирована германскими войсками, вся территория Сербии в 1915–1918 гг. оказалась занята австро-венгерскими войсками, территория Царства Польского – войсками Германии и Австро-Венгрии.
- 9 Речь идет о старейших книгохранилищах Петербурга: Императорской Публичной библиотеке (ныне Российская национальная библиотека, основана в 1795 г.), Библиотеке Российской Академии наук (основана в 1714 г.) и библиотеке Петербургского/Петроградского университета (основана в 1783 году).
- 10 В 1901 г. для участия России в «International Catalogue of Scientific Literature» при Петербургской АН было организовано Бюро международной библиографии под председательством академика А.С. Фаминцына. До 1922 г. вышло 14 томов каталога, но дальнейшая работа над ним была прекращена из-за отсутствия средств у Центрального бюро в Лондоне. См.: Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сб. документов. Л., 1968. С. 370.
- 11 В 1916 г. при Петербургской АН образована Комиссия для установления более тесных научных сношений между Россией и союзными странами, воевавшими на стороне Антанты в Первой мировой войне, под председательством академика А.П. Карпинского. В марте 1916 г. посол Великобритании в Петрограде обратился к министру народного просвещения П.Н. Игнатьеву с обоснованием необходимости установления более тесных научных контактов между русскими и английскими учеными. Министерство поставило об этом в известность АН, на Общем собрании которой в мае 1916 г. была образована специальная комиссия из членов всех отделений (по одному представителю от каждого) под председательством неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1916. Д. 163. Ос. § 108. Л. 56об.). В октябре в Комиссию «для установления более деятельных научных сношений между Россией и Англией» были избраны академики: химик П.И. Вальден (ОФМН), византинист и историк искусства Н.П. Кондаков (ОРЯС), историк-медиевист П.Г. Виноградов (ОИФ) (Там же. Ос. § 121. Л. 96). Вскоре члены комиссии пришли к необходимости расширения сферы ее деятельности. 15/28 октября 1916 г. Конференция АН постановила создать под председательством А.П. Карпинского, при участии неперменного секретаря

и членов отделений (по два от каждого) новую комиссию, которой поручалась разработка мер для установления более тесного научного сотрудничества с учеными не только Великобритании, но и других стран-союзниц (Там же. ОС. § 242. Л. 103об.). В ноябре в состав комиссии вошли академики П.И. Вальден, В.А. Стеклов (ОФМН), Н.П. Кондаков, Н.А. Котляревский, затем вместо последнего — А.И. Соболевский (ОРЯС), А.С. Лаппо-Данилевский, П.Г. Виноградов, А.А. Шахматов (ОИФ) (Там же. ОС. §§ 277, 317. Л. 111об., 119). Стремясь к оперативному информационному обмену, комиссия планировала издать актуальные для зарубежного научного мира аналитические и библиографические обзоры достижений русской научной мысли. Предполагалось образовать бюро из специалистов для составления и редактирования двух периодических изданий на французском языке — по физико-математическим и гуманитарным наукам, где помещались бы критические обзоры научных трудов и научная хроника (Там же. Л. 100об.). Историк А.С. Лаппо-Данилевский высказался за двуязычный характер подобных публикаций и был поддержан коллегами (Там же. Л. 103об.). В ноябре 1916 г. на одном из первых заседаний комиссии «по вопросу об установлении более тесных научных сношений с союзными странами» после продолжительного обмена мнениями было решено издать систематическую библиографию с полным обзором научных трудов и отдельно выпускать ежегодники с анализом опубликованных трудов по различным дисциплинам. Одной из задач комиссии стала подготовка и издание на русском и французском языках коллективной монографии «Русская наука» («La Science Russe»), где в сжатых очерках приводилась характеристика становления, развития и современного положения основных разделов русской науки. Идею подготовки ретроспективной энциклопедии по истории научного знания в России поддержали П.Г. Виноградов и Н.П. Кондаков, считавшие подобное издание необходимым введением к академической «bibliographie raisonnée». Этот проект совпал с предложениями редакции «Русского исторического журнала» (В.Н. Бенешевич, М.А. Дьяконов, М.Д. Приселков, С.В. Рождественский), был принят комиссией и в декабре 1916 г. получил одобрение Общего собрания (Там же. ОС. § 299. Приложение III. Л. 126об. — 127). С января 1917 г. началась работа по составлению схемы издания, подбору авторов, объ-

единившихся затем в особую подкомиссию (позднее комиссия) по изданию сборника «Русская наука» под председательством А.С. Лаппо-Данилевского. С одобрения Общего собрания комиссия связалась с директором Французского института в Петрограде Ю.К. Патуйе, который создал специальную группу для перевода на французский язык статей сборника (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Д. 164. § 270. Л. 258). Объем книги был определен в 100 печатных листов, разделенных на два тома; печататься она должна была в формате «Известий АН» тиражом по 1000 экз. на каждом из языков. Примерный план книги был издан в 75 экз. и разослан ведущим специалистам в различных областях знаний. Сборник включал три отдела (богословские и философские, физико-математические, гуманитарные науки), каждый из которых состоял из очерков по конкретным специальностям. Статьи предполагалось снабдить систематическо-хронологическим списком важнейших трудов, т. е. важнейшей библиографией в данной области знания. Объемы очерков устанавливались в пределах от 1 до 5 печатных листов. Дата представления статей была назначена на 1 января, затем отодвинута к 1 мая 1918 г. Действительные члены АН предоставляли работы бесплатно, членам-корреспондентам и сторонним специалистам был установлен гонорар в сумме сначала 150 руб., затем 500 руб. за печатный лист. Авторами сборника стали ведущие ученые России: А.С. Лаппо-Данилевский (методология истории, русская история), Б.А. Тураев (Древний Восток), Ф.Ф. Зелинский (язык и литература Древней Греции), В.П. Бузескул (история Древней Греции), А.И. Малеин (язык и литература Древнего Рима), И.М. Гревс (история Древнего Рима), М.И. Ростовцев (классическая археология), С.А. Жебелев (археология и общая история искусства), П.Г. Виноградов (история средних веков), Н.И. Кареев (история нового времени), Н.М. Петровский (славяноведение: язык и литература), Н.В. Ястребов (история южных и западных славян), А.А. Шахматов (русский язык и литература в связи с их историей), Н.П. Кондаков (история русского искусства), С.Ф. Ольденбург (востоковедение: введение, Иран, буддийский мир, Дальний Восток, Индия, немусульманская Средняя Азия), Н.Я. Марр (христианский Восток), В.В. Бартольд (мусульманский мир, турецкие народы), Л.Я. Штернберг (сибирские народы) (ПФА РАН. Ф. 2.

Оп. 1-1917. Д. 27. Л. 1–2, 9–10об.). Сборник «Русская наука», к сожалению, так и не увидел свет. Некоторые статьи, написанные специально для него, были напечатаны авторами в других изданиях, расширены и выпущены в качестве монографий в трудах Комиссии по истории знаний под руководством академика В.И. Вернадского (1921–1932), ставшей преемницей Комиссии «Русская наука», или отдельно в 1921–1954 гг.; ряд статей был набран, но не издан, некоторые сохранились в ПФА РАН в рукописном виде. Подробнее о судьбе сборника см.: *Тункина И.В.* О проекте многотомного издания по истории русской науки (1916–1930 г. // Петербургская Академия наук в истории академий мира: К 275-летию Академии наук. Материалы Международной конференции 28 июня – 4 июля 1999 г. СПб., 1999. Т. 1. С. 182–194.

- 12 Эти цели ставили перед собой академические комиссии – Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС), основанная 4 февраля 1917 г. под председательством С.Ф. Ольденбурга для сбора статистических сведений, составления описаний, подготовки этнографических карт и пр., и Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), образованная в 1915 г. под председательством В.И. Вернадского для организации комплексного изучения природных ресурсов страны и объединения ученых с целью создания исследовательских институтов. По заданию военного ведомства КЕПС вела разведку полезных ископаемых, лабораторные исследования ценных минералов, издавала очерки о природных богатствах России.
- 13 Археологические институты – высшие учебные заведения для подготовки специалистов в области «археологии и архивоведения» из лиц, уже имевших высшее образование. Понятие «археология» в конце XIX – начале XX в. трактовалось расширенно как наука о древностях вообще. Собственно археологические дисциплины в структуре преподавания занимали второстепенное место. В 1878 г. Н.В. Калачовым был открыт Петербургский археологический институт, готовивший, главным образом, архивистов-палеографов; лишь в 1905 г. программа института в области археологии была расширена. В 1917 г. в институте читали лекции по славянскому и русскому источниковедению, архивоведению и археографии, юридическим древностям, палеографии, искусствоведению,

этнографии, исторической географии, гербоведению, классическим древностям, нумизматике и пр. В начале 1918 г. встал вопрос о реорганизации института с целью превращения его в вуз для подготовки квалифицированных кадров по различным историческим дисциплинам, в том числе и в области археологии. В комиссию по его реорганизации вошел и М.И. Ростовцев. В 1917 г. в Петроградском археологическом институте открылось отделение археологии и истории искусств, имевшее несколько археологических кафедр. В 1922 г. институт был слит с Петроградским университетом, на его базе было создано Археологическое отделение факультета общественных наук (ФОН). В 1907 г. в Москве был основан археологический институт такого же типа с двумя отделениями — археологическим и архивным. Оба института имели свои периодические органы и издавали отдельные монографии. С 1917 г. существовал Казанский северо-восточный археологический и этнографический институт, а с 1918 г. — Киевский археологический институт в составе трех отделений: археологического (музейного), архивного и библиотечного. В советское время все названные археологические институты были ликвидированы.

- 14 Вопросы реорганизации археологической службы после Февральской революции 1917 г. активно обсуждались членами Российской государственной археологической комиссии и Русского археологического общества при активном участии М.И. Ростовцева, бывшего внештатным членом РГАК. В РАО 7 декабря 1916 г. Ростовцев был избран управляющим классическим отделением, а 7 января 1918 г. — помощником председателя РАО (обе должности он совмещал вплоть до своего отъезда из России в июне 1918 г.), и в отсутствие Н.П. Кондакова, избранного председателем РАО (7 января 1918 — 19 июля 1922), вел основную организационную работу по обществу. Многие его предложения были учтены при подготовке устава Российской государственной академии истории материальной культуры, созданной на базе РГАК в 1919 г. подробнее см.: *Платонова Н.И.* Российская Академия истории материальной культуры: Этапы становления (1918—1919 гг.) // Советская археология. 1989. № 4. С. 5—16.
- 15 В декабре 1916 г. на общем собрании КЕПС председатель академик В.И. Вернадский выступил с программным докладом «О государственной сети исследователь-

- ских институтов в России», по которому было принято решение о создании ряда институтов: Нефтяного, Физико-химического анализа, Платинового и др. После окончания гражданской войны в структуре РАН и других ведомств благодаря ученым, оставшимся в России, была создана разветвленная сеть научно-исследовательских институтов по всем отраслям знания.
- 16 «На Будапештской улице коляска остановилась, и Либкнехт произнес речь, закончившуюся лозунгом: “Да здравствует Интернационал! Да здравствует революция! Долой Шейдемана!”» (англ.).
 - 17 «Daily Chronicle» — ежедневная газета, выходившая в Лондоне в 1872–1930 гг., в которой печатались антибольшевистские статьи Г. Вильямса. Редактор газеты Роберт Дональд был связан дружескими узами с премьер-министром Великобритании Ллойд Джорджем. См.: *Борман А.А.* А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. С. 158.
 - 18 Декрет о национализации крупных акционерных банков принят в Советской России 14 (27) декабря 1917 г., 23 января (5 февраля) 1918 г. конфискованы капиталы бывших частных банков.
 - 19 1 марта 1918 г. принят декрет о вселении рабочих и их семейств в квартиры имущих представителей буржуазии и тех лиц, кто занимается личным трудом, но имеет излишки жилплощади. На каждого взрослого полагалось не более 1 комнаты, двое детей до 10 лет приравнивались к взрослому, на 6 человек допускалась одна общая столовая.
 - 20 В июле 1918 г. в разгар эпидемии холеры в Петрограде буржуазия и интеллигенция были мобилизованы на уборку улиц, рытье могил, захоронение трупов.
 - 21 Имеется в виду введение в Советской России в годы гражданской войны продовольственной диктатуры, в том числе продразверстки, применявшейся на местах с весны 1918 г. и узаконенной декретом СНК от 11 января 1919 г. для борьбы со спекуляцией продовольствием. Декреты 1918–1919 гг. предусматривали централизацию заготовок и распределения продовольствия, выполнение государственной хлебной монополии, борьбу с мошенничеством, подавление сопротивления крестьянства. Советская власть объявила врагами народа всех, кто скрывал излишки хлеба: виновные приговаривались к тюремному заключению, их имущество конфисковывалось.

- 22 В годы Первой мировой войны Ленин выдвинул лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую.
- 23 В сентябре 1918 г. теснимые войсками Антанты болгарские части восстали и провозгласили республику, но Владайское восстание солдат было подавлено с помощью немецких войск. Из-за революционных событий 3 октября 1918 г. болгарский царь Фердинад вынужден был отречься от престола, передать власть своему сыну Борису (Борис III) и бежать. После заключения перемирия англо-французские войска оккупировали Болгарию.
- 24 В условиях поражения в Первой мировой войне и распада многонациональной Австро-Венгерской империи 30 октября 1918 г. с массовой демонстрации рабочих и солдат в Вене началась революция, приведшая к свержению монархии.
- 25 Ростовцев оказался провидцем: Ноябрьская революция 1918 г. в Германии началась 3 ноября 1918 г. восстанием моряков в Киле, поддержанных рабочими, и быстро распространилась по всей стране.
- 26 «Если Лига наций есть утопия, тогда наша сила духа исчерпана, и цивилизация покатится вниз в неразбериху варварской анархии». Доктор Гарольд Вильямс, «Дейли Кроникл» (англ.).
- 27 Военные действия Первой мировой войны были завершены подписанным 11 ноября 1918 г. Компьенским перемирием побежденной Германии со странами Антанты.
- 28 Имеется в виду германский император и король Пруссии Вильгельм II.
- 29 Группа Спартака – пропагандистская организация германских левых социал-демократов, оформившаяся в 1916 г. в результате объединения части революционной социал-демократии вокруг основанного в 1915 г. журнала «Интернационал». 11 ноября 1918 г. преобразована в «Союз Спартака» с собственным ЦК (К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, Л. Иогихес, В. Пик и др.), который до конца 1918 г. входил в Независимую социал-демократическую партию Германии. В период Ноябрьской революции 1918 г. выдвинул лозунг «Вся власть Советам!». В конце декабря 1918 г. на общегерманской конференции спартаковцев и радикалов была сформирована Коммунистическая партия Германии.
- 30 Лига наций – международная организация, созданная для «развития сотрудничества между народами и гаран-

тии их мира и безопасности». Действовала в 1919–1939 гт., официально распущена в 1946 г. Устав Лиги был выработан специальной комиссией, созданной на Парижской мирной конференции 1919–1920 гт., он был включен в Версальский мирный договор и другие мирные договоры, завершившие мировую войну. Устав первоначально подписан 44 государствами, главным образом, воевавшими на стороне Антанты, и теми, которые придерживались нейтралитета. США не ратифицировали устав Лиги наций и не вошли в число ее членов. В 1929 г. в Лигу была допущена Германия, а в 1935 г. она вместе с Японией вышла из этой международной организации. СССР стал членом Лиги в 1934 г., но был исключен в декабре 1939 г. из-за советско-финской войны 1939–1940 годов.

- 31 Ликия – в древности горная местность в юго-восточной части Малой Азии; в 43 г. н. э. при императоре Клавдии область союза ликийских городов стала частью римской провинции Ликия и Памфилия.
- 32 В 371 г. до н. э. в Аргосе, городе в Аργοлиде (Древняя Греция), в ходе демократического переворота около 1000 аристократов были перебиты дубинами (дубина – по-гречески «скитала», поэтому избиение получило название аргосского «скитализма»), после чего народ справился и с демагогами, толкнувшими его на эту бойню.
- 33 Эпиграфом статьи служит цитата из газетной вырезки («Westminster Gazette» от 21 ноября 1918 г.): «Говоря о революции в Германии, Ленин, как сообщают, сказал следующее: «Это Февраль, а не Октябрь; Керенский, а не Ленин» (англ.).
- 34 См. коммент. 27 к статье «Интервенция или “laissez-aller”».
- 35 См. коммент. 30 к статье «Интервенция или “laissez-aller”».
- 36 Речь идет о революционных событиях в Австрии (12 ноября 1918 г. Австрия провозглашена демократической республикой) и о Ноябрьской революции 1918 г. в Германии.
- 37 См. коммент. 29 к статье «Интервенция или “laissez-aller”».
- 38 Геджас (правильнее Хиджас) – область на юго-западе Саудовской Аравии вдоль побережья Красного моря с административным центром в Мекке. Во время Первой мировой войны шериф Мекки Хусейн ибн-Али при поддержке Великобритании и Франции поднял в 1916 г. восстание против Османской империи и объявил себя королем Хиджаза. После завершения войны началась

борьба между Хиджазом и эмиратом Неджд за влияние на Аравийском полуострове, которая закончилась в 1925 г. подчинением Хиджаза правителю Неджда Ибн-Сауду (с 1927 г. — король Хиджаза и Неджда).

39 В январе — феврале 1919 г. части Красной Армии и украинские партизаны заняли Харьков, Полтаву, Екатеринослав, Киев, в марте — Херсон и Николаев, в апреле — Одессу. В апреле 1919 г., после боев Красной Армии с белогвардейцами и англо-французскими войсками, на территории Таврического полуострова была образована Крымская советская социалистическая республика и провозглашена советская власть, продержавшаяся до конца июня 1919 г. Весной 1919 г. началось наступление белогвардейских войск Деникина, Петлюры и белополяков, которым летом удалось захватить всю территорию Украины. Власть белогвардейцев в Одессе продержалась до 6 февраля 1920 г., в Крыму — до ноября 1920 года.

40 22 января 1919 г. в ходе общей дискуссии о России в Совете десяти (главы правительств и министры иностранных дел Франции, Великобритании, США, Италии, два специальных представителя Японии) на Парижской мирной конференции, созванной для выработки и подписания мирного договора, президент США В. Вильсон внес на обсуждение вопрос о созыве конференции представителей всех борющихся в России группировок на основе сохранения занимаемых к этому времени территорий, при условии заключения между ними перемирия. В январе 1919 г. Д. Ллойд Джордж предложил пригласить в Париж для предварительных переговоров с союзными державами тех же представителей на тех же условиях, что вызвало решительный протест русской эмиграции. Члены Совета десяти выдвинули идею проведения конференции на Принцевых островах (о. Принкипо) начиная с 15 февраля 1919 г. с целью выработать соглашения или добиться примирения между противниками. 23 января 1919 г. А.В. Тыркова-Вильямс с раздражением записала в дневнике: «Вчера вечером из “Дейли Кроникл” прислали решение премьеров заставить русских, белых и красных, собраться на Принкипо... Милюков... сказал: «Я все-таки не думал, что они такие идиоты». То же самое говорят чиновники министерства иностранных дел. Они понимают, что это оскорбительно для России... Тут есть несомненное желание отделаться от этой скучной, всем опостылевшей России, но отделаться прилично, прикрывшись лице-

мерной маской дружбы и положением союзников. Очевидно мы можем рассчитывать только на самих себя... Здешние русские плохи. Я боюсь нашего парижского комитета, его слабости, неустойчивости, нерешительности. От союзников хочу только пушек, танков и денег. Моральной их опоры нам не нужно потому, что морально мы выше их, и это давно пора понять Более циничного документа (чем приглашение на Принкипо) давно не видела международная дипломатия» (*Борман А.А.* А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. С. 168–169).

4 февраля правительство РСФСР, а 6 февраля Временное рабоче-крестьянское правительство Украины согласились принять участие в конференции, однако правительства А.Н. Деникина и А.В. Колчака, а также Русское политическое совещание в Париже в своем заявлении от 12 февраля 1919 г. отказались вести переговоры с большевиками, осудив «вероломное» предложение союзников, и конференция не состоялась.

- 41 О Лиге наций см. коммент. 30 к статье «Интервенция или “laissez-allen”».
- 42 О Международном союзе (ассоциации) академий см. коммент. 6 к статье «Наука и революция».
- 43 Речь идет о работе по сбору сведений, учету и изучению кадров научных специалистов России, начатой в 1916 г. Петербургской АН и редколлегией журнала «Природа» с целью «издания справочника по ученым учреждениям и высшим учреждениям, так как отсутствие такого справочника болезненно ощущалось, и единственным источником справок являлась немецкая «Минерва», издание весьма значительное по своей полноте, но все же недостаточное для отдельных стран». В 1917 г. академическая комиссия «Наука в России» во главе с С.Ф. Ольденбургом приступила к рассылке анкет по учреждениям. Работа по гуманитарным наукам велась под руководством В.Н. Бенешевича и И.И. Яковкина, по точным наукам — редакцией журнала «Природа». В 1918 г. работа была полностью сосредоточена в РАН, куда были переданы материалы, собранные журналом «Природа». В академическую комиссию «Наука в России» вошли академики А.А. Шахматов, С.Ф. Ольденбург (секретарь), Н.И. Андрусов, профессора В.Н. Бенешевич, А.Е. Ферсман, Е.Ф. Лискун, Ф.Д. Батюшков, Д.П. Никольский, С.И. Сазонов, Д.Д. Арцыбашев, Б.А. Линденер, Л.Д. Исаков,

И.И. Яковкин. Комиссия вела информационно-консультативную работу через свое Справочное бюро, занималась разработкой и совершенствованием методов учета научных сил. Осенью 1918 г. из-за отсутствия ассигнований работы были временно прекращены, а все материалы комиссии перенесены на квартиру С.Ф. Ольденбурга. В 1919 г. работа комиссии возобновлена, но под эгидой Книжной палаты (Института книговедения), в 1921 г. комиссия возвращена в систему РАН. Название комиссии неоднократно менялось: созданная как комиссия «Наука в России» (1916–1923), с 1924 г. она стала называться Комиссией по изданию справочника «Наука и ее работники в пределах СССР», с 1930 г. – «Наука и научные работники СССР», с 1932 г. – Комитет учета научных работников и изучения научных сил СССР (КУИНС). КУИНС ликвидирован постановлением Президиума АН СССР 1 июня 1934 г. Богатейшее собрание справочных данных, собранных комиссией, хранится в ПФА РАН (Ф. 155, 1916–1934 годы).

- 44 Речь идет о справочнике научных учреждений «Минерва: Ежегодник научного мира», печатавшемся в Германии начиная с 1892 г.: *Minerva: Jahrbuch der gelehrten Welt. Begründet von Dr. R. Kukula und Dr. K. Trübner. Hrsg. von Dr. Gerhard Lüttke und Dr. Erich Neuner. Berlin und Leipzig.*
- 45 О работах по сборнику «Русская наука» см. коммент. 11 к статье «Наука и революция».
- 46 О характере работ для «Русской науки» можно судить по очерку М.И. Ростовцева «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря», содержащему характеристику развития классической и скифской археологии. Рукопись поступила в комиссию в мае 1918 г., но тогда осталась неизданной (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 49. Ос. § 111). Статья Ростовцева носила программный характер для развития отечественной античной и скифо-сарматской археологии XX столетия, так как в ней был впервые сформулирован комплекс стратегических исследовательских задач и определена методика полевых и кабинетных исследований. Она опубликована мной лишь недавно. Историю ее создания см.: *Тункина И.В. Неизданная работа М.И. Ростовцева «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря» // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. Избранные работы академика*

М.И. Ростовцева. С. 22–24; *Ростовцев М.И.* Классические и скифские древности северного побережья Черного моря / Подгот. текста, публикация и коммент. И.В. Тункиной // Там же. С. 25–38.

47 См. коммент. 11 к статье «Наука и революция».

48 Проект ассоциации научных учреждений России, составленный академиком А.А. Шахматовым, рассматривался в мае 1917 г. в Комиссии ученых учреждений МНП. Вероятно, по предложению В.И. Вернадского, бывшего в то время председателем Комиссии по научным учреждениям и научным предприятиям, членом Комиссии по реформе высших учебных заведений и товарищем министра народного просвещения, ассоциация была переименована в Союз научных учреждений России, который должен был объединять исследовательские коллективы и отдельных ученых в союзы по группам наук (гуманитарным, научно-прикладным, физико-математическим, естественным и пр. дисциплинам), образующим «союз союзов» на принципах автономии каждого исследователя или научного коллектива, самостоятельно определявшим направления научной политики. Подробнее см.: *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки. 1917–1922. М., 1973. С. 99 и след.

49 После Октября 1917 г. прекратили существование многие печатные издания, ранее представлявшие науку о древнем мире. На заседании Отделения исторических наук и филологии РАН 13 марта 1918 г. М.И. Ростовцев, вместе с В.В. Латышевым и А.В. Никитским, выступил с заявлением о необходимости «возобновления» с 1918 г. серии «*Mélanges grecs-romains*» (первоначальное русское заглавие «Сборник статей по греко-римской филологии и истории», затем «Греко-римский сборник») «на тех же основаниях, на которых предложено выпускать в свет новую серию «*Mélanges asiatiques*»» (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 378. ОИФ. § 89; Л. 383об. ОИФ. § 110). Хотя их предложение было встречено одобрительно, ни один из томов серии так и не вышел в свет из-за отсутствия у Академии средств и «типографской разрухи», царившей в Петрограде во время гражданской войны.

50 Французский институт (*Institut Français*) был создан в Петербурге в 1911 г. (устав утвержден в 1913 г.) с целью «содействия духовному и научному общению между Францией и Россией». Бюджет института составлялся из средств Французского общества. Институт занимался

организацией курсов лекций по французской истории, а также истории французской литературы, географии, экономическому положению Франции, французской философии и французскому языку. При нем были библиотека (около 500 томов) и справочное бюро, располагавшее информацией о французских и русских высших учебных заведениях. Институт сотрудничал с научными и культурными обществами и учреждениями России, в частности с Российской АН (работники института, например, переводили на французский язык статьи для сборника «Русская наука» который так и не вышел в свет). Существовал вплоть до 1919 г.

- ⁵¹ Непременный секретарь РАН С.Ф. Ольденбург, который с 24 июля по 25 сентября 1917 г. являлся министром народного просвещения Временного правительства, поднял вопрос об образовании русских научных институтов в разных странах, в первую очередь во Франции. На Общем собрании РАН 7 октября 1917 г. академик М.А. Дьяконов доложил о письме, полученном на имя президента РАН, в котором сообщалось о намерении создать в Париже Русский институт и о «желательности большего сближения русских научных кругов с французскими». Министр народного просвещения просил Конференцию РАН избрать одного представителя на собрание для обсуждения докладов об учреждаемом в Париже Русском институте и о посылке делегации русских ученых в Париж «для разработки на месте» вопроса о нем. Общее собрание просило академиков А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Ольденбурга и М.И. Ростовцева стать представителями РАН на этом совещании как «уже принимавших участие в подготовительной по этому делу работе, с тем, однако, чтобы при голосовании право голоса имел старейший по избранию из этих академиков, о чем уведомить этих академиков и министерство народного просвещения». В письме к С.С. Салазкину от 2 октября 1917 г. неперменный секретарь С.Ф. Ольденбург сообщил, что для отправки русской научной делегации в Париж для переговоров о создании Русского института потребуется командировка сроком на три месяца, а также не менее 15 тыс. франков для покрытия ее расходов (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Д. 1. Л. 160-161об.; Ф. 1. Оп. 1а-1917. Д. 164. С. 257. Ос. § 267). 20 октября 1917 г. академик В.И. Вернадский записал в дневнике: «Был Patoillet и привез телеграмму французского правительства

(Барту) об образовании русского института в Париже, чрезвычайно сочувственную. Идет творчество в такой момент разрухи. Решено организовать собрание представителей русских ученых» (цит. по: *Вернадский В.И. Дневники: 1917—1921. Октябрь 1917—январь 1920.* Киев, 1994. С. 26). Из Парижа получено извещение, что для будущего института жертвуется дом близ Парижа, были начаты переговоры о создании подобных институтов в других странах. Но эти планы перечеркнули октябрьские события 1917 г. (См.: *Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925).* Л., 1968. С. 369—370).

- 52 Политическое размежевание между силами стран Антанты и государствами германского блока, сохранившееся в межгосударственных отношениях после окончания войны, находило прямое отражение в деятельности международных научных организаций. В 1918 г. ученые стран Антанты совместно с научной общественностью Бельгии, Голландии и др. стран провели в Париже и Брюсселе ряд закрытых заседаний и приняли меры к возобновлению деятельности старых и к созданию новых международных организаций. В октябре 1918 г. в Лондоне представители Королевского общества Великобритании, Парижской АН и Национальной АН США начали предварительные переговоры о возобновлении Международной ассоциации (союза) академий (МСА). В ноябре того же года в Париже созвана очередная конференция МСА, на которой ученые Англии, Дании, Голландии, Норвегии, США, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции, Чехословакии приняли решение о создании на основе МСА новой организации. Был избран исполком для выработки проекта устава будущей организации и созыва учредительной ассамблеи. Последняя состоялась в июле 1919 г. в Брюсселе. Она приняла решение об образовании Международного исследовательского совета (МИС) и запретила прием в состав новой организации ученых Германии и союзных с нею стран. Ни на одном из предварительных заседаний Россия не была представлена. М.И. Ростовцев принял участие в работе второй конференции МИС, проходившей в Париже 16—18 октября 1919 г., взяв на себя представительство со стороны РАН, но не имея на то полномочий. Подробнее см.: *Лебедкина Е.Д. Наука и международное сотрудничество. Деятельность ученых в международных организациях: формы, тенденции, перспективы.* М., 1983. С. 46—48; *Бонгард-Левин Г.М. Отчет*

- М.И. Ростовцева о зарубежной научной командировке в 1918–1919 гг. // ВДИ. 1994. № 3. С. 232.
- 53 За образец для сборника «Русская наука» был взят вышедший в 1915 г. при участии Института Франции сборник «La Science Française».
- 54 Волапук и эсперанто – искусственные языки, используемые как вспомогательное средство международного общения. Волапук создан в 1879 г. И.М. Шлейером; в 1880-е гг. возникли общества по его изучению и пропаганде, но к началу 1890-х гг. его популярность резко упала. Наиболее распространенный из искусственных языков, эсперанто, создан в 1887 г. варшавским врачом Л. Заменгофом, псевдоним которого – «Esperanto» – стал названием языка.
- 55 11 июня 1920 г. И.П. Павлов обратился с письмом в Совет народных комиссаров РСФСР с просьбой «разрешить... начать переписку (хотя бы и контролируемую) с моими заграничными научными друзьями и товарищами о приискании мне места вне родины... Оставаясь сейчас в России, я не могу вести этой работы не только в желательном размере и с полной плодотворностью, но, я боюсь, и совсем...». Причины такого решения Павлов объяснял так: «Я никогда политикой не занимался активно, никогда ни к какой политической партии не принадлежал, не желая поступаться свободой моей мысли... Но это не значило, что я закрывал глаза на окружающую меня действительность... И вот теперь... глубоко убежден, что проделываемый над Россией социальный опыт обречен на неприменную неудачу и ничего в результате, кроме политической и культурной гибели моей родины, не даст. Меня безотступно гнетет эта мысль и мешает сосредоточиться на моей научной работе... Я не захочу и не смогу поневоле переделаться в социалиста или коммуниста... Я хочу иметь в моем полном распоряжении плоды моей умственной работы [...] Хотя сейчас я совмещаю три должности..., однако за недостатком средств принужден исполнить в соответствующий сезон работу огородника... и постоянно действовать дома в роли прислуги... Несмотря на это, мне и жене приходится питаться плохо и в количественном, и в качественном отношении (годами не видеть белого хлеба, неделями и месяцами не иметь ни молока, никакого мяса, прокармливаясь главным образом черным, большею частью недоброкачественным, хлебом, пшеном, тоже плоховатым и

т. п.), что естественно ведет к нашему постоянному похуданию и обессилению. И это после полувековой напряженнейшей научной работы, увенчавшейся ценными результатами, признанными всем научным миром» (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 140. Л. 103–103об.). По мнению власти предрержащих, было «крайне нежелательным выпускать из России это ученое лицо, имеющее такое большое культурное значение» (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 119. Л. 101). По личному указанию В.И. Ленина решением Совнаркома от 26 января 1921 г. образована специальная комиссия Петросовета во главе с М. Горьким, чтобы «создать наиболее благоприятные условия для обеспечения научной работы академика И.П. Павлова». Госиздату было поручено «в лучшей типографии республики отпечатать роскошным изданием заготовленный академиком Павловым труд, сводящий результаты его научных работ за последние 20 лет, причем оставить за академиком Павловым право собственности на это сочинение как в России, так и за рубежом», комиссии по рабочему снабжению — «предоставить академику Павлову и его жене специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам», а Петросовету — «обеспечить профессора Павлова и его жену пожизненным пользованием занимаемой ими квартиры и обставить ее и лаборатории академика Павлова максимальными удобствами» (Там же. Л. 371–371об.). Вплоть до конца жизни, в отличие от большинства своих коллег по РАН, И.П. Павлов был обеспечен исключительно благоприятными условиями для жизни и научной работы. «Рядовые» академики и сотрудники научных учреждений Петрограда таким вниманием властей похвастаться не могли. В протоколах заседаний пайковой комиссии Ленинградского губернского отдела работников просвещения за 1921 г. сохранилась запись о необходимости выделения усиленного питания «в виду болезненного состояния» социологу, профессору П.А. Сорокину, впоследствии близкому приятелю М.И. Ростовцева в США. Комиссия ограничилась решением выдать Сорокину какао (sic!). В «твердый список ученых на предмет получения усиленного питания» были включены пять академиков: А.В. Никитский, Н.К. Никольский, С.Ф. Ольденбург, И.П. Павлов, С.Ф. Платонов (ЦГА СПб. Ф. 6307. Оп. 4-1921. Д. 81. Л. 1, 45–46).

⁵⁶ См.: *Сириус. Царство зверя // Новая русская жизнь*. 1920. 12 декабря. *Прим. М.И. Ростовцева*.

Газета «Новая русская жизнь: Ежедневный орган русской освободительной национально-государственной мысли» издавалась в 1919—1922 гг. в Гельсингфорсе.

- 57 Процесс милитаризации труда, т. е. принудительного закрепления значительной части рабочих и служащих на своих предприятиях, начался в 1918 г., охватив рабочих и служащих военной промышленности, в ноябре 1918 г. — железнодорожного транспорта. Позднее он распространился и на другие отрасли хозяйства. Рабочие и служащие объявлялись на военном положении или мобилизованными с прикреплением к месту работы. Самовольное оставление работы мобилизованными приравнивалось к дезертирству и каралось по законам военного времени. В начале 1920 г. созданы трудовые армии, военные формирования Красной Армии, использовавшиеся вплоть до 1922 г. для восстановления разрушенного хозяйства.
- 58 Принцип «трудиться должны все трудоспособные» провозглашен в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (январь 1918 г.) и включен в советскую конституцию 1918 г. СНК 5 октября 1918 г. принял постановление о привлечении неработающих к обязательному труду. Кодекс законов о труде (декабрь 1918 г.) декларировал введение трудовой повинности для всех трудоспособных граждан от 16 до 50 лет. Лица, не занятые общественно-полезным трудом, могли принудительно привлекаться органами власти к выполнению общественных работ. Постановлением СНК от 29 января 1920 г. утвержден порядок проведения всеобщей трудовой повинности: декретировалось привлечение населения, независимо от постоянной работы, к единовременным или периодически выполняемым различным трудовым повинностям — топливной, сельскохозяйственной, дорожной, гужевой и пр.; создан Главный комитет по всеобщей трудовой повинности при Совете обороны. С переходом к нэпу были сохранены отдельные виды трудовой повинности.
- 59 Трудовые книжки в 1918—1923 гг. являлись документом, удостоверявшим личность советского гражданина. Старая паспортная система большевистскими властями была отменена. Трудовые книжки первоначально введены для богатых с целью осуществления учета и контроля за мерой труда и потребления, затем — для всего населения. СНК 5 октября 1918 г. принял декрет «О трудовых книжках для нетрудящихся», согласно которому трудовые

книжки были введены в первую очередь для лиц, живущих на нетрудовые доходы: не реже 1 раза в месяц в них делались отметки о выполнении общественных работ или повинностей. Лишь при соблюдении этих условий нетрудовые элементы имели право на получение продовольственных карточек, на возможность передвижения по стране. Декретом ВЦИК от 25 июня 1919 г. введены трудовые книжки для всех граждан, достигших 16 лет, в Москве и Петрограде. Лишь в 1923 г. введены единые для всей территории РСФСР удостоверения личности.

60 Гибельность насильственно-уравнительной политики «военного коммунизма», заведшей в тупик экономику и приведшей к крестьянским восстаниям, голоду 1921–1922 гг. и Кронштадскому мятежу 1921 г., сознавали и большевистские вожди. По инициативе В.И. Ленина и по решению X съезда РКП(б) с марта 1921 г. проводилась «новая экономическая политика» (нэп) как временное тактическое отступление после провала лобовой атаки на капитализм. Нэп начался с замены продовольственной разверстки продовольственным налогом, что способствовало возрождению рынка продовольствия, промышленность перешла на хозяйственный расчет, были отменены продуктово-вещевые пайки и введена денежная зарплата, поощрялась частная и кооперативная торговля, разрешена аренда мелких предприятий, введены концессии и пр. При этом государство сохраняло в своих руках основные средства производства и через органы ОГПУ проводило политику тотального контроля над населением: сохранялось лишение избирательных прав по политическим и экономическим мотивам, в том числе для частных торговцев и предпринимателей (нэпманов), в 1922 г. усилились гонения на православную церковь и оппозиционно настроенную интеллигенцию.

61 С началом Первой мировой войны Второй Интернационал фактически перестал существовать, т. к. ведущие социалистические партии объявили о поддержке своих правительств в войне. Задачи сплочения социалистов, выступавших против войны, пытались решить Циммервальдская и Кинтальская конференции 1915–1916 гг., способствовавшие выработке единой платформы социалистических партий. Они заложили основы для создания Коминтерна – Третьего (Коммунистического) Интернационала (1919–1943), международной организации революционного рабочего движения, объединявшей предста-

вителей коммунистических и левых социал-демократических партий. На состоявшихся в Москве и Петрограде 1-м (1919) и 2-м (1920) конгрессах Коминтерна была поставлена задача соединения рабочих всех стран на принципах «пролетарского интернационализма» для борьбы за свержение буржуазии и установления диктатуры пролетариата, слияния борьбы пролетариата развитых стран с национально-освободительной борьбой угнетенных народов против колониализма, разрыва компартий с правым оппортунизмом и Вторым Интернационалом.

- 62 По инициативе премьер-министра Великобритании и лидера Либеральной партии Д. Ллойд Джорджа 16 января 1920 г. Верховный совет Антанты официально отменил экономическую блокаду Советской России. Д. Ллойд Джордж 27 мая 1920 г., несмотря на оппозицию крайне правого крыла правительства (военный министр и министр авиации У. Черчилль и др.) и протесты русской эмиграции, приступил к переговорам в Лондоне с делегацией Всероссийского центрального совета потребительских обществ во главе с Л.Б. Красиным, завершившимся подписанием 16 марта 1921 г. советско-английского торгового соглашения.
- 63 В мае 1918 г. золотой запас России, вывезенный из Петрограда, а затем доставленный в Москву, Тамбов, Самару, был сосредоточен в кладовых Казанского банка. В ходе мятежа Чехословацкого корпуса он был захвачен и перевезен в Омск. В мае 1919 г. по распоряжению Колчака проведена его проверка и установлена номинальная стоимость (свыше 650 млн руб.). На закупку вооружений и другие нужды правительство Колчака истратило ок. 242 млн. золотых рублей. В декабре 1919 г. во время бегства Колчака поезд, перевозивший золото, захвачен белочехами. В соответствии с Куйтунским соглашением между Советским правительством и командованием Чехословацкого корпуса последнее 1 марта 1920 г. передало представителям ВРК Иркутска 18 вагонов с золотом и другими ценностями номинальной стоимостью почти 410 млн руб. Золотой запас доставлен в Казань и помещен в кладовые банка 3 мая 1920 г.
- 64 Республика Армения, провозглашенная 28 мая 1918 г. Армянским национальным советом, руководимым буржуазно-националистической дашнакской партией, ликвидирована в ноябре 1920 г. Ревком Армении 29 ноября

1920 г. провозгласил Армянскую социалистическую советскую республику, а 2 декабря 1920 г. буржуазное правительство капитулировало.

- 65 28 октября 1920 г. в Париже представителями Великобритании, Франции, Италии и Японии, с одной стороны, и Румынией, с другой, был подписан «Договор относительно объединения Бессарабии с Румынией», признававший аннексию Бессарабии, осуществленную в апреле 1918 г. правительством королевской Румынии в нарушение советско-румынского соглашения 1918 г. об эвакуации румынских войск из Бессарабии. Советское правительство в ноте от 1 ноября 1920 г. правительствам Великобритании, Франции, Италии и Румынии заявило о непризнании этого соглашения, принятого без участия УССР и РСФСР.
- 66 Версальский мирный договор, официально завершивший Первую мировую войну, подписан 28 июня 1919 г. в Версале представителями США, Великобритании, Франции, Италии, Японии и других стран-победительниц, с одной стороны, и капитулировавшей Германией, с другой. Вступил в силу 10 января 1920 г., причем США отказались его ратифицировать из-за нежелания связывать себя участием в Лиге наций, устав которой был составной частью договора. По Версальскому договору, имевшему явную антисоветскую направленность, Германия признавала независимость всех территорий, входивших в бывшую Российскую империю к 1 августа 1914 г. Он аннулировал все соглашения Германии с Советской Россией, в том числе Брестский мир 1918 г. Германия обязывалась признать все договоры и соглашения союзных держав с государствами, образовавшимися на территории Российской империи и пр.
- 67 Грузинская демократическая республика, провозглашенная в мае 1918 г., оказывала разнообразную помощь белогвардейцам. На территории республики с декабря 1918 г. находились войска Антанты. 11 февраля 1921 г. началось инспирированное коммунистами вооруженное восстание, свергнувшее меньшевистский режим. Ревком Грузии 25 февраля 1921 г. провозгласил Грузинскую Советскую Социалистическую Республику.
- 68 Осенью 1920 – весной 1921 г. в течение 5 месяцев в Риге велись переговоры между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей, с другой, о прекращении советско-польской войны 1920 г. и нормализации отношений, за-

кончившиеся подписанием Рижского мирного договора 1921 г. Важное место в ходе переговоров занимал вопрос о военных трофеях еще Российской империи, вывезенных с территории Польши начиная с 1 января 1772 г., а также научных и культурных ценностей, эвакуированных с ее территории на восток в период Первой мировой войны, которые РСФСР и УССР обязались возвратить. С.Ф. Ольденбург, наряду с И.Э. Грабарем и директором ГПБ им. В.И. Ленина, писателем А.К. Виноградовым, были направлены Наркопросом в Ригу в качестве экспертов по научным и культурным ценностям (см.: ЦГА СПб. Ф. 7450. Оп. 1. Д. 41. Л. 5). Речь идет о статьях С.Ф. Ольденбурга «Наука в России (Работа Академии наук)» и «О научной работе в России вне Петербурга и Москвы» в русской газете «Новый путь» (номера от 8 и 18 февраля 1921 г.), издававшейся в Риге (Латвия). В бумагах М.И. Ростовцева в Йельском университете сохранился перевод первой статьи Ольденбурга на английский язык. Ответом Ольденбургу стала приводимая здесь публикация М.И. Ростовцева.

69 Знакомство с Лениным (начиная с 1891 г.) не помешало двум арестам С.Ф. Ольденбурга. Впервые он был арестован как видный кадет в 1918 г. Второй раз 4 сентября 1919 г. помещен в ДПЗ на Шпалерной, освобожден 26 или 27 сентября по прямому указанию Ленина (о втором аресте подробнее см.: *Перченок Ф.Ф. К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memoiam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 190*).

70 В бумагах М.И. Ростовцева в Йельском университете сохранился перевод на английский язык статьи В. Чадаева «Одной рукой мы создаем, другой мы разрушаем (Об уничтожении архивов)» из петроградской «Красной газеты» от 12 января 1921 г. В статье говорилось о бездумном уничтожении книг и документов из различных библиотек и архивов Петрограда. Чтобы частично возместить бумажный голод, в 1919 г. СНК РСФСР прибегло к революционной мере — из-за нехватки сырья для бумажных фабрик правительство приказало использовать «старые бесполезные архивы», которые сдавались в макулатуру и пускались под нож для выработки новой бумаги. Контроль за выделением в макулатуру документов осуществлялся специальной государственной комиссией. Соглас-

но газетной статье, 50–70% бумаги того времени вырабатывалось из архивной «макулатуры». Однако вместе с водой был выплеснут и ребенок — уничтожению подверглись сотни килограммов (по весу) документов XVIII в. Из макулатурных завалов члены комиссии смогли извлечь тонны книг — издания произведений И.С. Тургенева в роскошных переплетах, тома А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова и др. авторов из библиотеки Смольного, множество учебников, научных трудов (издания вплоть до 1920 г.) и даже публикации Петросовета 1918 г. Спасенная комиссией художественная литература составила библиотеку фабрики «Коммунар». В. Чадаев призывал прекратить варварское уничтожение исторических документов и книг.

- 71 Речь идет об обращении «К ученым России» (Петроградская правда. 16 декабря 1920 г. № 283) по поводу декрета СНК РСФСР, опубликованного 3 декабря 1920 г. в «Известиях». Обращение подписано Ф. Ротштейном, Д. Боголеповым, Н. Бухариным, В. Быстрынским, В. Волгиным, А. Гойхбаргом, Д. Кузовковым, М. Лариным, Н. Лукиным, Ю. Мархлевским, М. Покровским, К. Радеком, Д. Рязановым, И. Скворцовым, В. Тер-Оганесовым, В. Фриче, Циперовичем. Перевод обращения на англ. яз. представлен в бумагах М.И. Ростовцева в Йельском университете.
- 72 Институт красной профессуры организован в Москве в 1921 г. по декрету Совнаркома РСФСР от 11 февраля 1921 г., подписанному В.И. Лениным, с целью подготовки в высших учебных заведениях преподавателей «теоретической экономии, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства». В 1922 г. в институте открыты отделения экономическое, историческое и философское, в 1924 г. — правовое, в 1926 г. — историко-партийное. Наборы 1921–1929 гг. включали от 75 до 140 человек, как правило, лиц с высшим образованием, из которых лишь 7–8% составляли рабочие. Поэтому ЦК ВКП(б) вынес решение об организации отделения для подготовки к поступлению в институт рабочих-коммунистов. В 1930 г. ИКП реорганизован в 4 самостоятельных института при Институте Ленина; с весны 1931 г. все эти вузы слиты с аспирантурой научно-исследовательских институтов Коммунистической академии, вошедшей в 1936 г. в АН СССР.
- 73 Речь идет об Обществе русских ученых в Югославии, насчитывавшем 90 членов в 1921 г. Костяк общества со-

ставляла университетская профессура. Подробнее см.: *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии, 1920–1941 // *Русская эмиграция в Югославии.* М., 1996. С. 136–147.

74 Эпизод, приведенный М.И. Ростовцевым, описан в главе «*Der Untergang der Intellektuellen*» в кн.: *Holitscher Arth.* *Drei Monate in Sowjet-Russland.* Berlin: S. Fischer Verl., 1921. S. 142.

75 Реформа высшей школы началась в советской России в 1918 г., когда большинство вузов было подчинено отделу высших учебных заведений Наркомпроса. Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» при поступлении в вузы отменялись вступительные экзамены, предъявление свидетельств о среднем образовании и плата за обучение, при этом имущие классы лишались всяких привилегий на получение высшего образования. С целью регулирования социального состава студенчества властями были приняты ограничения политических прав «выходцев из эксплуататорских классов» на прием в вузы. По указаниям В.И. Ленина, в высшую школу в первую очередь принимались лица «из среды пролетариата и беднейшего крестьянства» с целью сократить «буржуазное и мелкобуржуазное студенчество». Это, во-первых, привело к катастрофическому снижению общеобразовательного уровня подготовки студентов, во-вторых, к увеличению числа вузов и студентов более, чем вдвое, по сравнению с дореволюционным периодом, что также отрицательно сказалось на качестве подготовки кадров (в 1914–1915 гг. в России было 105 вузов со 127 тыс. студентов, в конце 1920 г. – 253 вуза и 216 тыс. студентов).

Декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики» дореволюционная система аттестации научных кадров была упразднена, отменены старые ученые звания и степени. Взамен установлены единые звания профессора и преподавателя для лиц, осуществляющих преподавательскую деятельность в вузах. Все члены РАН получали одинаковое наименование действительных членов Академии. Для сотрудников научно-исследовательских учреждений званий установлено не было. Тем же декретом с целью борьбы с «реакционной частью профессуры», враждебно встретившей советскую власть, было ус-

тановлено, что профессора и преподаватели, имеющие общий 15-летний научно-педагогический стаж или 10-летний стаж работы в одном вузе, считаются выбывшими с должностей и подлежат новому избранию по всероссийскому гласному и публичному конкурсу, проведенному в 1919 г. Право избрания на должность принадлежало советам факультетов, однако оно было ограничено тем, что местные органы советской власти после публикации известия о вакансии в прессе и оглашения имен кандидатов на должность могли заявить протест против выдвинутых кандидатур и отклонить их от участия в конкурсе.

В начале 1919 г. в университетах вместо юридических и историко-филологических факультетов созданы факультеты общественных наук; во многих вузах образованы рабфаки. В 1920 г. принято «Положение о научных работниках университетов», согласно которому для зачисления на работу в учреждения науки и высшего образования не требовались формальные показатели (дипломы, ученые степени, звания, аттестаты), а степень подготовленности кадров произвольно определялась администрацией.

С конца 1920 г. на основе декрета СНК «О реорганизации преподавания общественных наук в вузах РСФСР» началась разработка новых учебных планов. В ущерб преподаванию собственно научных дисциплин в 1921 г. по декрету Совнаркома вводился обязательный общественный минимум по историческому материализму, вопросам пролетарской революции и политического строя РСФСР.

Лениным 2 сентября 1921 г. подписан, на первый взгляд, вполне демократичный декрет, утвердивший «Положение о высших учебных заведениях», который определил коллегиальное руководство учебной, научной и административной деятельностью вузов. Однако в состав правлений и советов как вузов, так и факультетов наряду с профессурой на паритетных началах вводились «представители пролетарского студенчества», профсоюзов, центральных и местных органов власти, что обеспечило фактическое руководство советского государства всей деятельностью вузов.

76 «Руль» — ежедневная русская газета, печатавшаяся в Берлине (1920—1931) под редакцией И.В. Гессена.

77 До Октябрьской революции 1917 г. в России университетские уставы являлись законодательными актами, определявшими организационное устройство и порядки в

университетах. Введенный при министре народного просвещения И.Д. Делянове (1882–1897) реакционный устав 1884 г. ликвидировал автономию университетов, передав контроль над ними Министерству народного просвещения. В основу этого устава положено чрезвычайное усиление власти попечителя и ректора. Устав лишил университеты права выбора и установил назначаемость министром ректора, деканов, профессоров; Совет университета был лишен всякого значения, при этом Правление получило значительную административную власть и влияние; вводилась инспекция над студентами. 27 августа 1905 г. под напором студенческого революционного движения были изданы «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения», которые ввели основы университетской автономии – выборность ректора, его помощников, деканов факультетов, которые, однако, должны были утверждаться министерством, а ректор – императором. Временные правила действовали недолго: 12 января 1911 г. приняты «Правила об университетах», фактически отменявшие автономию. Таким образом, кодификацией, разъяснениями, практикой царские власти постепенно свели на нет уступки университетам; устав 1884 г. фактически действовал до Февральской революции 1917 года.

- 78 М.И. Ростовцев имеет в виду утвержденный императором Николаем I университетский устав 1835 г., принятый при министре народного просвещения графе С.С. Уварове (1833–1849), который юридически упразднил университетскую автономию. Управление университетами перешло к попечителям учебных округов, подчиненных Министерству народного просвещения. Устав имел целью установить более жесткий правительственный контроль за университетами, создавал условия, затруднявшие доступ в них молодежи из низших слоев общества и, напротив, способствовал привлечению в университеты выходцев из дворянского сословия. Совет профессоров был лишен самостоятельности как в учебных, так и в научных делах, но сохранил право возведения в ученые степени. Однако с 1837 г. право Совета университета присуждать ученые степени было ограничено обязательным утверждением таких решений попечителем (для кандидатской степени) или министром (для степеней магистра и доктора). По уставу 1835 г. административные должности ректора и деканов оставались выборными,

причем срок их полномочий продлевался на четыре года вместо одного, но кандидатуры ректоров утверждались императором, а профессоров — попечителем учебного округа. Инспектор студентов, ранее выбиравшийся Советом, теперь назначался попечителем округа из «военных или гражданских» лиц, служивших не в университете. Правление, ведавшее хозяйственными делами, было теперь подчинено не Совету, а попечителю учебного округа. Университеты лишились и судебных прав. Для студентов устанавливалась форма, регламентировались внешние правила поведения. Университетская реформа 1863—1864 г. восстановила автономию университетов.

- 79 Петербургский историко-филологический институт (ПИФИ) — закрытое высшее учебное заведение, основанное в 1867 г. для подготовки учителей классических языков, русского языка и словесности, истории и географии. Обучение было бесплатным, институт финансировался из государственной казны. Дирекция ПИФИ жестко регламентировала и контролировала жизнь студентов, что, по мнению Ростовцева, наложило определенный отпечаток на психологический склад филологов-классиков, закончивших институт. Эта оценка Ростовцева объясняется определенной научной ревностью: выпускники ПИФИ всегда конкурировали с воспитанниками столичного университета при избрании в число действительных членов и членов-корреспондентов Российской академии наук (в их числе были акад. В.В. Латышев и чл.-корр. А.И. Малейн) и при занятии профессорско-преподавательских должностей в различных вузах. В 1918 г. ПИФИ перепрофилирован в педагогический вуз, в 1922 г. ликвидирован.
- 80 В Петрограде за 1918—1920 гг. умерли около 167 тыс. чел. За тот же период Российская АН потеряла почти треть своих членов: от голода, болезней, тяжелейших условий быта скончались, помимо названных М.И. Ростовцевым, академики — физик М.А. Рыкачев (1919), филологиклассики В.В. Латышев и А.В. Никитский (1921).
- 81 Планы проведения реформ Временного правительства в области высшей школы вырабатывались в Комиссии по реформе высших учебных заведений, куда вошли представители АН, вузов, МНП, Академического союза, Государственного комитета по народному образованию. Последний был создан в конце марта 1917 г. из представителей различных партий и общественных организаций

для реформирования системы образования в России, однако его члены постоянно вступали в конфликт с МНП, поэтому реальных результатов его деятельность не принесла.

- 82 Спустя 10 дней после свержения самодержавия, 4 марта 1917 г., Временное правительство объявило Зимний дворец со всеми историческими и художественными ценностями национальной собственностью и создало комиссию для приема художественного имущества царских дворцов и их охраны под руководством В.А. Верещагина. Было составлено воззвание «Об охране полученного художественного наследия», написанное М. Горьким. 8 марта комиссаром над бывшим Министерством двора и уделов назначен бывший председатель 2-й Государственной Думы В.А. Головин, при котором 13 марта образовано Особое совещание по делам искусства под председательством М. Горького. В его состав вошли видные деятели науки и искусства, в том числе М.И. Ростовцев, избранный товарищем председателя по выборам от организаций, связанных с искусством. На совещании поставлен вопрос о необходимости создания особого Министерства искусств, в ведение которого должны были перейти музеи и дворцовые собрания бывшего Министерства двора, и для выработки общегосударственной программы в области охраны памятников истории и культуры, музейной политики и искусства. Из членов совещания образованы 8 комиссий (подкомиссий), в том числе музейная и охраны памятников, и во главе с А.Н. Бенуа (председатель) и М.И. Ростовцевым (товарищ председателя) — Комиссия совещания деятелей искусств по вопросу об учреждении самостоятельного ведомства изящных искусств для разработки проекта будущего министерства. Планы создания министерства вызвали резкие протесты со стороны представителей «левого» искусства (Н.Н. Пунина, О.М. Брика, В.Э. Мейерхольда и др.), призывавших созвать Всероссийское учредительное собрание (собор) деятелей искусств для решения вопроса об устройстве художественной жизни России и, в конце концов, добившихся упразднения Особого совещания, которое под их нажимом 19 апреля было распущено. Подробнее см.: *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль-октябрь 1917 г.). Л., 1988. С. 201–216; *Каспаринская С.А.* Музеи России и влияние государственной политики на их развитие (XVIII — нач. XX вв.) // *Музеи и власть.* М., 1991. Ч. 1. С. 82–87.

На заседании ОИФ РАН 20 сентября 1917 г. М.И. Ростовцев, наряду с В.В. Радловым, С.Ф. Ольденбургом, Н.Я. Марром и В.В. Бартольдом, был включен в состав Комиссии для рассмотрения доклада директора Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) им. Петра Великого, академика В.В. Радлова «О переговорах... с комиссаром по делам бывшего Министерства двора по вопросу о взаимоотношениях этнографических музеев в Петрограде Александра III и Академии», т. е. Этнографического отдела Русского музея (впоследствии Государственный музей этнографии народов СССР, ныне Российский этнографический музей) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН. Несколько месяцев спустя, 16 мая 1918 г. решением отделения все члены этой комиссии были привлечены к изучению предложений скончавшегося 12 мая 1918 г. академика В.В. Радлова о создании единого Государственного музея антропологии, этнографии и археологии и избрания из своей среды лица для временного заведования музеем. Как члена Археологической комиссии и Русского археологического общества Ростовцева, безусловно, волновала судьба археологических коллекций, разбросанных по различным собраниям Петрограда — Кунсткамере, Эрмитажу, Русскому и Артиллерийскому музеям, Географическому обществу, Археологической комиссии и др. По мысли Радлова, музеи, финансируемые государством, должны были стать «полноправными научными институтами», осуществлявшими не только хранение, но и планомерное комплектование, научную обработку и ввод в научный оборот собственных фондов. Для избежания параллелизма в работе и бессистемной траты государственных средств академик предлагал создать единый Государственный музей антропологии, этнографии и археологии. «Если Российская Академия наук желает принять на себя инициативу в устройстве государственных музеев, — писал Радлов, — то она, как высшее ученое учреждение в государстве, в духе и согласно ее устава, должна добиться от Временного правительства права принять в свое ведение все научные музеи, по крайней мере, в Петрограде и выработать общий план их реорганизации». В основу будущего «музея культуры всего человечества» Радлов предлагал положить собрания Кунсткамеры, присоединив к ним коллекции созданного по его инициативе Этнографического отдела Музея импера-

тора Александра III. Все фонды он предлагал разделить на три отдела — физической антропологии, археологии (доисторическая археология и археология внеевропейских народов, без разделов классической, средневековой, новейшей, европейской и церковной археологии) и этнографии, которые соответственно должны были иллюстрировать «эволюцию человека в физическом отношении... и современные разновидности человеческих рас», «общую эволюцию человеческой культуры» во времени и в пространстве и «картину культуры представителей современного человечества на всех ее ступенях» (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 397об. ОИФ. § 165. Записка В.В. Радлова в академическую комиссию «для рассмотрения вопроса об образовании Государственного музея антропологии, этнографии и археологии» недавно издана в приложении к статье: *Решетов А.М.* Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 1. С. 82–85). Другой точки зрения придерживался директор Русского музея А.А. Миллер, в 1919 г. предлагавший создать самостоятельный археологический музей. К сожалению, нам неизвестно, какую позицию в этом споре занял М.И. Ростовцев, но планы слияния Музея антропологии и этнографии РАН с Этнографическим отделом Русского музея так и остались на бумаге.

- 83 См., например: *Proletarian Culture in Bolshevik Russia // Struggling Russia*. 1919. Vol. 1. P. 459–462 (Sept. 27th). P. 484–487 (Oct. 25th); *Russia's Contribution to World Science // Struggling Russia*. 1919. Vol. 1. P. 602–605; *Schools and Education in Bolshevik Russia // Struggling Russia*. 1920. Vol. 1. P. 672–675; *The Present State of the Russia Universities // Struggling Russia*. 1920. Vol. 2. P. 172–174; *Why the Russian Intelligentsia is Opposed to the Bolshevik Regime // Struggling Russia*. 1920. Vol. 1. P. 792–795.
- 84 Во время Первой мировой войны большая часть территории Бельгии была занята германскими войсками. Бельгийское правительство бежало в Гавр (Франция), многие ученые были вынуждены покинуть родину. Правительства ряда стран Антанты предоставили им возможность жить и работать в изгнании. Аналогию между бельгийской и русской научной эмиграцией М.И. Ростовцев проводит, призывая власти и общественность стран-союзниц помочь российским ученым найти работу по специальности.

- 85 Речь идет об известных «Очерках по истории русской культуры» П.Н. Милюкова (3 части. СПб., 1896–1901), неоднократно переиздававшихся как в России (7 изданий до революции), так и за рубежом.
- 86 «Речь» — ежедневная политическая и литературная газета, центральный орган кадетской партии. Выходила в Петербурге с февраля 1906 г. под редакцией П.Н. Милюкова и И.В. Гессена. Была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском совете 26 октября/8 ноября 1917 г., но стала выходить под измененными названиями: «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век». В августе 1918 г. окончательно закрыта большевистскими властями.
- 87 Прогрессивный блок — объединение фракций большинства буржуазных партий 4-й Государственной Думы и Государственного совета (прогрессивные националисты, группа центра, прогрессисты, земцы-октябристы, кадеты, внепартийные), состоявшее примерно из 300 человек. Образован в августе 1915 г. в связи с военными поражениями на фронтах Первой мировой войны. Для достижения победы в войне с Германией и предотвращения назревавшего революционного кризиса требовал включения своих представителей в «министерство доверия», ответственного перед Думой, и проведения минимальных либеральных реформ по демократизации государственного строя. В Бюро блока из 25 человек входили А.Н. Меллер-Закомельский (председатель), П.Н. Милюков, А.Н. Шингарев, С.И. Шидловский, В.В. Шульгин и др.
- 88 В конце ноября 1920 г. в руководстве Комитета освобождения России произошел окончательный разрыв А.В. Тырковой-Вильямс и П.Н. Милюкова. А.А. Борман вспоминал, что 22 ноября его мать сообщала: «Мы послали также от себя следующую телеграмму Врангелю “Мы гордимся тем, что вы и армия отошли с честью”. В отправке аналогичной телеграммы из Лондона от Комитета освобождения России, который все время поддерживал Врангеля, встретилось неожиданное затруднение... Состоялось заседание комитета, на котором... присутствовали Милюков и еще несколько человек. Мама предложила от имени комитета послать ген. Врангелю телеграмму с выражением удовлетворения по поводу благополучной эвакуации из Крыма и спасения Армии. Кроме Милюкова, все присутствовавшие сразу поддержали это предложение. Милюков же заявил, что он такой теле-

граммы никогда не подпишет. Мама очень резко ему сказала: “Павел Николаевич, но ведь это же телеграмма Армии, которая проливала кровь за Россию и на счет которой мы издаем здесь журнал”. Милюков, стараясь не волноваться, ответил: “Такая телеграмма является политическим актом, а после крымского краха необходимо пересмотреть все прежние политические установки”. Гарольд Васильевич посмотрел на Милюкова и своим глуховатым голосом сказал: “Павел Николаевич, мне как англичанину стыдно за вас”. После этого Милюков встал и ушел из комнаты. Мама и Гарольд Васильевич больше никогда не виделись с ним» (*Борман А.А. Ук. соч. С. 197–198*).

Вскоре после этих событий П.Н. Милюков покинул Лондон и уехал в Париж. Как лидер левого крыла эмиграции П.Н. Милюков, анализируя причины поражения Белого движения, с января 1921 г. стал пропагандировать идею о необходимости смены методов борьбы с большевиками и призывал к «новой тактике», которая была принята частью кадетов. Она включала тезис о неизбежной эволюции советской системы, к которой необходимо принаравливать тактику эмиграции и всеми способами способствовать разложению советского строя. П.Н. Милюков призывал к признанию республиканской, а не монархической формы правления, федеративности будущего административно-территориального устройства России, установлению местного самоуправления, признанию «крестьянских самозахватов» земли и пр. Он выступил с призывом изучать Советскую Россию, для чего, по его мнению, необходимо было создать мост для сближения с левыми партиями — союзниками в борьбе с РСФСР. С этой целью в конце 1920 — начале 1921 г. левое крыло кадетов вело переговоры с эсерами (В.М. Черновым, Н.Д. Авксентьевым, Б. Савинковым). В январе 1921 г. в Париже прошло совещание тридцати трех бывших членов Учредительного собрания, выступивших с призывом к странам Антанты признать недействительными все соглашения с РСФСР. Подробнее см.: *Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков. А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992. С. 69–70.*

- 89 «Последние новости» — влиятельная ежедневная эмигрантская газета, издававшаяся в Париже в 1920–1940 гг., с 1921 г. — под редакцией П.Н. Милюкова. Орган левого крыла кадетской партии, объединившегося в так называемую демократическую группу.

- 90 П.Н. Милуков и Н.Д. Авксентьев как представители исторической комиссии Совещания членов Учредительного собрания, посетили США в ноябре 1921 – феврале 1922 г. для чтения лекций в Нью-Йорке, Бостоне, Вашингтоне, Детройте, Кливленде. Основные тезисы выступлений П.Н. Милукова – критика большевизма, бесперспективность Белого движения, необходимость помощи иностранного капитала для восстановления в России федерации демократических республик. Выступления в Америке легли в основу рецензируемой Ростовцевым книги.
- 91 *Miljoukov P. Russia and its Chrisis / Crane Lectures for 1903. Chicago, 1905.*
- 92 *Korff S. Russian's Foreign Relations during the last half century / The Institute of Politics Publications. Williams College, Williamstown. New York: The Macmillan Company, 1922.*
- 93 Секретный Бьеркский союзный договор между Россией и Германией был подписан по инициативе Германии 11(24) июля 1905 г. у острова Бьерке в Балтийском море императором Николаем II и кайзером Вильгельмом II. Договор, составленный без консультаций с МИД Российской империи, предусматривал переориентацию внешней политики России в сторону сближения с Германией, взаимную помощь в случае нападения третьей державы. Так как он противоречил русско-французскому союзу (заключенному в 1891–1892), предусматривавшему оказание взаимопомощи в случае нападения Германии или Австро-Венгрии на Россию или Италии и Германии на Францию, Бьеркский договор, несмотря на давление со стороны Вильгельма II, не был ратифицирован и не вступил в силу.
- 94 Имеется в виду датский король Фредерик (Фридрих) VI (1808–1839) из немецкой династии Ольденбургов, претендовавший на шведский престол.
- 95 До начала Крымской войны правительство Швеции стало искать союза с западными странами из-за притязаний России на норвежские фьорды, противоречивших договору о границах 1826 г. Договор Швеции с западными странами, гарантировавший территориальную целостность Швеции и Норвегии взамен на оказание помощи при возможном нападении на Финляндию, входившую тогда в состав России, был заключен 21 ноября 1855 г.

Биографический словарь*

Александр I (1777–1825), российский император с 1801 г. Во внешней политике лавировал между Англией и Францией.

Бернадот (Bernadotte) Жан Батист (1763–1844), маршал Франции (1804), король Швеции Карл XIV Юхан (с 1818), основатель династии Бернадотов. В наполеоновской армии командовал корпусом, в 1810 г. уволен Наполеоном в отставку и в августе 1810 г. избран шведским риксдагом наследником престола. В 1813 г. примкнул к антинаполеоновской коалиции, участвовал со шведской армией в войне против Франции; проводил дружественную к России политику.

Блауберг Магний Богданович, доктор медицины, ординарный профессор по кафедре фармации и фармакогнозии медицинского факультета Новороссийского университета в Одессе. Покончил с собой в годы Гражданской войны.

Брут Марк Юний (85–42 гг. до н.э.), с 44 г. до н.э. претор, участвовал в заговоре против Цезаря и его убийстве.

Вальден Пауль (Павел Иванович) (1863–1957), физико-химик, академик Петербургской АН (1910), иностранный почетный член АН СССР (1927). Из немецкой семьи. Выпускник Рижского политехнического института (1889) и Лейпцигского университета (1891), профессор (1894–1902), директор (1902–1905) Рижского политехнического института, директор Химической лаборатории АН (1911–1919). С 1919 г. в эмиграции: профессор Ростокского университета (1919–1934), университетов Франкфурта-на-Майне и Тюбингена (1934–1949).

Вандерлип (Vanderlip) Фрэнк Артур (1864–1937), крупный американский финансист, журналист (1889–1897), заместитель министра финансов США (1897–1901), вице-президент (1901–1909), президент (1909–1919) National City Bank, председатель Американской промышленной корпорации, глава ряда финансовых, промышленных и транспортных предприятий.

Вернадский Владимир Иванович (1863–1945), естествоиспытатель, минералог, кристаллограф, основоположник геохимии, биогеохимии, радиобиологии, общественный деятель, выдающийся мыслитель; магистр (1891), доктор (1897) минералогии; адъюнкт (1906), экстраординарный (1908), ор-

* В указатель включены сведения о лицах, упомянутых только в тексте статей М.И. Ростовцева.

динарный (1912) академик Петербургской АН, член многих иностранных академий и научных обществ; лауреат Государственной премии СССР (1943). Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1885), был командирован за границу МНП для совершенствования образования (1886–1890); приват-доцент (1891–1898), экстраординарный (1898–1902), ординарный (1902–1911, 1917) профессор Московского университета. Принимал активное участие в земской деятельности, один из создателей и член ЦК (1905–1917) кадетской партии. Член Государственного совета от академической курии (1906, 1908–1911, 1915–1917). После Февральской революции – председатель Ученого комитета при Министерстве земледелия (1917), товарищ министра народного просвещения Временного правительства (август – ноябрь). После Октября 1917 г., спасаясь от ареста, уехал в Полтаву, затем в Киев, стал организатором и первым президентом (1919) АН Украины, читал лекции в Университете Св. Владимира. Профессор и ректор Таврического университета (1920) в Симферополе. В 1921 г. вернулся в Петроград, 14–15 июля был ненадолго арестован ЧК. В 1922–1926 гг. находился в заграничной командировке от РАН – читал курс лекций в Сорбонне в Париже и Карловом университете в Праге. Под угрозой исключения из АН СССР, несмотря на уговоры родных и друзей-эмигрантов остаться во Франции, вернулся на родину. Директор Геологического и Минералогического музея (1914–1917, 1921–1923), один из организаторов и председатель (1915–1930) Комиссии по изучению естественных производительных сил, председатель Комиссии по истории знаний (1921–1922, 1926–1930), директор Биогеохимической лаборатории (1928–1945) Петербургской АН / АН СССР. Организатор и директор Государственного радиового института (1922–1939). С 1935 г. жил в Москве.

Слухи об аресте, заключении в концлагерь и даже расстреле В.И. Вернадского в Крыму в 1921 г. муссировались эмигрантской прессой, что вызвало беспокойство друзей и сына ученого – Г.В. Вернадского. В феврале того же года В.И. Вернадский благополучно покинул Симферополь и 8 апреля уже прибыл в Петроград. В недавно опубликованном письме М.И. Ростовцева к близкой подруге семьи Вернадских, писательнице, участнице народовольческих кружков, политэмигрантке с 1876 г. Александре Васильевне Гольдштейн (1850–1937) из Мадисона от 1921 г. (?) говорится о попытках М.И. Ростовцева пригласить В.И. Вернадского для

чтения лекций в Америке, а также о возможном варианте нелегального бегства ученого из Советской России через Финляндию: «Боюсь, однако, что теперь шансов на мирный выезд В.И. из Совдепии и на командировку его мало. Большевики опять начали старую песню о саботаже и т. д. с тем, чтобы покончить с остатками русской интеллигенции» (История полувековой дружбы / Публ. А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее: Ист. альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 18. С. 385). В декабре 1921 г. С.Ф. Ольденбург получил письмо от ректора Сорбонны П. Аппеля, предлагавшего В.И. Вернадскому прочесть курс лекций в качестве приглашенного профессора. В январе 1922 г. В.И. Вернадский принял приглашение и в мае с женой и дочерью выехал через Прагу в Париж. См.: *Шаховская А.Д.* Хроника большой жизни / Публ. В.С. Неаполитанской и Г.П. Аксенова // Прометей: Ист.-биограф. альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1988. Т. 15. С. 69.

Викторов Давид Викторович (?–1918), философ, приват-доцент по кафедре философии историко-филологического факультета Московского университета, преподаватель философии и психологии на ВЖК В.И. Герье, в Народном университете им. А.Л. Шанявского. Повесился в 1918 г. М.И. Ростовцев писал о нем как о «крупном... молодом мыслителе-философе.., так и не успевшем сказать своего слова после Маха и Авенариуса, слова, которое зажигало таким энтузиазмом умы московской учащейся молодежи!» (Ростовцев М.И. Поминки. С. 238).

Вильгельм II (1859–1941), германский император и король Пруссии (1888–1918), активно способствовал развязыванию Первой мировой войны. Свергнут Ноябрьской революцией 1918 г., бежал в Нидерланды и 28 ноября 1918 г. отрекся от престола.

Вильямс Гарольд Васильевич (Williams Harold Whitmore), (1876–1928), новозеландско-английский журналист, полиглот (знал 40 языков), филолог, этнограф; второй муж близкого друга М.И. Ростовцева, члена ЦК кадетской партии и лидера феминистского движения в России А.В. Тырковой. Одно время был методистским пастором. Обладал феноменальными лингвистическими способностями: в 1904 г. удостоен степени доктора философии Мюнхенского университета за грамматику иллоканского языка (Филиппины). Со студенческих лет увлекался толстовством, блестяще знал русскую историю, русский язык и литературу, а также языки

населявших Россию народов. Сотрудничал с П.Б. Струве в пору издания оппозиционного журнала «Освобождение» в Штутгарте как корреспондент лондонской газеты «Times», где и познакомился с А.В. Тырковой (1904). Начиная с декабря 1904 г. работал в России как корреспондент европейских газет («Манчестер Гардиан» и др.), был тесно связан с лидерами кадетской партии, пропагандировал идею русско-английского сближения. В 1911–1912 гг. корреспондент лондонской газеты «Morning Post» в Константинополе. В годы Первой мировой войны постоянно жил в Петрограде как представитель английской газеты «Daily Chronicle» (1914–1918) и своими корреспонденциями о России сделал себе имя в Великобритании. С апреля 1918 г. Г. Вильямс жил в Лондоне, в печатных публикациях в газетах и журналах «Daily Chronicle», «New Europe», «Round Table» выступал за интервенцию стран Антанты в Россию и военную помощь Белому делу с целью свержения власти большевиков. С мая 1918 г. был членом Комитета по русским делам (Committee on Russian Affairs) под председательством бывшего британского посла в Петрограде Дж. Бьюкенена. Осенью 1918 г. через Париж направлен в Швейцарию как корреспондент «Daily Chronicle» для информирования английской общественности о положении дел в Германии и странах, оккупированных ею, вернулся в Лондон в конце ноября. В мае 1919 г. приехал в Екатеринодар и Ростов в качестве аккредитованного при Добровольческой армии генерала А.И. Деникина корреспондента английских газет «Times» и «Daily Chronicle», неоднократно выезжал на фронт. В феврале 1920 г. вместе с Тырковой покинул Россию, некоторое время оставался безработным, с лета 1921 г. писал передовые статьи для «Times», в сентябре того же года зачислен в штат, с весны 1922 г. стал редактором иностранного отдела газеты.

Виноградов Павел Гаврилович (1864–1925), историк-медиевист; магистр (1881), доктор (1887) всеобщей истории; член-корреспондент (1892), затем сверхштатный академик (1914) Петербургской АН; иностранный член Королевской Датской Академии в Копенгагене (1909), член Британской Академии (1906), член-корреспондент Берлинской АН (1911) и др. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1875), ученик С.М. Соловьева, Ф.И. Буслаева и В.И. Герье, совершенствовал знания в Германии, работал в библиотеках и архивах Италии, Великобритании и Франции. Преподаватель ВЖК В.И. Герье (1876–1903), экстраординарный, затем ординарный профес-

сор Московского университета по кафедре всеобщей истории (1884–1901), председатель Педагогического общества при университете. В 1901 г. ушел из университета из-за разногласий с попечителем округа и министром народного просвещения в вопросе об университетской автономии, переселился в Великобританию. С 1902 г. профессор, с 1903 г. по приглашению Оксфордского университета занял кафедру сравнительного правоведения. Читал также курсы в университетах ряда стран мира, в том числе вновь в Московском университете как сверхштатный профессор (1908, 1910), но в 1911 г. в знак протеста против увольнения либеральных профессоров снова подал в отставку. С апреля 1917 г. находился в командировке в Великобритании. После Октябрьской революции остался за границей, принял британское подданство. До конца жизни преподавал в Оксфорде. С 1914 г. Британская Академия по его инициативе начала издавать «Документы британской экономической и социальной истории».

Вирхов (Virchow) Рудольф (1821–1902), немецкий ученый и государственный деятель, основатель современной патологической анатомии, создатель теории клеточной патологии, археолог, антрополог. Выпускник медицинского факультета Берлинского университета (1843), с 1856 г. ординарный профессор патологической анатомии, общей патологии и терапии Берлинского университета и директор Института патологии. Один из основателей и лидеров прогрессивной партии (1861–1884), представлявшей собой левое крыло буржуазной оппозиции по отношению к правительству Бисмарка. Со времени преобразования в 1884 г. прогрессивной партии в партию «свободомыслящих», стоявшую на более правых позициях, Вирхов стал одним из ее лидеров. Член прусского ландтага (с 1862) и германского рейхстага (1880–1893).

Врангель Петр Николаевич (1878–1928), барон, генерал-лейтенант (1918). Выпускник Горного института (1901), выдержал экзамены при Николаевском кавалерийском училище и был произведен в корнеты гвардии, окончил курс в Академии Генерального штаба (1907). Участник русско-японской и Первой мировой войн; георгиевский кавалер. В 1914–1918 г. прошел путь от ротмистра (эскадронного командира) до генерал-лейтенанта. В 1917 г. командовал 7-й кавалерийской дивизией 8-й армии, был начальником Сводного конного корпуса. После Октябрьского переворота уехал в Крым, в августе 1918 г. вступил в Добровольческую

армию и был назначен начальником 1-й конной дивизии, командиром 1-го Кубанского корпуса, с декабря 1918 командовал Добровольческой (с января 1919 г. — Кавказской добровольческой) армией, в мае — декабре — Кавказской армией, в ноябре 1919 — феврале 1920 гг. Добровольческой армией. Во время отступления белогвардейских войск выступал с требованием смены главкома, за что был отстранен от дел Деникиным и выслан в Константинополь. С марта — апреля 1920 г. преемник Деникина на посту главкома ВСЮР, Правитель Юга России, с 11 мая главком Русской армии. После поражения в Северной Таврии и Крыму 14 ноября 1920 г. с частью армии бежал за границу. В эмиграции стремился воспрепятствовать распылению остатков армии, в 1924 г. в Париже создал Русский общевоинский союз (РОВС). Умер в Брюсселе, похоронен в Белграде.

Герцен Александр Иванович (1812—1870), революционер, писатель, философ, публицист. С 1847 г. в эмиграции — жил в Париже, с 1849 г. в Швейцарии, в 1850 г. в Ницце, в 1852 г. переехал в Лондон. Последние годы жизни жил в разных городах Европы. Умер в Париже.

Гессен (Hessen) Сергей Иосифович (Осипович) (1887—1950), историк, литературовед, философ, публицист; доктор философии Фрейбургского университета (1910). Сын лидера кадетской партии И.В. Гессена. После окончания гимназии в Петербурге в 1905 г. учился в университетах Фрейбурга и Гейдельберга, в 1910 г. вернулся в Россию, основал и редактировал (1910—1913) русскую часть международного историософского ежегодного журнала «Логос», активно печатался в кадетской газете «Речь». Приват-доцент по кафедре философии историко-филологического факультета Петербургского университета (1914—1917); профессор, заведующий кафедрой философии и педагогики (1917—1921), декан историко-филологического факультета Томского университета и директор Высших педагогических курсов в Томске, профессор Петроградского университета (1921). С 1921 г. в эмиграции в Берлине, профессор Русского научного института в Берлине, редактор журнала «Русская школа за рубежом» (1923—1929), с 1924 г. жил в Праге, преподавал на кафедре педагогики в Русском высшем педагогическом институте. С 1934 г. жил в Польше, принял польское подданство. Преподавал в вузах Варшавы, в том числе в Вольной всепольской школе, в годы Второй мировой войны подвергался арестам и заключению в концлагерь, впоследствии профессор педагогики в университете Лодзи (1945—1950).

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936), писатель, общественный деятель, участник революционного движения. В 1918–1921 гг. помогал большевистским властям в борьбе с голодом, беспорядочностью, работал в области охраны памятников истории и культуры, с декабря 1919 г. был председателем Комиссии по улучшению быта ученых.

Гримм Давид Давидович (1864–1941), юрист, историк римского права; магистр (1893), доктор (1900) римского права. Видный деятель кадетской партии, член ЦК (избран на 6-м съезде). Выпускник юридического факультета Петербургского университета (1885), при котором оставлен для подготовки к профессорскому званию: работал в Сенате, затем командирован в Германию для совершенствования образования. Приват-доцент по кафедре римского права Дерптского (Юрьевского) университета (1889–1894), приват-доцент (1894–1899), экстраординарный (1899–1901), ординарный (1901–1913) профессор по кафедре римского права, декан юридического факультета (1906–1910), ректор (1910–1911) Петербургского университета; преподаватель и профессор Училища правоведения (1891–1905), читал энциклопедию права в Военно-юридической академии (1896–1906), профессор ВЖК в Петербурге (1906–1913), ординарный профессор Харьковского университета (с 1913). С 1907 г. член Государственного совета по выборам от АН и университетов, возглавлял академическую группу; редактор газеты «Вестник Европы». С 1913 г. входил в думский Прогрессивный блок. С апреля до начала июля 1917 г. товарищ министра просвещения в 1-м коалиционном Временном правительстве, председатель Особого совещания по образованию при Временном правительстве; участник Государственного совещания в Москве (август 1917). В октябре вошел в состав Предпарламента от кадетской партии. После Октября 1917 г. переехал в Гельсингфорс, стал официальным представителем генерала Врангеля в Финляндии, членом Гельсингфорской группы «Партии народной свободы», был членом редколлегии газеты «Новая русская жизнь» (1919–1922, Гельсингфорс). В декабре 1920 г. принимал участие в создании в Париже Русского парламентского комитета и вошел в его состав вопреки постановлению Парижского кадетского комитета. Возглавлял Русский научный комитет в Финляндии. Профессор Русского юридического факультета в Праге (1922–1927; декан 1922–1929), профессор Тартусского университета (1927–1934). Член Главного совета российского

центрального объединения (вышел из его состава в ноябре 1927).

Гримм Эрвин (Александр) Давидович (1870–1940), историк Рима, специалист по новой истории стран Западной Европы; магистр (1900), доктор (1902) всеобщей истории. Член кадетской партии. Выпускник Петербургского университета (1891), при котором оставлен для подготовки к профессорскому званию, приват-доцент Петербургского (1894–1896, 1899–1903) и Казанского (1896–1898) университетов, с 1903 г. экстраординарный, с 1907 г. ординарный профессор по кафедре всеобщей истории, проректор (1908–1910) и ректор (1911–1918) Петербургского/Петроградского университета; с 1899 по 1916 гг. одновременно преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах. В годы гражданской войны входил в состав Крымского правительства барона Врангеля, затем эмигрировал в Болгарию. В 1925 г. вернулся на родину и одно время жил в Москве, работая консультантом в Народном комиссариате иностранных дел, сотрудничал с Институтом востоковедения АН СССР, был внештатным научным сотрудником в Библиотеке АН СССР, с 1933 г. привлекался к работе в ГАИМК и Институте истории АН СССР.

Д'Аннуцио (D'Annunzio) Габриэле (1863–1938), итальянский писатель, государственный деятель, приветствовал военные акции итальянского фашизма. В 1914–1915 гг. вместе с Муссолини агитировал за вступление Италии в войну на стороне Антанты. При фашизме получил титул князя, с 1937 г. — президент Академии деи Линчеи в Риме.

Деникин Антон Иванович (1872–1947), военный и политический деятель, генерал-лейтенант (1916). Из семьи офицера. Учился в Киевском пехотном юнкерском училище (1892) и в Академии Генерального штаба (1899), служил в войсковых штабах Варшавского военного округа. Участник русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войн. По политическим взглядам примыкал к кадетам. В апреле — мае 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексева, затем командовал войсками Западного (июнь-июль) и Юго-Западного (август) фронтов. Арестован по «делу Л.Г. Корнилова», но 19 ноября (2 декабря) 1917 г. бежал, тайно прибыл на Дон. В декабре 1917 г. в Новочеркасске избран членом Донского гражданского совета, был в числе организаторов Добровольческой армии (после гибели генерала Л.Г. Корнилова с апреля 1918 г. ее ко-

мандующий, с сентября главнокомандующий, с декабря главнокомандующий Вооруженными силами Юга России). Первый заместитель председателя Особого совещания (31 августа — 8 октября 1918). Летом и осенью 1919 г. предпринял поход на Москву. 30 декабря упразднил Особое совещание и создал Правительство при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. 4 января 1920 г. указом Колчака объявлен «верховным правителем Российского государства», в марте образовал Южнорусское правительство. После разгрома Добровольческой армии с остатками войск эвакуировался в Крым, весной 1920 г. объявил своим преемником генерала Врангеля и отплыл на английском эсминце в Константинополь. За границей активной политической деятельностью не занимался, жил на юге Франции. В годы Второй мировой войны занимал антинацистскую позицию, осуждал эмигрантские организации, сотрудничавшие с фашистской Германией. Умер в США.

Дьяконов Михаил Александрович (1855—1919), историк русского права; магистр (1888), доктор (1898) гражданского права; адъюнкт (1905), экстраординарный (1909), ординарный (1912) академик Петербургской АН (1912). Выпускник юридического факультета Петербургского университета, доцент, профессор истории русского права Юрьевского (Дерптского) университета по кафедре истории русского права юридического факультета (1890—1912), отказался от чтения лекций из-за болезни; ординарный профессор по кафедре истории русского права Политехнического института (1905—1919) и Петербургского университета (с 1914). С 1917 г. директор Второго (иностранного) отделения БАН. «Его хрупкое здоровье не выдержало нравственных и физических пыток жизни в вымирающем Петрограде, — писал Ростовцев. — Какая крупная фигура глубокого ученого и превосходного человека! Достойный преемник русской школы историков и юристов-государствоведов в типе Владимирского-Буданова и Сергеевича, он всю свою жизнь посвятил исследованию основ русского государственного, социального и экономического строя. Его любимой темой была история сельского населения России, его правового и экономического уклада... Велик его вклад в историческое познание России, и так больно думать, что погиб он в полном расцвете сил и творческой деятельности, еще одна жертва, неизвестно кому и для чего нужная» [*Ростовцев М.И.* Поминки. Памяти загубленных друзей и коллег] // *Современные записки.* Париж, 1920. Т. 2. С. 238].

Иностранцев Александр Александрович (1843–1919), геолог, член-корреспондент Петербургской АН (1901) и Филадельфийской АН; доктор геологии (1873). Выпускник физико-математического факультета Петербургского университета (1867), хранитель геологического кабинета (с 1868), приват-доцент (1869–1873), экстраординарный (1873–1880), ординарный (1880–1919) профессор, основатель Геологического музея (1868) Петербургского университета. Читал лекции на Бестужевских ВЖК, в Технологическом институте, в Академии генерального штаба и Инженерной академии. В 1871–1872 г. совершенствовал образование за границей; в 1872–1892 г. неоднократно совершал экспедиции по России. В 1882 г. описал стоянку первобытного человека на берегу Ладожского озера. С 1888 г. председатель Русского антропологического общества. «Сколько раз приходилось мне встречать в университете высокую, все же не согбенную, несмотря на тяжесть лет, фигуру А.А. Иностранцева, всегда доброго и всегда веселого, — вспоминал М.И. Ростовцев. — Помню как сейчас беседы с ним, семидесятилетним стариком, о новом издании его знаменитого курса геологии, на изучении которого выросло славное поколение русских геологов, открывших миру Россию в ее физическом строении, прошлом и настоящем. Помню разговор с ним в созданном им кабинете, одном из лучших учено-учебных учреждений Петроградского университета. Был он мне близок вдвойне, как крупный геолог и как выдающийся палеонтолог, так блестяще исследовавший неолитического человека северной России и доисторическую фауну этой части мира. Как часто добродушно остряли мы, вспоминая одно из блестящих его открытий в этой области, знаменитого “*Canis Inostranzevi*”. Погиб он в нищете и голоде, и похоронили его в коротком большевистском гробе. Жестокая ирония судьбы: не входил в короткий гроб большой человек, и большевики по их варварскому методу все подводившие под свой короткий режим — согнули после смерти человека, которого они не могли сломить при жизни» (*Ростовцев М.И.* Поминки. С. 240).

Кареев Николай Иванович (1850–1931), историк, философ, социолог, общественный деятель; доктор всеобщей истории (1891); член-корреспондент Петербургской АН (1910), почетный член АН СССР (1929). Выпускник Московского университета (1873), профессор Варшавского (1879–1884) и Петербургского/Ленинградского (1890–1899; 1906–1931) университетов. В 1889–1917 гг. возглавлял историческое

общество при Петербургском университете. В 1905–1906 гг. — член партии кадетов, председатель ее Петербургского комитета.

Кедров Константин Васильевич (1827–1903), педагог, деятель народного просвещения. Из духовной семьи. Учился в Гатчинском сиротском институте и Главном педагогическом институте. Преподаватель древних языков и истории в новгородской (1848–1852) и 3-й петербургской (1852–1867) гимназиях, одновременно преподаватель классических языков, русского языка и русской истории в Мариинском институте и Училище правоведения, инспектор (1862–1872) в Мариинском институте, заведующий учебной частью в Училище Св. Елены, член Учебного комитета при Св. Синоде (с 1867), экстраординарный профессор греческой словесности (1867–1872), директор (1872–1903) Петербургского историко-филологического института; в 1860–1870-х гг. преподаватель словесных наук у великих князей Владимира, Сергея и Павла Александровичей и великой княжны Ольги Константиновны (будущей королевы Греции); член Совета министра народного просвещения (с 1894).

Керенский Александр Федорович (1881–1970), общественный и политический деятель, юрист, выпускник юридического факультета Петербургского университета (1904), затем адвокат, присяжный поверенный, депутат 4-й Государственной Думы (1912), масон, член думской масонской ложи «Великий Восток народов России» (1912, генеральный секретарь в 1916–1917), во время Февральской революции вошел во Временный комитет Государственной думы, заместитель председателя Петросовета. С марта 1917 г. — эсер, министр юстиции, военный и морской министр, с июля министр-председатель Временного правительства, с августа — главнокомандующий, с сентября — глава «Директории». После октября 1917 г. бежал из столицы и жил на нелегальном положении, в июне 1918 г. эмигрировал, жил в Берлине и Париже (1922–1932), с 1940 г. — в США.

Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк, специалист по истории России, источниковед, историограф, публицист, педагог; магистр (1872), доктор (1882) русской истории; член-корреспондент (1889), ординарный академик (1900), почетный академик по разряду изящной словесности ОРЯС (1908) Петербургской АН; член Московского общества истории и древностей российских (председатель в 1893–1905). Учился в Пензенской духовной семинарии (с 1856) и на историко-филологическом факультете Московского уни-

верситета (1861–1865), слушал лекции Ф.И. Буслаева и С.М. Соловьева; сокурсник Н.П. Кондакова. Оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (1865–1867). Доцент (1879–1882), ординарный профессор (1882–1911) по кафедре русской истории Московского университета. Преподаватель в Александровском военном училище (1867–1883), Московской духовной академии (1871–1906, с 1882 профессор, с 1907 почетный член), на ВЖК В.И. Герье (1872–1888), в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1898–1911). Автор фундаментальных трудов по общественно-политической, социально-экономической и церковной истории России.

Княплунд Пол (1885–1964), историк, профессор Висконсинского университета, друг М.И. Ростовцева.

Ковалевская Софья Васильевна (1850–1891), математик, писатель, публицист; доктор философии Геттингенского университета (1874); первая женщина – член-корреспондент Петербургской АН (1889). Училась частным образом в Гейдельберге и Берлине. С 1883 г. приват-доцент, с 1884 г. профессор математики Стокгольмского университета.

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), правовед, историк, социолог, этнограф; магистр (1877), доктор (1880) государственного права; член-корреспондент (1899), действительный член (1914) Петербургской АН; член-корреспондент Академии нравственных и политических наук в Париже. Окончил юридический факультет Харьковского университета (1872), при котором был оставлен для подготовки к профессорскому званию, совершенствовал образование в Германии, Франции, Швейцарии и Великобритании, неоднократно командировался в Италию, Испанию и США, под руководством В.Ф. Миллера изучал этнографию Кавказа, для чего совершил три экспедиции (1883, 1885, 1887). Доцент (1877), ординарный профессор (1880) юридического факультета Московского университета; в 1887 г. отстранен от преподавания и уехал за границу, читал лекции в университетах Стокгольма, Оксфорда, Брюсселя, Чикаго. В 1901 г. открыл в Париже Русскую высшую школу общественных наук. С 1895 вице-председатель, с 1907 председатель Международного института социологии в Париже. Вернулся в Россию в 1905 г., возглавил первую кафедру социологии в Петербургском психоневрологическом институте, был сверхштатным ординарным профессором по кафедре государственного права юридического факультета Петербургского университета (1906–1916). Один из основателей кон-

ституционно-монархической Партии демократических реформ (1906), депутат 1-й Государственной думы (1906), с 1907 г. член Государственного совета от академической курии. В 1909 г. редактор-издатель журнал «Вестник Европы». Председатель ВЭО и Юридического общества.

Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), историк византийского и древнерусского искусства, византинист, археолог; магистр (1873), доктор (1877) истории и теории искусства; член-корреспондент (1892), ординарный академик сверх штата (1898), ординарный академик (1900) Петербургской АН; действительный член (1893) Академии художеств; действительный иностранный член Чешской Академии наук, литературы и художеств (1898); член-корреспондент Сербской королевской АН в Белграде (1901); член-корреспондент Германского археологического института. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета (1861–1865), доцент (1869–1877), профессор (1877–1888) по кафедре теории и истории изящных искусств Новороссийского университета в Одессе, затем переведен в Петербургский университет (1888–1897) по такой же кафедре. Одновременно читал лекции на Высших женских (Бестужевских) курсах. В 1888 г. назначен старшим хранителем Императорского Эрмитажа, где вплоть до 1893 г. руководил Отделением Средних веков и эпохи Возрождения. В феврале 1920 г. эмигрировал в Болгарию, до 1922 г. являлся профессором Софийского университета, затем переехал в Чехословакию. В 1922–1925 гг. читал лекции в Карловом университете в Праге, где объединил вокруг себя кружок молодых ученых, после его смерти ставший известным под названием *Seminarium Kondakovianum* (в 1931 г. преобразован в Археологический институт им. Н.П. Кондакова).

Коренчевский Владимир Георгиевич (1880 – после 1961), врач-патолог, геронтолог, фармаколог, бактериолог; доктор медицины (1908). Выпускник Военно-медицинской академии (1903), в годы русско-японской войны (1904–1905) ординатор и заведующий химико-бактериологической лабораторией в Харбинском сводном госпитале на Дальнем Востоке. Стажировался на медицинском факультете Московского университета (1905–1907), в Институте Пастера в Париже (1908), Физиологическом отделе Института экспериментальной медицины и на кафедре физиологии ВМА (1910). С 1908 г. ассистент кафедры общей и экспериментальной патологии Московского университета, с 1912 г. экстраординарный профессор общей и нормальной патологии ВМА. В

годы Первой мировой войны работал в Обществе Красного Креста. Кадет, участник IX съезда Конституционно-демократической партии в Москве (23—28 июля 1917), на котором выступал с докладом об организационно-агитационной работе. После Октября 1917 г. вошел в состав хозяйственного комитета ВМА, принимал участие в организации просветительных лекций при научно-медицинском отделе Наркомпроса. В апреле 1919 г. командирован на биологическую станцию АН в Севастополь. В 1920 г. эмигрировал в Великобританию. В 1921 г. представлял Русскую академическую группу Великобритании на 1-м съезде Русских академических организаций в Праге, в 1928 г. избран председателем 4-го съезда в Белграде. Старший научный сотрудник Листеровского института превентивной медицины (1920—1945), сотрудник Медицинского исследовательского центра, основал и возглавил Оксфордскую геронтологическую лабораторию (1945—1952); основал Клуб старения. Создатель Международной геронтологической ассоциации и пожизненный член ее правления.

Корф Сергей Александрович (1876—1924), профессор гражданского права в Гельсингфорском университете. Участвовал в издании энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. В 1917 г. эмигрировал в США.

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863—1919), историк, специалист по истории России, археограф, источниковед, социолог; магистр русской истории (1890); адъюнкт (1899), экстраординарный (1902), ординарный (1905) академик Петербургской АН; член-сотрудник (1888), действительный член (1889), секретарь Русского отделения РАО (1890—1896). Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1886), при котором был оставлен для подготовки к профессорскому званию; приват-доцент (1890—1919) по кафедре русской истории Петербургского/Петроградского университета; экстраординарный, затем ординарный профессор (1891—1899) Петербургского историко-филологического института. Член Государственного совета (1906). Член Археографической комиссии (1894), секретарь Исторического общества при Петербургском университете, председатель секции русской истории РИО, председатель кружка историков при Петербургском университете. Почетный доктор права Кембриджского университета (1916). После февральской революции 1917 работал в Особом совещании по выработке закона о выборах в Учредительное собрание. Автор работ по социально-экономической

и политической истории России, по методологии истории. Создатель школы историков в области истории России, историко-краеведения и дипломатики. М.И. Ростовцев писал о А.С. Лаппо-Данилевском: «Знал я его давно, но мы никогда не были друзьями. Слишком разные были наши темпераменты. Замкнутый, гордый, самолюбивый, вечно ищущий и всегда недовольный своими исканиями, он был видной фигурой и на Западе, языки и науку которого он знал в совершенстве, и в России. Крупный историк, автор ряда глубоких книг и статей по экономической истории России, редактор многих изданий документов.., он больше всего тяготел не к этой работе исследователя, а к широким обобщающим построениям в области философии истории. Его лекции по философии истории — глубокие и тяжелые — были и наслаждением и мучением ряда начинающих историков, его учеников. Он умер гордый и замкнутый, в глубокой тоске по гибнущей родине». (*Ростовцев М.И.* Поминки. С. 237).

Лассаль (Lassalle) Фердинанд (1825–1864), деятель немецкого рабочего движения, социалист; публицист и адвокат, президент и идеолог созданного им в 1863 г. Всеобщего германского рабочего союза

Лебедев Петр Николаевич (1866–1912), физик-экспериментатор, создатель русской научной школы физиков. Учился в Московском техническом училище и Страсбургском университете. Приват-доцент (1892–1900), профессор (1900–1911) Московского университета, покинул университет по политическим мотивам и на частные средства создал новую физическую лабораторию при Народном университете им. А.Л. Шанявского. Впервые получил (1895) и исследовал миллиметровые электромагнитные волны, количественно подтвердил электромагнитную теорию света.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), профессиональный революционер, организатор и лидер партии большевиков, основатель советского государства, председатель СНК, инициатор создания Коммунистического Интернационала (1919).

Либкнехт (Liebknecht) Карл (1871–1919), деятель германского и международного коммунистического движения, депутат германского рейхстага (1912–1916), один из основателей компартии Германии (1918), один из организаторов «Союза Спартака». Выступал с интернационалистских позиций за свержение правительства, ведущего империалистическую войну, был осужден на каторгу, освобожден в октябре 1918 г. Зверски убит 15 января 1919 г.

Лобачевский Николай Иванович (1792—1856), математик, создатель неевклидовой геометрии. Профессор (1816) и ректор (1827—1846) Казанского университета. Открытие Лобачевского (1826, опубл. в 1829—1830), не получившее признания современников, впоследствии совершило переворот в представлении о природе пространства и оказало огромное влияние на развитие математического мышления.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933), советский государственный деятель, партийный пропагандист, писатель, критик, искусствовед; академик АН СССР (1930). Двоюродный брат М.И. Ростовцева. Член РСДРП с 1895 г. В 1895—1898 гг. в эмиграции в Швейцарии, Франции, Италии, прослушал курс философии и естествознания в Цюрихском университете. С 1898 г. вел революционную работу в Москве; в 1899 г. арестован, сослан в провинцию (1900—1904). С 1903 г. большевик. В 1904 г. эмигрировал, входил в состав редакций большевистских газет «Вперед», «Пролетарий». Представитель большевиков на Штутгартском (1907) и Копенгагенском (1910) конгрессах Второго Интернационала. В 1908—1910 гг. вошел в группу «Вперед», проповедовал идеи богостроительства, за что был подвергнут критике Лениным. В мае 1917 г. вернулся в Россию и был вновь принят в РСДРП(б). Первый нарком просвещения советского правительства (1917—1929). В годы гражданской войны уполномоченный РВС Республики на фронтах и в прифронтовых районах (1918—1920). С сентября 1929 г. председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. В 1933 г. назначен полпредом СССР в Испании.

Лучицкий Иван Васильевич (1845—1918), историк, специалист по истории нового времени и истории Франции, общественный деятель; магистр (1871), доктор (1877) всеобщей истории; член-корреспондент Петербургской АН (1908). Выпускник Университета Св. Владимира в Киеве (1866), при котором был оставлен для подготовки к профессорскому званию, доцент (с 1874), профессор (1877—1907, 1918) университета Св. Владимира в Киеве и Киевских ВЖК (1879—1889); в начале 1900-х гг. читал лекции в Русской высшей школе общественных наук в Париже, с 1908 г. жил в Петербурге, преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах, в Психоневрологическом институте, на курсах П.Ф. Лесгафта; приват-доцент, почетный доктор (1913) Петербургского университета. Член ЦК партии кадетов (с 1905), некоторое время один из ее лидеров, вышел из партии после Февральской революции, с декабря 1917 г.

один из основателей Украинской федеративно-демократической партии в Киеве. Депутат 3-й Государственной Думы (1908).

Ляпунов Александр Михайлович (1857—1918), математик, механик; член-корреспондент (1900), ординарный академик (1901) Петербургской АН. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1880), магистр (1883), доктор (1892), доцент (1885—1892), профессор (1893—1901) Харьковского университета. В 1899—1902 председатель Харьковского математического общества. С 1902 г. работал в Петербурге. Создал современную теорию устойчивости равновесия и движения механических систем с конечным числом параметров. Основные труды по дифференциальным уравнениям, гидродинамике, теории вероятностей. С июня 1917 г. жил в Одессе с большой женой. Застрелился 3 ноября 1918 г. О его смерти М.И. Ростовцев писал: «А.М. Ляпунов, великий математик, одна из лучших звезд богатого когда-то звездами нашего математического небосклона. Не мне судить о его научной работе. Но я не встречал в подневольных странствованиях моих математика, которому не было бы знакомо имя Ляпунова. И он ушел добровольно из жизни, не выдержал сыпавшихся на него ударов. А как много он мог бы еще сделать» (*Ростовцев М.И.* Поминки. С. 240—241).

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1844), русский государственный деятель, с 1819 г. служил в министерстве духовных дел и народного просвещения; ближайший помощник известного своим мистицизмом министра кн. А.Н. Голицына. Отличался крайне реакционными взглядами на «преобразование общественного воспитания». Во время ревизии (1819) Казанского университета представил к увольнению по подозрению в неблагонадежности 11 профессоров. По воспоминаниям современников, когда Магницкий стал попечителем Казанского учебного округа, он превратил университет в «средневековый католический монастырь», подчинив жизнь студентов строжайшей дисциплине. В 1826 г. за растрату казенных средств и превышение власти уволен в отставку.

Масарик (Masaryk) Томаш Гарик (1850—1937), чехословацкий государственный и политический деятель, философ-позитивист; первый президент ЧСР (ноябрь 1918 — декабрь 1935). В 1887, 1889, 1910 гг. посещал Россию. С конца 1914 г. жил в эмиграции в странах Европы и США, в мае 1917 — марте 1918 г. — в России, возглавлял Чехословацкий

национальный совет, тогда же сблизился с руководством партии кадетов и членами Временного правительства. В конце 1918 г. вернулся в Прагу. Инициатор программы помощи русской эмиграции (т. н. «русской акции»), осуществленной правительством ЧСР в 1921–1931 гг. (фактически продолжалась вплоть до 1939), материально поддерживавшей как отдельных эмигрантов, так и научные, учебные и культурные объединения, организации и печатные органы, в том числе *Seminarium Kondakovianum* (с 1931 – Археологический институт им. Н.П. Кондакова). На осуществление «русской акции» правительством ЧСР в общей сложности было выделено около полумиллиарда чехословацких крон.

Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907), химик, педагог, общественный деятель; член-корреспондент Петербургской АН (1876), действительный член Петербургской АХ (1894). В 1869 г. открыл периодический закон химических элементов – один из основных законов естествознания. Профессор Петербургского университета (1865–1890). В 1892–1907 ученый-хранитель (затем управляющий) Депо образцовых гирь и весов, преобразованного в 1893 по его инициативе в Главную палату мер и весов, инициатор создания Русского химического общества (1868).

Мечников Илья Ильич (1845–1916), биолог, патолог, один из основоположников сравнительной патологии, эволюционной эмбриологии, иммунологии; магистр (1867), доктор (1868) зоологии; член-корреспондент (1883), почетный член (1902) Петербургской АН; лауреат Нобелевской премии (1908). Выпускник Харьковского университета (1864), совершенствовал знания в Геттингенском, Гиссенском, Мюнхенском университетах (1864–1867); приват-доцент зоологии Новороссийского университета (1867–1868), доцент (1868), экстраординарный профессор (1869–1870) Петербургского университета; ординарный профессор (1870–1882) по кафедре зоологии естественного отделения физико-математического факультета Новороссийского университета. Вышел в отставку в знак протеста против реакционной политики правительства в области просвещения. Председатель съезда естествоиспытателей (1884). Организовал в Одессе частную лабораторию, затем в 1886–1889 гг. заведовал созданной им первой в России бактериологической станцией (центр вакцинации против бешенства, сибирской язвы и других инфекционных заболеваний). Жил в Одессе в 1867–1868 гг. и с 1870 по 1887 гг., с 1887 г. до конца жизни – в Париже, где ему в 1888 г. была предоставлена лаборатория

в Пастеровском институте (с 1905 заместитель директора института).

Миллюков Павел Николаевич (1859—1943), политический деятель, историк и публицист, один из организаторов Конституционно-демократической партии; магистр русской истории (1892), почетный доктор Кембриджского университета (1916). Учился в Московском университете, за участие в студенческих беспорядках был исключен (1881), но уже в следующем году сумел закончить учебу в университете, при котором оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории. С 1886 г. приват-доцент Московского университета, из которого в 1895 г. уволен с запрещением преподавать из-за «вредного влияния на молодежь» пропагандируемых им идей. Выслан в Рязань (1895—1897), затем за границу, преподавал в Высшем училище в Софии. Отстранен от преподавания по требованию российских властей; в 1897—1899 гг. путешествовал по Македонии в составе экспедиций РАИК и вел раскопки. По возвращении (в 1899) в Петербург в 1901 г. арестован. В 1902—1905, 1907—1909, 1913, 1916 гг. путешествовал и читал лекции в США, Канаде, Западной Европе, Балканских странах. В 1905 г., вернувшись в Россию, организовал Конституционно-демократическую партию и стал ее идеологом, лидером, членом ЦК (с 1905), затем председателем ЦК (1907—1918). Избирался депутатом 3-й и 4-й Государственных дум. В 1917 г. стал первым министром иностранных дел Временного правительства. После Октябрьского переворота выехал в Москву, затем, спасаясь от ареста, в Новочеркасск, где принял участие в создании Добровольческой армии. В 1918 г. переехал в Киев, в конце того же года эмигрировал, жил в Румынии, Лондоне, с конца 1920 г. в Париже. Являлся главным редактором наиболее влиятельной зарубежной русской газеты «Последние новости» (1921—1940).

Моммзен (Mommsen) Теодор (1817—1903), немецкий историк античности, правовед, государственный деятель, автор фундаментальных трудов по истории Рима, профессор, заведующий кафедрой римской истории Берлинского университета (с 1858). В 1848 г. принимал участие в буржуазной революции в Шлезвиг-Гольштейне. Активно занимался политической деятельностью: принадлежал к либеральной буржуазной партии прогрессистов, после ее раскола в 1873—1879 гг. вошел в партию национал-либералов, в 1884—1903 гг. — «свободомыслящих». Депутат прусского ландтага (1863—1866, 1873—1879), германского рейхстага (1881—1884).

Автор фундаментальной «Истории Рима» (Берлин, 1854–1885. Т. 1–3, 5); рус. перевод: М.; Л., 1936–1949).

Наполеон I (1769–1821), французский император (1804–1814, март – июнь 1815).

Насонов Николай Викторович (1855–1939), биолог, зоолог, член-корреспондент (1897), ординарный академик (1906) Петербургской АН. Выпускник Московского университета (1878), работал в Зоологическом музее (1879–1889), профессор Варшавского университета (1889–1906), директор Зоологического музея АН (1906–1921), директор Лаборатории экспериментальной зоологии и морфологии АН СССР (1921–1931), директор Севастопольской биологической станции (1924–1930). В 1911 г. организовал издание много-томного капитального труда «Фауна России и сопредельных стран». В 1916 г. по его инициативе при Петербургской АН была создана комиссия по изучению озера Байкал и по организации Байкальской биостанции. В протоколах РАН за 1919–1922 гг. сведения о заграничной командировке Н.В. Насонова отсутствуют.

Николай I (1796–1855), российский император с 1825 г., подавивший восстание декабристов и жестоко преследовавший свободомыслие. Создал Третье отделение Собственной Его императорского Величества Канцелярии – политическую полицию для борьбы с революционным движением. Выступал как «жандарм Европы»: разгромил Польское восстание 1830–1831 гг. и революцию в Венгрии 1848–1849 годов.

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924), юрист, социолог, философ права, сторонник неокантианства, общественный деятель; магистр (1897), доктор (1902) философии. Окончил юридический факультет Московского университета (1888), при котором был оставлен для подготовки к профессорскому званию, совершенствовал образование за границей, в Берлине и Париже приват-доцент (1896–1903, 1907–1911), ординарный профессор (1903–1906, 1917–1918) по кафедре энциклопедии права и истории философии права Московского университета, с 1906 г. директор и профессор Московских высших коммерческих курсов (с 1907 – Коммерческий институт), одновременно преподавал на ВЖК В.И. Герье. Член кадетской партии (с 1905), кооптирован в состав ее ЦК в 1906, в 1917 избран вновь. Один из авторов и редактор сборника «Проблемы идеализма» (М., 1902), положившего начало либерально-социалистическому «идеалистическому направлению» в русском освободительном дви-

жении. Депутат 1-й Государственной думы, подписавший Выборгское воззвание, за что подвергся тюремному заключению. В годы Первой мировой войны сотрудник Всероссийского союза городов. После Октября 1917 г. депутат Учредительного собрания от Москвы по списку кадетов; руководитель подпольных антисоветских организаций в Москве, с мая 1918 г. жил на нелегальном положении. Летом — осенью 1918 г. бежал на Юг, участвовал в разработке законопроектов Особого совещания при главкоме ВСЮР генерале А.И. Деникине. В сентябре 1920 г. эвакуировался из Севастополя и уехал в Берлин, сотрудничал в газете «Руль». Входил в президиум Русского общественного комитета помощи голодающим. Отказался участвовать в парижском совещании членов Учредительного собрания в январе 1921 г. Впоследствии жил в Праге, читал лекции в Аахенской технической школе (1921—1922), основатель и руководитель Русского юридического института (факультета) при Пражском университете (1922—1924).

Нортклиф (Northcliffe) Альфред Чарльз Хармсуорт (1865—1922), с 1905 г. барон, с 1917 г. — виконт, основатель и глава британского газетного концерна; консерватор. В 1896 г. создал наиболее распространенную газету «Дейли мейл», постепенно сосредоточил в своих руках контроль над рядом лондонских и провинциальных газет («Дейли миррор», «Ивнинг ньюс» и др.), с 1908 г. над «Таймс». Пресса лорда Нортклифа сыграла большую роль в создании кабинета Ллойд Джорджа. С 1918 г. возглавлял английскую пропаганду в странах, противостоящих Великобритании в годы Первой мировой войны, способствовал развязыванию военной интервенции в Советскую Россию.

Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), востоковед-индолог, организатор науки, общественно-политический деятель; магистр санскритской словесности; академик (1900), непреходящий секретарь Петербургской АН/АН СССР (1904—1929), директор Института востоковедения АН СССР (1930—1934). Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета (1885), приват-доцент (1889—1896), исполняющий должность экстраординарного профессора (1894 — январь 1900) по кафедре санскритской словесности Петербургского университета. Один из основателей русской индологической школы. Деятельный участник либерально-демократического движения, с мая 1917 г. член ЦК кадетской партии. В 1912 — член Гос. совета; с 24 июля по 25 сентября 1917 г. министр просвещения, затем член

Временного совета республики и товарищ председателя его комиссии по национальным делам. В советское время, озабоченный судьбой РАН и других научно-просветительских учреждений, стремился сотрудничать с большевиками, но его поведение у многих академиков вызывало нарекания в излишней угодливости властям. Подробнее о послереволюционной деятельности С.Ф. Ольденбурга см.: *Каганович Б.С.* Начало трагедии (Академия наук в 1920-е годы по материалам архива С.Ф. Ольденбурга) // Звезда. 1994. № 12. С. 124–144.

Павлов Иван Петрович (1849–1936), физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности, лауреат Нобелевской премии по физиологии (1904), академик Петербургской АН (1907). Заведующий кафедрой физиологии Военно-медицинской академии (1884–1924), заведующий физиологической лабораторией Института экспериментальной медицины (1891–1936), директор Института физиологии АН СССР (1925–1936).

Патуйе (Patouillet) Жюль (Юлий Клавдиевич) (1862–1942), французский славист; почетный доктор Лионского университета. Директор Французского института в Петербурге/Петрограде (1913–1919), где читал курс истории французской литературы, преподавал всеобщую историю искусств на ВЖК в Москве. В 1918 г. по делам института ездил в Москву, в 1919 г. вернулся во Францию. Летом 1919 г. организовал поездку М.И. Ростовцева по университетским французским городам с лекциями о России.

Понтий Пилат (Pontius Pilatus), в 26–36 г. н.э., римский наместник Иудеи, согласно новозаветной традиции, утвердивший решение местных властей о распятии Иисуса Христа.

Радлов (Radloff) Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) (1837–1918), востоковед-тюрколог, этнограф, музейвед; доктор философии Йенского университета (1858); ординарный академик по истории и древностям азиатских народов Петербургской АН (1884). Учился на философском факультете Берлинского университета (1854), специализировался в области языкознания, изучал восточные и русский языки. Увлечшись урало-алтайскими языками, переехал в Россию, с 1858 г. жил в Петербурге, зарабатывал частными уроками, в свободное время занимался в Азиатском музее Петербургской АН. В 1859 г. принял русское подданство. Учитель немецкого языка в Барнаульском окружном училище (1859–1871), инспектор татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа (1872–1884). С

1884 г., став действительным членом АН, до своей смерти жил в Петербурге: являлся директором Азиатского музея (1885—1890), Музея антропологии и этнографии (1894—1918), председателем Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении (1903—1918), председателем правления Общества изучения Сибири и улучшения ее быта (1908—1918); инициатор создания Этнографического отдела Русского музея императора Александра III.

Сиротинин Василий Николаевич (1856—1934), врач-терапевт; доктор медицины (1884); кавалер ордена Почетного легиона. Выпускник Военно-медицинской академии, ученик С.П. Боткина. С 1895 г. профессор ВМА по кафедре частной патологии и терапии, директор госпитальной клиники внутренних болезней ВМА (1904—1918), заведующий первым терапевтическим отделением Клинического военного госпиталя, председатель Медицинского совета ВМА, лейб-медик, член Главного управления Красного Креста. Во время гражданской войны — председатель медицинского совета при главкоме ВСЮР А.И. Деникине. Эмигрировал в Югославию, работал консультантом Белградского госпиталя и личным врачом короля Сербского Петра I. В 1921 г. избран председателем Русско-сербского медицинского общества, с 1924 г. жил во Франции. Умер в Париже.

Смирнов Яков Иванович (1869—1918), историк древнехристианского и византийского искусства, археолог; член-корреспондент (1907), ординарный академик (1917) РАН, член-сотрудник (1893), действительный член РАО (1897), управляющий Русским отделением общества (1898—1912). Выпускник Петербургского университета (1891), любимый ученик Н.П. Кондакова, по настоянию которого сдал экзамен на степень магистра, но диссертации не защитил. Приват-доцент кафедры теории и истории изящных искусств историко-филологического факультета (1898—1899) и кафедры истории Востока факультета восточных языков (1913—1918) Петербургского/Петроградского университета; хранитель (1899—1909), старший хранитель (1909—1918) Отделения Средних веков и эпохи Возрождения Императорского Эрмитажа. «Я.И. Смирнов — первая жертва большевистского голодного режима, академик Российской Академии наук и хранитель Эрмитажа, — писал о нем М.И. Ростовцев в статье «Поминки». — Немногие его знали, но кто знал, тот свято хранит этот образ. Я не видел

человека, который был бы столь равнодушным к себе и столь предан своей науке, сразу видевший то, чего не видели другие, “острый взгляд” которого известен был всем археологам Европы, он соединял бесконечное знание вещей с огромной начитанностью и с необычайно острым критическим умом, слишком острым может быть, мешавшим ему обобщать и строить. Помню его в Эрмитаже, помню в Археологическом обществе. Помню его перегруженные материалами, остроумными открытиями, неожиданными комбинациями длинные и иногда сумбурные, но всегда живые и захватывающие доклады. Помню его в археологических поездках и музеях, где он забывал и об еде, и об усталости, изучая памятники, измеряя, зарисовывая и комбинируя. Помню в Эрмитаже, куда длинной вереницей тянулись к нему коллеги и ученики за справками, за помощью, за разрешением недоумений. Не знаю, для кого Смирнов работал больше, для себя или для других. А погиб он потому, что ему противно было думать о себе, стоять в хвостах, терять время научной работы на заботу о своем больном теле. Он жил как подвижник и умер как аскет. Мир праху его!» (см.: *Ростовцев М.И.* Поминки. С. 237).

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, историк, философ, социолог, общественно-политический деятель; магистр (1913), доктор (1917) экономики, почетный доктор права Кембриджского университета (1916); действительный член РАН (1917; исключен в 1928 г.; восстановлен в 1990 г.). Выпускник юридического факультета Петербургского университета (1895), в студенческие годы увлекся марксизмом, вел социал-демократическую пропаганду среди рабочих. В 1890-х гг. теоретик «легального марксизма», автор первых программных документов РСДРП. В начале 1900-х гг. перешел на позиции либерализма. В 1901 г. эмигрировал, в Штутгарте и Париже издавал журнал «Освобождение» (1902–1905), один из организаторов и руководителей «Союза освобождения» (1904). В период первой русской революции вернулся на родину, стал одним из организаторов кадетской партии, лидер ее правого крыла (член ЦК с 1905 по 1915 гг.). Депутат 2-й Государственной Думы (1907). Издатель и редактор журналов «Полярная звезда», «Русская мысль» (с 1907 г.) и «Русская свобода» (1917). Один из организаторов и авторов сборников «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918), участник Религиозно-философского общества. Преподавал политэкономии (с 1917 г. профессор) в Петербургском политехническом институте императора Петра Великого, на Бестужевских ВЖК (с 1910 г.). В апреле 1917 г. — директор второго

департамента МИД, вместе с П.Н. Милкоковым ушел в отставку. Участник Государственного совещания и Предпарламента. Октябрьскую революцию встретил враждебно. Организатор и идеолог Белого движения, в декабре 1917 г. избран в Донской гражданский совет, с марта 1918 г. член Правого центра, с января 1919 г. — Национального русского комитета. В 1919 г. представлял в Лондоне и Париже интересы Н.Н. Юденича, был связан с Русским политическим совещанием. С сентября 1919 г. член Совета государственного объединения России. Активно сотрудничал в Осведомительном агентстве (ОСВАГ) генерала А.И. Деникина, член «Особого совещания» при Деникине, редактировал газету «Великая Россия». С апреля 1920 г. начальник управления иностранных сношений Правительства Юга России. Весной — летом 1920 г. в Париже вел переговоры с представителями правительств Франции и Великобритании об официальном признании Правительства Юга России, военной и материальной помощи с целью добиться от РСФСР гарантий неприкосновенности и самостоятельности Крыма и казачьих территорий. Автор декларации по национальному вопросу (июнь 1920 г.) Правительства Юга России. Эмигрировал в 1920 г. в Париж, жил в Праге; редактор «правых» периодических изданий — журнала «Русская мысль» (1921—1924, 1927; Прага — Берлин — Париж), газет «Возрождение» (1925—1927, Париж), «Россия» (1928), входил в руководство газеты «Россия и славянство» (1928—1934). Председатель Отделения общественных наук Русского научного института в Белграде (1928—1941), читал курс социологии в университетах Белграда и Субботицы, преподавал в Пражском университете. После ареста в 1941 г. немецкими оккупационными властями и трехмесячного заключения уехал в Париж.

Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940), революционер, советский государственный деятель. В социал-демократическом движении с 1896 г., с августа 1917 г. большевик, руководитель вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 г. Нарком иностранных дел в первом Совнаркоме (1917—1925), нарком военмор РСФСР (1918—1924), с сентября 1918 г. председатель Революционного военного совета республики, член Политбюро ЦК РКП(б), впоследствии на административно-хозяйственной работе. В 1929 г. выслан из СССР. Убит в Мексике по заданию НКВД.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), писатель. В 1838—1840 гг. и с 1844 г. подолгу жил за границей, главным образом в Париже, лишь наездами посещал родину.

Уэллс (Welles) Герберт Джордж (1866–1946), английский писатель, публицист. Трижды посетил Россию (1914, 1920, 1932), 6 октября 1920 г. беседовал с Лениным. Свои впечатления об увиденном в Советской России опубликовал в книге «Россия во мгле» (1920; рус. пер. 1922), в которой пришел к выводу, что только коммунисты способны управлять страной.

Фаминцын Андрей Сергеевич (1835–1918), ботаник и физиолог растений, академик Петербургской АН (1884). Окончил Петербургский университет (1857), совершенствовал образование в Германии и Франции, приват-доцент (1861–1872), профессор (1872–1889) Петербургского университета, организатор (1890) и директор первой в России лаборатории физиологии растений при Петербургской АН.

Федоров Евграф Степанович (1853–1919), кристаллограф, минералог, петрограф, геометр, адъюнкт (1901), ординарный академик (1919) Петербургской АН, почетный член Баварской АН (1896), член Национальной академии деи Линчеи (1909), Минералогического общества Великобритании и Ирландии (1910). Учился в Медико-хирургической академии, Технологическом и Горном институтах. По заданию Горного департамента проводил геологические изыскания на Северном Урале (1884–1890), одновременно работал в Геологическом комитете (1885–1894). Профессор Московского сельскохозяйственного института (1885–1905), приват-доцент (1896–1905), профессор (с 1905 г.), директор (1905–1910) Горного института в Петербурге. «Пришлось мне недавно обедать в одном из Оксфордских колледжей, — вспоминал М.И. Ростовцев, — После обеда завязался разговор о русской науке и ее современном положении. Мой собеседник — молодой кристаллограф — оказался учеником московского профессора Федорова., которого так мало ценили большевики, лишив его содержания за отказ признать советскую власть (как он сам писал 25 декабря 1918 г. моему собеседнику) и допустив в результате этого его смерть от истощения, и о котором с таким энтузиазмом, как о величайшем кристаллографе мира, говорил мой случайный собеседник» (см.: *Ростовцев М.И.* Поминки. С. 240).

Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919), филолог и историк-славист, публицист; магистр (1881), доктор (1888) славяноведения; член-корреспондент Петербургской (1898), Сербской и Югославянской АН. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета

(1876), преподавал на Петербургских ВЖК (1880–1881); доцент (1882–1888), ординарный (с 1888 г.), заслуженный ординарный профессор, декан историко-филологического факультета, глава Библиотечной комиссии университета Св. Владимира в Киеве. Товарищ председателя Киевского славянского общества, редактор «Славянского ежегодника» (с 1884 г.). По сведениям Ф.Ф. Перченка, расстрелян 2 мая 1919 г. в Киеве «в порядке красного террора» (*Перченко Ф.Ф.* Ук. соч. С. 20). Та же дата указана в справочнике «Академия наук СССР: Персональный состав» (М., 1974. Кн. 1. С. 173). По данным книги Л. Проценко «Киевский некрополь» (Киев, 1994. С. 245), дата его смерти – 29 августа 1919 г.

Фредерик (Фридрих) VI (1808–1839), датский король из немецкой династии Ольденбургов, претендовавший на шведский престол.

Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920), социолог, правовед, психолог; магистр (1896), доктор (1898) римского права. Выпускник юридического факультета Московского университета (1889), где был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре гражданского права, приват-доцент (1895–1899), профессор (1899–1911, 1917–1920) Московского университета по кафедре римского права, профессор ВЖК В.И. Герье, Народного университета им. А.Л. Шанявского (1911–1917). В 1917 г. основал при Московском научном институте Институт социальной психологии. 5 февраля 1920 г. покончил жизнь самоубийством. М.И. Ростовцев характеризовал его как «превосходного юриста, знатока римского права, энергичного общественного и университетского деятеля, популярного лектора» (*Ростовцев М.И.* Поминки. С. 238).

Хейвуд Уильям (Haywood William Dudley; 1869–1928), американский деятель профсоюзного движения, с 1898 г. генеральный секретарь-казначей Западной федерации рудокопов, с 1901 г. член, затем член ЦК социалистической партии (исключен в 1912 г.), участник Копенгагенского конгресса Второго Интернационала (1910), генеральный секретарь объединения профсоюзов Индустриальных рабочих мира. Неоднократно подвергался арестам, в 1918 г. осужден на 20 лет крепости и 30 тыс. долларов штрафа, но вышел из тюрьмы на поруки и нелегально покинул США. С 1921 г. жил в Москве, сотрудничал с ВКП(б), Коминтерном, Профинтерном и др.

Холлитшер, Холлитшер Артур (Holitscher Arthur, 1869–1941), австрийский писатель, журналист. В Советской России ряд его книг опубликованы под фамилией Голицер Артур.

Чупров (Chuprov) Александр Александрович (1874–1926), экономист, теоретик статистики, математик, основоположник современной системы преподавания статистики; доктор экономических и политических наук (1901), доктор математики (1909); член-корреспондент РАН (1917), член Международного статистического института, член-корреспондент Лондонского королевского статистического общества. Выпускник физико-математического факультета Московского университета (1896), совершенствовал образование в Германии (1896–1901), приват-доцент (1902–1909), ординарный профессор (1909–1917) по кафедре статистики Петербургского/Петроградского политехнического института императора Петра Великого (1902–1917). В мае 1917 г. уехал на летние каникулы в Стокгольм, но в Россию вернуться не смог, с января 1919 г. — заведующий статистическим бюро Центросоюза в Стокгольме, был представителем русского посольства и колонии в Швеции (Отдел рукописей Британского музея, Add. 54437. Л. 55). Судя по фонду Г. Вильямса, Комитет освобождения России регулярно переписывался с А.А. Чупровым (Add. 54437. С. 123–128). С середины 1920 г. жил в Берлине, затем в Дрездене, в 1925 г. занял кафедру Русского юридического факультета в Праге, но в том же году уехал на лечение в Италию, затем перебрался в Женеву, жил в семье своего друга С. Гулькевича.

Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), лингвист, филолог, текстолог, историк древнейших славянских литератур и языков, историк культуры, организатор науки, общественно политический деятель; доктор русского языка и словесности (1893); адъюнкт (1894), экстраординарный (1897), ординарный (1899) академик, с 1898 г. член Правления, с 1906 г. до своей смерти председательствующий в ОРЯС Петербургской АН; член Сербской АН (1904), член-корреспондент Краковской АН (1910). Член ЦК кадетской партии (1906–1908). Выпускник Московского университета (1887), в 1890 г. приват-доцент Московского университета. В 1891 г. уехал из Москвы в Саратовскую губ., где занял место земского начальника. В декабре 1894 г. переехал в Петербург и до конца своих дней был связан с Петербургской АН. В 1899 г. избран членом Археографической комиссии; в марте 1899 г. назначен Директором I Отделения Библиотеки АН. В

1908 г. был приглашен историко-филологическим факультетом Петербургского университета читать лекции по русскому языку, в 1909 г. стал сверхштатным, затем ординарным и заслуженным профессором университета. «Он погиб, — писал М.И. Ростовцев, — изнуренный голодом и нравственными муками; его слабое тело побороло его сильный дух; оно не справилось с тяжелой болезнью, и преждевременно оборвалась богатая жизнь одного из крупнейших русских ученых... Как человек он соединял в себе все положительные качества русской души: мягкость, даже некоторую изнеженность душевных переживаний, бесконечную доброту и терпимость, полную свободу от всяких предрассудков, безграничную любовь к людям и бесконечную способность к жертвам, даже к самопожертвованию» (*Ростовцев М.И. Поминки. С. 238—239*).

Шейдеман (Scheidemann) Филипп (1865—1939), один из правых лидеров социал-демократической партии Германии; член правления партии с 1911 г. В ноябре 1918 — феврале 1919 г. один из председателей (наряду с Ф. Эбертом) Совета народных уполномоченных, стремившегося помешать дальнейшему развитию Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. В феврале — июне 1919 г. глава правительства.

Эберт (Ebert) Фридрих (1871—1925), германский политический и государственный деятель, один из правых лидеров германской социал-демократии (с 1913 г. один из председателей правления партии). С 1912 г. депутат рейхстага, с 1916 г. глава социал-демократической фракции. Во время Ноябрьской революции 1918 г. принял от принца Макса Баденского пост рейхсканцлера, 10 ноября стал одним из председателей правительства — Совета народных уполномоченных. В январе 1919 г. правительство Эберта — Шейдемана подавило революционные выступления в Берлине. С февраля 1919 г. — президент Германии.

Энвер-паша (Enver Pasa) (1881—1922), генерал турецкой армии, один из идеологов пантюркизма, лидер младотурок, глава триумvirата, управлявшего Турцией в годы Первой мировой войны, организатор турецкой интервенции в Закавказье в 1918 г. В 1918 г. после поражения Турции бежал в Германию; стал агентом английской разведки и некоторое время находился в Советской России. В 1921 г. в Туркестане, выдавая себя за сторонника советской власти, создал подпольный «Комитет национального объединения», затем примкнул к бухарским басмачам. Убит в стычке с отрядом Красной Армии.

Список сокращений

АН	– Академия наук
БАН	– Библиотека Академии наук
ВДИ	– Вестник древней истории
ВЖК	– Высшие женские курсы
ВМА	– Военно-медицинская академия
ВСЮР	– Вооруженные силы Юга России
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры
КЕПС	– Комиссия по изучению естественных производительных сил России
КИПС	– Комиссия по изучению племенного состава населения России
КОР	– Комитет освобождения России
МНП	– Министерство народного просвещения
Наркомпрос	– Народный комиссариат просвещения
ОИФ	– Отделение исторических наук и филологии
ОРЯС	– Отделение русского языка и словесности
ОС	– Общее собрание
ОФМН	– Отделение физико-математических наук
ПФА РАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РАИК	– Русский археологический институт в Константинополе
РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры
РАН	– Российская Академия наук
РАО	– Русское археологическое общество
РГАК	– Российская государственная археологическая комиссия
РИО	– Русское историческое общество
СНК	– Совет народных комиссаров
ЦГА СПб	– Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

Именной указатель

А

- Аветисян К.А.* — 116
Авксентьев Н.Д. — 151, 152
Аксенов Г.П. — 155
Александр I, император
российский — 110, 153
Александр III, император
российский — 148, 149, 175
Альфельди — 7
Андрусов Н.И. — 130
Аппель П. — 155
Арцыбашев Д.Д. — 130

Б

- Бартольд В.В.* — 123, 148
Бартон — 110
Барту Л. — 134
Бастракова М.С. — 132
Батюшков Ф.Д. — 130
Бауэрсок Г.У. (Bowersock G.W.) — 115, 116
Бенешевич В.Н. — 122, 130
Бенуа А.Н. — 147
Бергман Дж. — 90
Бернадот Ж.Б. — 110, 153
Бехтерев В.М. — 117
Бикерман Э. — 7
Битюков К.О. — 116
Блауберг М.Б. — 91, 153
Боголепов Д. — 142
Бонгард-Левин Г.М. — 14, 115, 116, 117, 118, 134
Борис III, болгарский король — 127
Борман А.А. — 10, 117, 126, 130
Боткин С.П. — 175
Брик О.М. — 147
Брусянин В.В. — 20
Брут М.Ю. — 53, 153

- Бубнов Н.М.* — 119
Бузескул В.П. — 123
Бунин И.А. — 4
Буслаев Ф.И. — 156, 164
Бухарин Н.И. — 88, 142
Быстрянский В. — 142
Бьюкенен Дж. — 156

В

- Вандалковская М.Г.* — 151
Вандерлип Ф.А. — 81, 153
Вальден П.И. — 69, 121, 122, 153
Васильев А.А. — 115, 116, 118
Веллз (Уэллс, Welles) Г. — 11, 73, 74, 75, 94, 116, 178
Верещагин В.А. — 147
Вернадский В.И. — 4, 99, 116, 118, 124, 125, 132, 133, 153–155
Вернадский Г.В. — 116, 117, 155
Викторов Д.В. — 91, 100, 155
Вильгельм II, германский император — 49, 53, 155
Вильсон В. — 129
Вильямс Г.В. (Williams G.W.) — 10, 117, 118, 126, 127, 155–156, 180
Винавер М. — 117
Виноградов А.К. — 141
Виноградов П.Г. — 69, 121–123, 156–157
Вирхов (Virchow) Р. — 18, 157
Вахтель М. — 115
Владимирский-Буданов М.Ф. — 162
Волгин В. — 142

Волков В.П. — 117
Врангель П.Н. — 73, 74,
150, 157–158, 159, 161

Г

Герцен А.И. — 69, 158
Герье В.И. — 155, 156,
172, 179
Гессен (Hessen) С.И. —
95, 144, 150, 158
Гессен И.В. — 158
Гиллиам Дж. Ф. (Gil-
liam J.F.) — 5, 6, 117
Гойхбарг А. — 142
Голичер А., см. Холитшер А.
Головин В.А. — 147
Гольдштейн А.В. — 154
Горький М. (Пешков А.М.) —
11, 73, 74, 136, 147, 159
Грбарь И.Э. — 141
Гревс И.М. — 123
Гримм Д.Д. — 100, 159–
160
Гримм Э.(А.)Д. — 100, 160
Гуиров Ал. (Guiron), см.
Чупров А.А.
Гулькевич С. — 180

Д

Данте А. — 94
Д'Аннунцио
(D'Annunzio) — 85, 160
Дельбрюк Р. — 6
Делянов И.Д. — 145
Деникин А.И. — 10, 107,
129, 130, 156, 158, 160–
161, 173, 175, 177
Денисов Н.Х. — 9
Денисов С.В. — 10
Дональд Р. — 126
Думова Н.Г. — 117
Дьяконов М.А. — 100,
122, 133, 161

Ж

Жебелев С.А. — 123

З

Заменгоф Л. — 135
Зелинский Ф.Ф. — 123
Знаменский О.Н. — 147
Зуев В.Ю. — 14, 115, 118

И

Иванов Вяч. И. — 115
Игнатъев П.Н. — 121
Иезуитова Л. — 117
Иностранцев А.А. — 101,
162
Иогихес Л. — 127
Исаков Л.Д. — 130

К

Каганович Б.С. — 118, 174
Казнина О.А. — 117
Калачов Н.В. — 124
Капитайкин Э. — 117
Каплан В. — 117
Кареев Н.И. — 69, 123,
162
Карпинский А.П. — 121
Карпович М.М. — 116
Каспаринская С.А. — 147
Кацаров Г. — 6
Квачала И.И. — 119
Кедров К.В. — 97, 163
Керенский (Kerensky) А.Ф. —
55, 128, 163
Кизеветтер А.А. — 151
Ключевский В.О. — 106,
163–164
Кнаплунд П. — 110, 164
Ковалевская С.В. — 69,
164
Ковалевский М.М. — 69,
164–165
Колчак А.В. — 10, 130,
139, 161

Кондаков Н.П. — 9, 99,
118, 121–123, 125, 164,
165, 175
Кондаков С.Н. — 118
Копелевич Ю.Х. — 120
Коренчевский В.Г. — 100,
165
Королевский (Korolev-
sky) В.Г., см. Коренчев-
ский В.Г.
Корф С.А. (Korf S.) — 106,
109, 110, 152, 166
Котляревский Н.А. — 122
Кравченко Е.А. — 120
Красин Л.Б. — 139
Кузовков Д. — 142
Кызласова И.Л. — 118

Л

Лаврова В.А. — 14
Лаврова М.В. — 14
Лаппо-Данилевский А.С. —
68, 100, 122, 123, 133,
166
Лаптева М.Д. — 14
Ларин М. — 142
Лассаль (Lassalle) Ф. — 77,
167
Латышев В.В. — 132, 146
Лебедев Г.С. — 115, 117
Лебедев П.Н. — 104, 167
Лебединина Е.Д. — 120, 134
Ленин (Ульянов) В.И. —
43, 47, 48, 64, 73, 77, 78,
89, 127, 128, 136, 138,
141, 142, 143, 144, 167,
168, 178
Лермонтов М.Ю. — 142
Либкнехт (Liebknecht) К. —
41, 57, 126, 127, 167
Линденер Б.А. — 130
Лискун Е.Ф. — 130
Ллойд Джордж Д. — 126,
129, 132, 173

Лобачевский Н.И. — 104,
168
Лукин Н. — 142
Луначарский А.В. — 11,
90, 168
Лучицкий И.В. — 69, 168 —
169
Люксембург Р. — 127
Ляпунов А.М. — 69, 91,
100, 161–169

М

Магницкий М.Л. — 97,
169
Малеин А.И. — 123, 146
Марр Н.Я. — 123, 148
Мархлевский Ю. — 142
Масарик (Masaryk Т.Г. —
106, 169–170
Мах Э. — 155
Медичи — 11
Мейерхольд В.Э. — 147
Меллер-Закомель-
ский А.Н. — 150
Менделеев Д.И. — 104,
170
Меринг Ф. — 127
Мечников И.И. — 69, 104,
170–171
Миленкович Т. — 143
Миллер А.А. — 149
Миллер В.Ф. — 164
Милюков П.Н.
(Miljoukov P.) — 10, 106,
107, 108, 109, 110, 129,
150–152, 171, 177
Михайлов О.Н. — 117
Моммзен (Mommsen) Т. —
18, 171

Н

Наполеон I (Наполеон
Бонапарт) — 110, 153,
172

Неаполитанская В.С. — 155
Набоков В.Д. — 10, 115
Набоков К.Д. — 10
Насонов Н.В. — 99—100, 172
Никитский А.В. — 132, 136, 146
Николай I, император российский — 97, 102, 145, 172
Николай II, император российский — 152
Никольский Д.П. — 130
Никольский Н.К. — 136
Новгородцев П.И. — 100, 172—173
Нольде В.Э. — 117
Нортклиф (Northcliffe) А.Ч.Х. — 48, 173

О

Ожигова Е.П. — 120
Ольденбург, герцог, см. Фредерик (Фридрих) VI
Ольденбург С.Ф. — 12, 87, 88, 118, 121, 123, 124, 130, 131, 133, 136, 141, 148, 155, 173—174
Ольденбурги, династия — 152, 179

П

Павлов И.П. — 73, 104, 105, 135, 136, 174
Патуйе (Patoillet) Ж. (Ю.К.) — 68, 123, 133, 174
Перченко Ф.Ф. — 141, 179
Петерсен Э. — 6
Петлюра — 129
Петр I, король Сербский — 175

Петр I Великий, царь, первый рос. император — 148, 176, 180
Петровский Н.М. — 123
Пик В. — 127
Пилат Понтий — 50, 174
Платонов С.Ф. — 136
Платонова Н.И. — 125
Покровский М. — 88, 142
Приселков М.Д. — 122
Проценко Л. — 179
Пузино Н.В. (Poozino N.V.) — 102
Пунин Н.Н. — 147
Пушкин А.С. — 142

Р

Радек К. — 88, 142
Радлов (Radloff) В.В. (Ф.В.) — 100, 148, 149, 174—175
Решетов А.М. — 149
Робинсон Д.М. — 6
Рождественский С.В. — 122
Ростовцева С.М. — 48, 54, 61, 118
Ротштейн Ф. — 142
Рыкачев М.А. — 146
Рязанов Д. — 88, 142

С

Савинков Б. — 151
Сазонов С.И. — 130
Салазкин С.С. — 133
Сергеев А. — 155
Сергеевич В.И. — 161
Сиротинин В.Н. — 100, 175
Сироткин (Sigotkin), см. Сиротинин В.Н.
Скворцов И. — 142
Смирнов Я.И. — 100, 175—176
Соболевский А.И. — 122

Соловьев А.Ю. — 14
Соловьев С.М. — 156, 164
Сорокин П.А. — 136
Стеклов В.А. — 122
Струве П.Б. — 10, 69, 156,
176—177

Т

Тальерен А.М. — 118
Тацит — 95
Тер-Оганесов В. — 142
Тихонов И.Л. — 14
Тодес Д. — 7
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. — 50, 77, 78,
174
Тункина Г.М. — 14, 115,
118, 124, 131, 132
Тураев Б.А. — 123
Тургенев И.С. — 69, 142,
177
Тыркова-Вильямс А.В. —
10, 13, 117, 118, 126,
129, 130, 150, 155, 156
Тюрин А. — 155

У

Уваров С.С. — 145
Уэллс Г., см. Веллз Г.

Ф

Фаминцын А.С. — 100,
121, 178
Федоров Е.С. — 101, 104,
178
Ферсман А.Е. — 130
Флоринский А., см. Фло-
ринский Т.Д.
Флоринский Т.Д. — 101,
178—179
Фредерик (Фридрих) VI,
датский король из дина-
стии Ольденбурггов —
110, 152, 179

Фриче В. — 142
Фролов Э.Д. — 115, 116

Х

Хабаров И. — 117
Хайнен Х. — 5, 14
Хвостов В. — 91, 100, 179
Хейвуд У. (Haywood W.D.) —
87, 179
Холлитшер (Холитшер)
Арт. (Holitscher Art.) —
94, 143, 180
Худяков М.Г. — 115
Хюльзен Х. — 6

Ц

Цезарь — 153
Циперович — 142

Ч

Чадаев В. — 141, 142
Чернов В.М. — 151
Черчилль У. — 139
Чупров (Chuprov) А.А. —
100, 180

Ш

Шанявский А.Л. — 155,
167, 179
Шахматов А. — 100, 122,
123, 130, 132, 180—181
Шаховская А.Д. — 155
Шейдеман (Scheidemann) Ф. — 41, 126, 181
Шидловский С.И. — 150
Шингарев А.Н. — 150
Шкловский И.В. — 10
Шлейер И.М. — 135
Штернберг Л.Я. — 123
Шульгин В.В. — 150

Э

Эберт (Ebert) Ф. — 49, 181
Энвер-паша (Enver Pasa) — 85, 181

Я

Яковкин И.М. — 130
Ястребов Н.В. — 123

Beyer J.M. — 116
Bowersock G.W., см.
Бауэрсок Г.В.

Fischer S. — 143
Frolov E.D., см.
Фролов Э.Д.

Jones A.H. — 116

Kukula R. — 131

Lüdtke G. — 131

Mendel C.W. — 116
Momigliano A.D. — 116

Neuner E. — 131

Thiel J.H. — 116
Trübner K. — 131

Welles G.V., см. Веллз
Wes M.A. — 116, 117
Williams H., см. Вильямс Г.

Zielinska-Kanokogi — 116

Содержание

<i>И.В. Тункина. М.И. Ростовцев как политический публицист</i>	3
ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ	15
Профессора и Государственная Дума	17
Наука и революция.....	20
Практика и цели большевизма	41
Интервенция и «laissez-aller»	49
Мировой большевизм.....	55
Кошмар.....	61
Организация будущих научных отношений между странами-союзницами	65
Еще раз Веллз – Горький и Россия	73
Большевицкая Россия и культурное человечество	75
Наука в большевистской России.....	86
Университеты и большевики	95
Русская наука в изгнании	99
Рецензия на книги: Милюков П.Н. Россия сегодня и завтра (Нью-Йорк: Макмиллан компани, 1922); Барон Корф С.А., доктор гражданского права. Зарубежные связи России в течение последней половины века (Институт политических публикаций Вилльямс колледжа. Виллинойстаун. Нью-Йорк: Макмиллан компани, 1922)	106
Комментарии.....	113
Биографический словарь.....	153
Список сокращений	183
Указатель имен.....	184

М.И.Ростовцев
ИЗБРАННЫЕ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ
1906—1923

Редакторы *И.Шадрина, И.Ряховская*
Художественное оформление *А.Сорокин*
Компьютерная верстка *Е.Егоркина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 15.05.2002.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 10,08. Уч.-изд.л. 12,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 6274

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации)

ППП типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

